

2021
№3

KAZAKHSTAN

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитетінің Р. Б. Сүлейменов атындағы
Шығыстану институты жанындағы Тарихи материалдарды
зерттеу бойынша республикалық ақпараттық орталығы

Республиканский информационный центр по изучению
исторических материалов при Институте востоковедения
им. Р. Б. Сулейменова Комитета науки Министерства
образования и науки Республики Казахстан

SHYGYS

МАЗМҰНЫ ✦ CONTENT ✦ СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Б. Б. ИРМУХАНОВ

В. П. Юдин и этногенез казахского народа 3

М. Х. АБУСЕИТОВА

Вениамин Петрович Юдин и казахстанское
востоковедение 9

М. Т. МОРЯКОВА

О некоторых вопросах казахско-могульских отношений
в научном наследии В. П. Юдина 15

А. И. ОРАЗБАЕВА

Эволюция научной мысли о государстве 20

Э. М. МОЛОТОВА

Истоки соперничества накшбандийа
в Восточном Туркестане 24

Г. М. МОЛОТОВА

Житие Ибрахим ибн Адхама в агиографических
сочинениях 30

А. Ш. НУРМАНОВА, Д. Е. МЕДЕРОВА,

Б. Д. ДҮЙСЕНОВ

«Жартылай тәуелсіз» хандар туралы жаңа деректер:
Жантөре Айшуақов 36

ВАКНУТ EZHENKHAN-ULI

Letters from Kazakh Khan-Sultans to Qing Officials
concerning the Trading Activities of Kazakhs in Kashgaria
in the Second Half of 18th Century» 44

Қ. Ж. ӘУЕЗОВ

Бұланты-Білеуті шайқасы – казактың
рухын оятқан күрес 65

Ш. Ж. ТОХТАБАЕВА

Аналогии в традиционной культуре казахов и народов Востока 69

С. К. МАЛАБАЕВ

Архивные источники по истории Кыргызстана XX века 75

Г. МУКАНОВА

Академик А. Е. Крымский о казахской литературе и сборнике «Молодой Казахстан» С. Садвокасова (к 150-летию востоковеда-тюрколога) 80

Е. У. БАЙДАРОВ, Д. МИРЗАЕВ

Государства Центральной Азии: Путь от национальной к региональной идентичности 85

Н. ОСПАНОВ

БҮҮ-дағы 1993 жылғы эзирбайжан-армян қақтығысы 94

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

В. П. Юдин. Орыс ханның қазасы жөніндегі белгісіз дерек (Шығыс Дешті Қыпшақтың XIV ғасырдағы саяси тарихынан). *Баспаға дайындаған Ж. Ошан* 103

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**З. С. ТАБЫНБАЕВА**

Летняя школа «Письменные и визуальные исторические источники по истории и культуре Центральной Азии: состояние и перспективы изучения» 110

Н. Ж. ШАЙМАРДАНОВА

Информация по поездке в Бельгию 113

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ 114

Редакционная коллегия:

Абусеитова М. Х. – председатель (Казахстан)

Алимгазинов К. Ш. (Казахстан)

Алимова Д. А. (Узбекистан)

Анне-Мари Вильмено (Бельгия)

Байтанаев Б. А. (Казахстан)

Джин Нода (Япония)

Додхудоева Л. Н. (Таджикистан)

Жанаев Б. Т. (Казахстан)

Жумагулов К. Т. (Казахстан)

Зайцев И. В. (Россия)

Кусаинова Т. Ж. (Казахстан)

Масимханулы Д. (Казахстан)

Оразбаева А. И. (Казахстан)

Попова И. Ф. (Россия)

Самашев З. С. (Казахстан)

Самагулов Т. Н. (Казахстан)

Сулейменов О. О. (Казахстан)

Султангалиева Г. С. (Казахстан)

Табынбаева З. С. (Казахстан)

Токо Фудзимото (Япония)

Турдалиева Ч. Д. (Кыргызстан)

Ужкенов Е. М. (Казахстан)

Уреула Симс Уильям

(Великобритания)

Уяма Томохико (Япония)

Францис Ришар (Франция)

Шаймарданова Н. Ж. (Казахстан)

Редакторы:

В. Корешкова, К. Смадилова

Корректор Н. Садыкова

Компьютерная верстка

В. Корешковой

Дизайнер К. Карпун

Адрес редакции:

г. Алматы,

Издательство «Шығыс пен Батыс».

050009, г. Алматы,

пр. Абая, 143, оф. 220.

Тел.: 394-40-45, 394-42-32

Журнал зарегистрирован Министерством информации Республики Казахстан в 2004 г. Свидетельство № 4881-Ж. Перерегистрирован Министерством информации Республики Казахстан в 2020 г. Свидетельство № KZ76VPY00027373

Подписано в печать 28.09.2021. Формат 70 × 100^{1/16}. Уч.-изд. л. 9,2.

Усл. п. л. 7,5, вкл. 0,25 п. л.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «SERVIS PRINT»

ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Б. Б. ИРМУХАНОВ

В. П. ЮДИН И ЭТНОГЕНЕЗ КАЗАХСКОГО НАРОДА

Вплееде замечательных русских, советских ученых, талантливо и с уважением исследовавших историю казахского народа, почетное и достойное место принадлежит Вениамину Петровичу Юдину (1928–1983). Выпускник Московского института востоковедения имени Н. Н. Нариманова (1950 г.), Юдин закончил аспирантуру этого института по специальности «уйгуроведение». В 1955 г. был приглашен в КазПИ имени Абая, в только что открывшееся уйгурское отделение. До конца жизни В. П. Юдин занимался научной и педагогической деятельностью.

Блестяще образованный ученый, свободно владевший рядом восточных и европейских языков, В. П. Юдин внес весомый вклад в уйгуроведение. Его вклад в изучение различных аспектов средневековой истории Казахстана, в особенности вопросов происхождения казахского народа и его государственности, без преувеличения можно сказать, бесценен. Его подход был новаторским. В рецензии на монографию узбекского историка Б. А. Ахмедова «Государство кочевых узбеков» (1965 г.) В. П. Юдин пронизательно замечает, что «история узбеков Дешт-и Кыпчака – это история казахов и части современных узбеков» и убедительно обосновывает, что термин «узбек» приобрел значение этнонима не в XVI в., как утверждал Ахмедов, а в XIV в., и не в Средней Азии, а в Восточном Дешт-и Кыпчаке, и что термин «узбек» обозначал сложившуюся в Дешт-и Кыпчаке народность. Исходя из источника (Ибн Рувзихан), Юдин подчеркивает: «Термины “мангыты”, “шейбановцы” и “казаки” обозначали три составляющие части узбекской народности, разделенные политически ... История возникновения в Восточном Дешт-и Кыпчаке этнонима “узбек” и победы термина “казак” есть история политической борьбы в так называемом Узбекском улусе, т. е. в казахских степях» [1, с. 85–86].

Подвергая справедливой критике утверждение Ахмедова о том, что государственная традиция узбеков восходит к «государствам гуннов, тюрков и других кочевых народов Центральной Азии», В. П. Юдин приходит к обоснованному выводу, что государственные традиции Дешт-и Кыпчака следует искать в улусе Джучи, отчасти Золотой Орды [2, с. 87].

Особая заслуга ученого заключается в том, что он досконально, глубоко исследовал этногенетический процесс в XIV–XVI вв. на всей территории Казахстана – Восточного Дешт-и Кыпчака и Семиречья. В формировании казахского этноса исследователь замечает «некий парадокс», который заключается в том, что основатель казахской правящей династии Урус-хан (1360–1377) правил в то время,

когда казахи еще назывались не казахами, а узбеками, следовательно, династия казахских ханов возникает раньше, чем сложился казахский этнос. В. П. Юдин умело разрешил этот парадокс, доказав, что инкубационный период казахского этногенеза происходил в недрах этнической общности узбек. Нарцательное имя «казак», имеющее в источниках социальный смысл, употреблялось часто, однако тюркские коллективы под названием «казак» были не казахами, так как еще не обладали этническим содержанием. Тесно увязывая образование этнонима «казак» со временем откочевки Керей и Джанибека со своими сторонниками в Моголистан (конец 50-х годов XV в. – Б. И.), Юдин утверждает, что предыстория казахов – в истории так называемых узбеков Дешт-и Кыпчака, что начальному этапу сложения собственно казахского этноса предшествует принятие имени «казак». Впервые в изучении вопроса В. П. Юдин пишет специальную статью «К этимологии этнонима казак», в которой систематизировал распространенные в литературе 22 версии этимологии термина. Отметив, что указанные варианты имеют ненаучный характер, он заключает, что слово «казак» не переводится, и делает методологически важный вывод: «Чтобы этимология приобрела научный характер, она должна отвечать следующим критериям: соответствовать фактам исторической фонетики, обладать семантическим соответствием, быть регистрируемым прототипом памятника письменности» [3, с. 143].

В. П. Юдин первым в советской историографии глубоко изучил проблему моголов (могулов) с точки зрения этногенеза казахов, киргизов, уйгуров. Он утверждал, что моголы, занимавшие в основном территорию Семиречья и Восточного Туркестана, были по происхождению тюрками, хотя и вынужден признать, что среди 26 могульских племен и родов бесспорно тюркскими по происхождению были канглы и карлуки, а другие – монгольскими. Он считал, что могулы – это особый этнический коллектив (этнос). Акцентируя внимание на тюркском происхождении могулов, ученый устанавливает непосредственную связь между ними и казахами, подчеркивает важную роль могулов в формировании казахского этноса. Племена доглат (переименованное во второй половине XIV в. в бекчик) и канглы вошли в состав Старшего жуза под названиями дулат и канлы [4, с. 59–60].

В статье «Могулы», написанной еще в 1980 г., но увидевшей свет лишь в 2001 г., В. П. Юдин, отмечая рост национального самосознания народов, прозорливо писал: «Возникновение национальных концепций собственной истории, которые образуются нередко из переплетения национального исторического знания с мировым, которое на поверку оказывается европоцентристским, и как реакция на европоцентризм появляются азицентрические концепции, которые представляют собой европоцентризм “шиворот-навыворот”» [3, с. 6]. Превосходный знаток источников, В. П. Юдин не упоминает среди 26 могольских родов и племен ни уйсунув, ни джалаиров. Почему? Потому что их в XV – первой половине XVI вв. в Моголистане не было, они были в Мавераннахре и Дешт-и Кыпчаке и появились в Семиречье в конце XVI – начале XVII вв., когда столица Казахского ханства переместилась с запада (Сарайшык) на юг (Ташкент, Туркестан). В казахстанской историографии доминировало мнение о решающей роли уйсунув в этногенезе казахского народа, сложившееся в советской историографии в резуль-

тате «реанимации» устаревшей «теории автохтонности» усилиями Н. Я. Марра, С. П. Толстова.

Для исторической науки Казахстана исключительное значение имеет фундаментальный труд, подготовленный по всем канонам академического издания, – «Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв.». В сборник вошли обширные извлечения из 17 персидских и тюркских сочинений. Перевод их был выполнен сотрудниками Института истории, археологии и этнографии имени Ч. Ч. Валиханова АН КазССР С. К. Ибрагимовым, Н. Н. Мингуловым, К. А. Пищулиной, В. П. Юдиным, а также сотрудниками Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР О. Ф. Акимускиным и М. А. Салахетдиновой. Нисколько не умаляя значения вклада других составителей и переводчиков, без преувеличения можем сказать, что сей труд своим появлением на свет обязан усилиям и таланту В. П. Юдина. Действительно, после смерти в 30 лет (1960 г.) талантливого источниковеда Сапара Ибрагимова В. П. Юдин возглавил авторский коллектив. Он проделал громадную исследовательскую работу, осуществив сверку и общую редакцию всех переводов, перевод 10 из 17 источников, написал комментарий к ним, а также 17 источниковедческих статей по каждому источнику, вошедшему в сборник.

В. П. Юдин написал весьма ценную статью, которая должна была предварить МИКХ. В ней он разработал «синтезированную классификацию персо- и тюркоязычных нарративных источников по истории казахского народа XV–XVIII вв.», с выделением таких групп сочинений, как шайбанидские, чагатайские, тимуридские, сефевидские, аштарханидские, хивинские, светские и агиографические. Статья, однако, была исключена из МИКХ на завершающей стадии издания, по деликатному выражению востоковеда, супруги В. П. Юдина Юлии Григорьевной Барановой, «по далеким от науки соображениям». Причина же была банальна – человеческая низость. Начальник возжелал быть соавтором статьи, и когда В. П. Юдин – честный ученый и порядочный человек отказал ему, набор статьи был рассыпан в типографии [3, с. 311, 341]. Ученый был вынужден уйти из Института истории АН КазССР (ушел в КазГУ). Статья же была опубликована через 30 лет после смерти В. П. Юдина усилиями его супруги, востоковеда Ю. Г. Барановой.

Приводимые в МИКХ сведения в большей части касаются политической истории казахского и других народов Средней Азии, содержат также ценные известия и по этнической истории, этногенезу. Так, язык сочинения «Нусрат-наме» (1504 г.) автор определяет как староказахский, он также отмечает, что в источниках впервые название страны по имени народа – Казахстан упоминается в 1537 г. В. П. Юдин внес ясность в «переходящую ошибку» казахстанской историографии по вопросу гибели казахского Тогуи-хана и 37 султанов в 1537 г. Однако его вывод не был воспринят коллегами, которые продолжают уныло твердить старую версию [5, с. 377]. Он исправил и «переходящие ошибки», содержащиеся в генеалогии казахских ханов, в определении местоположения Белой и Синей орды. По-новому исследователь подошел и к вопросу о жузах, доказывая, что они представляют не этнополитические объединения, а возникли главным образом по

хозяйственно-экономической причине, которая, в свою очередь, основывается на различных естественно-географических признаках [6].

Венцом творческой деятельности В. П. Юдина, безусловно, можем считать книгу «Чингиз-наме». Автор сочинения – Утемиш-хаджи (первая половина XVI в.) входил в блестящую плеяду хивинских историков. В переводе с тюрки на русский язык «Чингиз-наме» было издано через девять лет после кончины В. П. Юдина усилиями Ю. Г. Барановой при поддержке руководства Института истории АН КазССР (М. К. Козыбаев) и деятельном участии М. Х. Абусейтовой. «Чингиз-наме» – безупречное академическое издание.

В. П. Юдин впервые вводит в научный оборот полный текст сочинения Утемиша-хаджи. Он сделал перевод, транскрипцию, примечания и научное исследование источника. Комментарий и указатели – М. Х. Абусейтовой.

«Чингиз-наме» – произведение глубоко достоверное и многоплановое. Вдумчивый читатель найдет здесь интересные сведения по политической истории Золотой Орды, нередко уникальные сведения по этнополитической, хозяйственной, социально-культурной жизни, о быте, идеологии и языке населения Восточного Дешт-и Кыпчака, то есть исконной земли казахов. Особая ценность сочинения как оригинального исторического источника заключается в том, что оно помогает изучению наименее исследованного периода истории Казахстана – XIV в. В статье, посвященной 70-летию В. П. Юдина, мы писали: «Ввод в научный оборот новых источников важен сам по себе, но еще важнее – правильная научная интерпретация их сведений. В. П. Юдин сочетал их с разработкой сложных методологических, философских проблем исторической науки Казахстана. Таковы его изыскания о сущности и природе чингизизма, роли монгольского элемента в этногенезе казахского народа ... Введение в науку термина «степная устная историология» как особой квалификационной группы восточных источников по истории Казахстана – также заслуга В. П. Юдина» [7].

Прозорливость и проницательность нашего соотечественника-ученого наглядно проявляются в его исследовании такого мирового феномена, как чингизизм – особенно в свете современного интереса к личности Чингис-хана, его деяний. В. П. Юдин убедительно доказывает, что чингизизм как исторический феномен не изжил себя, его жизнеспособность объясняется своеобразным сплавом религии и идеологии. По определению ученого: «Чингизизм был не только религией. Он был мировоззрением, идеологией, философией, санкцией общественного строя и структуры социальных институтов, политической и правовой системой, культурологической доктриной, основой просвещения, средством регуляции поведения в семье и обществе» [8, с. 19]. Как и среди других тюрко-монгольских народов, чингизизм господствовал и в казахском обществе, оставил глубокий след в его истории. Кредо чингизизма – право на верховную власть «золотого рода» Чингис-хана. В многовековой истории народов это право чингизидов не подвергалось сомнению, а стало своеобразной этической нормой. Вот почему ни Тимур, создавший империю, ни Эдиге, 20 лет фактически правивший Золотой Ордой, не посмели объявить себя ханами, а довольствовались титулом гураган – зять хана.

В состоянии всеобщей эйфории от неожиданной независимости, слома командно-административной системы, тормозившей и науку, появление «Чингиз-наме» как бы демонстрировало, что отныне открывается широкий простор восстановления не только социальной, но и исторической справедливости. Потому автор анонс-рецензии на книгу «Чингиз-наме» в том далеком 1992 г. мог писать: «Наша республика сильна дружбой, единством ее многонационального народа. В. П. Юдин один из лучших его представителей и вполне заслуживает признательности казахского народа. И лучшим выражением нашего чувства было бы учреждение на исторических факультетах КазПИ и КазГУ, где он работал, именной (В. П. Юдина) стипендии за особые успехи в источниковедении, а книгу «Чингиз-наме» представить на соискание государственной премии имени Чокана Валиханова» [9; 10, с. 97–106]. Увы! Но надежда умирает последней.

В очерке «В. П. Юдин и происхождение казахского народа» [11, с. 221–245] мы отмечали, что не смогли охватить все его многогранное творческое наследие. Глубина теоретического анализа, высокий профессионализм, счастливое соединение в одном лице лингвиста и историка, прекрасный литературный стиль, культура и этика в научной полемике – все это в совокупности представляет в лице В. П. Юдина феноменальное явление в казахстанском востоковедении. Выдающийся ученый жил по законам совести, по высоким нравственным нормам. Подлинный интернационалист, он был из тех русских, советских ученых, которые приехали в Казахстан не ради карьеры или материальных благ. Он жил ради науки, не считал научные степени обязательным атрибутом ученого, жил на скромную, даже по тогдашним меркам, зарплату, в однокомнатной квартире... Творческое наследие В. П. Юдина – неиссякаемый источник для подлинного научного изучения истории и происхождения казахского народа.

Литература

1. Известия АН Казахской ССР. Серия общественная. – 1966. – № 2.
2. Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. – М., 1965. – С. 46; Известия АН КазССР. – 1966. – № 2.
3. Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. – Алматы, Дайк-Пресс, 2001.
4. Известия АН КазССР. – 1965. – Вып. 3.
5. История Казахстана. – Т. 2. – Алматы, 1997.
6. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. – Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1969.
7. Казахстанская правда. – 1998. – 20 февраля.
8. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. – Алма-Ата: Ғылым, 1992.
9. Казахстанская правда. – 1992. – 20 апреля.
10. Ирмуханов Б. Б. Казахстан: историко-публицистический взгляд. – Алматы: Өлке, 1996.
11. Ирмуханов Б. Б. К вопросу о происхождении казахского народа. – Вып. 2. – Алматы: Ғылым, 2012.

Қазақ халқының тарихын дарынды және құрметпен зерттеген керемет орыс, кеңес ғалымдары саңлақтары ішінде қадірлі де лайықты орын Вениамин Петрович Юдинге тиесілі. Теориялық талдаудағы тереңдігі, кәсіби біліктілігінің биіктігі, лингвист пен тарихшының бір тұлға бойындағы үйлесімділігі, тамаша әдеби стилі, ғылыми полемикадағы мәдениеті мен этикасы, қазақстандық шығыстанудағы феноменальді құбылыс болған В. П. Юдиннің бойына жиналған.

Veniamin Petrovich Yudin has an honorable and worthy place in the constellation of remarkable Russian, Soviet scientists who have talentedly and with respect studied the history of the Kazakh people. The depth of theoretical analysis, high professionalism, a happy combination in one person of a linguist and a historian, an excellent literary style, culture and ethics in the scientific field – all this together represents in the person of Veniamin Yudin an exceptional phenomenon in Kazakhstani oriental studies.

ВЕНИАМИН ПЕТРОВИЧ ЮДИН И КАЗАХСТАНСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Востоковед, источниковед, казаховед, уйгуровед, наставник – это только часть характеристик Вениамина Петровича Юдина (1928–1983 гг.), ученого с мировым именем, являющегося одним из основоположников казахстанского востоковедения,

Вот уже почти тридцать лет прошло, как ушел из жизни замечательный ученый, педагог и мой глубокоуважаемый Учитель – Вениамин Петрович Юдин. Отрадно, что дело жизни ученого продолжает жить в его многочисленных трудах, которые ценны тем, что в них он использовал исключительно первоисточники. Вениамин Петрович владел всей совокупностью письменных первоисточников по истории Центральной Азии и впервые ввел в научный оборот такие понятия, как «степная устная историология» и «чингизизм».

Вениамин Петрович с юности начал увлекаться Востоком, и в студенческие годы получил хорошую востоковедную подготовку в Московском институте востоковедения им. Н. Нариманова, где он учился в 1945–1950 гг. Здесь читали лекции такие талантливые ученые-востоковеды, как В. М. Насилов, Н. А. Баскаков, Е. Э. Бертельс и многие другие. Но ученым-«энциклопедистом» по казаховедению и уйгуроведению Вениамин Петрович сделал себя сам, постоянно углубляя знания в области восточных языков, истории, литературы, культуры народов Центральной Азии и погружаясь в удивительный мир рукописей и артефактов.

Студенческую практику молодой Юдин проходил в Уйгурском районе Алма-Атинской области, где за короткое время смог хорошо изучить уйгурский язык. А на пятом курсе одаренного студента стали привлекать к преподавательской работе, которую он продолжал, обучаясь в аспирантуре. Талантливый и трудолюбивый Вениамин Петрович, знавший уйгурский и другие тюркские языки, включая чагатайский и старуйгурский, серьезно заинтересовался персидским и арабским. Кроме того, он владел немецким, английским, французским и испанским языками, которые изучил самостоятельно. Он быстро стал полиглотом, легко читал и переводил с оригинала средневековые рукописи и арабские сочинения. Поистине природа наградила его редкостным даром глубочайшего постижения языков, их законов и духа. В 1955 году Вениамин Петрович со своей супругой Юлией Григорьевной Барановой переехал из Москвы в Алматы и стал успешно преподавать на открывшемся тогда уйгурском отделении филологического факультета КазПИ (теперь КазНПУ). Его любимая супруга, соратница и коллега также посвятила свою жизнь служению науке. Во всех начинаниях мужа она всегда оказывала ему поддержку. Сама Юлия Григорьевна с отличием окончила Московский институт востоковедения по специальности «страновед по Синьцзяну со знанием уйгурского и английского языков». Продолжая дело Вениамина Петровича, Ю. Г. Баранова внесла свой вклад в востоковедную науку Казахстана. Работая в Институте восто-

коведения им. Р. Б. Сулейменова, Юлия Григорьевна принимала активное участие в разработке фундаментальных проектов по проблемам источниковедения, истории Казахстана и Центральной Азии.

Интерес к истории казахского народа для востоковеда Юдина, жившего в Казахстане, являлся закономерным. Свои научные интересы он неразрывно связывал с изучением истории Казахстана на основе сведений восточных источников. Этой работой он занимался до конца своих дней – и в годы работы в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР (1960–1970 гг.), и будучи преподавателем кафедры истории Казахской ССР истфака КазГУ (1970–1976 гг.), и позднее, перейдя на работу в отдел уйгуроведения Института языкознания АН КазССР. Вениамин Петрович – ученый поистине глобального масштаба. В конце 70-х годов, отдавая должное проблемам ностратического языкознания, он серьезно заинтересовался кечуа – языком индейцев Боливии, Перу и Эквадора, и изучил этот язык, работая с изданиями на испанском-кечуа, используя словари испанско-кечуа, кечуа-испанские, англо-кечуа, кечуа-английские. В итоге он составил первый кечуа-русский словарь, включавший несколько тысяч слов.

Огромным вкладом Юдина в отечественную науку следует назвать значительное расширение им источниковой базы истории Казахстана. Особое место здесь занимает коллективный капитальный труд казахстанских ученых «Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений)», изданный в 1969 году, где им осуществлены сверка и общая редакция всех переводов, в том числе перевод извлечений из 10 источников и комментарии к ним. Он написал 17 источниковедческих статей по всем источникам, вошедшим в «Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв...» [1].

В этих статьях ученому удалось решить широкий круг вопросов классификации и систематизации источников. Особого внимания заслуживает предлагаемая им синтезированная классификация персо- и тюркоязычных источников по истории казахского народа, учитывающая социально-политическую ориентацию их авторов, зависимость источников по содержанию и т. д. «Материалы» заложили прочную научную основу для углубленного изучения комплекса проблем истории Казахстана соответствующего периода. Выход в свет этой книги стал ценным вкладом в развитие казахстанского востоковедения.

Признание специалистов получила работа В. П. Юдина «О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами». В ней предпринята попытка нетрадиционного освещения вопроса о государстве Могулия как отличном от Могулистана в этническом, территориальном и хронологическом отношениях государственном образовании и о могульском этническом компоненте, принявшем участие в сложении казахского, уйгурского и кыргызского народов. Поднимаемые в этих работах В. П. Юдиным вопросы способствовали дальнейшей разработке теоретических востоковедных проблем, новых концепций. Он придавал большое значение проблемам источниковедения, сравнительно-текстологическому анализу восточных письменных памятников средневековья, их классификации по идейно-политическим и текстологическим особенностям.

Кроме того, он первым сделал анализ ранее не привлекавшихся для изучения истории Казахстана и Восточного Туркестана рукописей: «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи (XVI в.), «Тарих-и Шайбани» (начало XVII в.), «Зийа ал-кулуб» Мухаммада Аваза (начало XVII в.). Так, например, характеризуя сочинение Мухаммада Аваза «Зийа ал-кулуб», он отмечал, что «сочинение Мухаммада Аваза сообщает значительные по своей важности сведения о распространении ислама среди казахов в XVI веке. Они тем более ценны, что аналогичных им по содержанию свидетельств, во введенных к настоящему времени в научный оборот источниках этой эпохи, почти нет». «Зийа ал-кулуб» посвящено известному среди казахов суфийскому миссионеру Ходжи Исхаку Вали (XVI в.), с именем которого была связана история распространения суфизма в Казахстане (в форме суфийского учения ордена Накшбандийа в черногорском толковании). Анализируя сочинение Мухаммада Аваза, В. П. Юдин делает выводы, что ислам в XVI в. распространялся в Казахстане в форме суфийских учений, и значительная роль в его распространении принадлежит светской знати – ханам и султанам. Исходя из своеобразия «Чингиз-наме» и других тюркоязычных сочинений, В. П. Юдин выделил особую классификационную группу из восточных письменных источников по истории Казахстана – источников, которые донесли до нас устное историческое знание кочевников Дешт-и Кипчака. Уже после смерти В. П. Юдина мы с супругой Ю. Г. Барановой подготовили и издали труды Юдина «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи [2]. Особого внимания заслуживает многотрудная работа по подготовке к публикации трудов Вениамина Петровича «Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда». При написании своих трудов Вениамин Петрович использовал все разнообразие восточных письменных памятников, все виды исторических источников (археологические, рукописи, грамоты и указы, памятные записи). В. П. Юдин поставил вопрос о привлечении богатейшей агиографической литературы к изучению истории Казахстана: «Зийа ал-кулуб», «Джалис ал-муштакин» и других источников. В. П. Юдину принадлежит глубокое исследование этнической, политической, культурной истории средневекового Казахстана. Примером тому служат его классические работы «Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...», «Переход власти к племенным биям и неизвестной династии тукатимуридов в казахских степях в XIV в. ...», «Неизвестная версия гибели Урус-хана...», «О строительстве мавзолея кыйята Джир-Кутлу на Сырдарье в XIV в.» (в этой работе Юдин затрагивает проблему восточных письменных источников, их взаимосвязи и подлинности фактической основы, степной устной историологии и предьстории Казахского ханства). XIV век является особым периодом в истории нашего государства, так как это век предьстории возникновения Казахского ханства и других национальных государственных.

Прекрасное знание истории и филологии помогло ученому в его исследованиях средневекового Казахстана. Неудивительно, что все труды Вениамина Петровича характеризуются тонким тщательным анализом фактов и широким синтезом явлений. Они содержат новые оригинальные мысли, подкрепленные огромным фактическим материалом.

Источниковедческим вопросам был посвящен спецкурс «Персо- и тюркоязычные источники по истории Казахстана XV–XVIII вв.», прочитанный Вениамином

Петровичем на историческом факультете КазГУ в 70-х годах. В годы своей педагогической деятельности на историческом факультете КазГУ (1970–1976 гг.) В. П. Юдин много сделал для подготовки молодых специалистов по истории Казахстана. Читая спецкурс, он пробудил у студентов интерес к истории казахского народа, к изучению восточных рукописей. Большой популярностью на факультете пользовался руководимый им научный студенческий кружок «Востоковед», на котором Вениамин Петрович вел занятия по персидскому языку. Велики заслуги Вениамина Петровича Юдина в деле подготовки востоковедческих кадров. Он – опытный учитель и заботливый наставник научной смены. Многие его ученики защитили кандидатские и докторские диссертации и успешно работают в различных научных учреждениях.

Говоря о школе В. П. Юдина, необходимо отметить, что имеется в виду не только научное направление в области источниковедения, разработанного им, продолжаемое его учениками, но и школа как жизненный и творческий путь, как стиль работы, как приемы обучения учеников, передачи опыта коллегам и установления с ними взаимопользных контактов, словом, как комплекс черт, всесторонне характеризующих творческую личность в ее становлении, развитии и наиболее ярких проявлениях. Мне посчастливилось прослушать увлекательный и незабываемый спецкурс Вениамина Петровича и посещать научный кружок «Востоковед», что оказало большое влияние на формирование моих интересов и пробуждение любви к истории, культуре, этнографии казахского народа.

Вениамин Петрович любил молодежь. Он был общителен по природе, любил делиться своими мыслями и знаниями, особенно с молодыми людьми, в которых замечал склонность к науке. Гостеприимно принимал их у себя, снабжал книгами, давал советы, руководил занятиями. В. П. Юдин был доступен всем в ущерб и своей работе, и своему отдыху, и своему здоровью. Он всех подкупал простотой и щедростью.

В. П. Юдина постоянно волновал вопрос о будущем востоковедной науки вообще и о путях развития казахстанского востоковедения в частности. Он принадлежал к числу немногих историков-востоковедов, которые прекрасно разбирались в важнейших проблемах всемирной истории и литературы и умело использовали эти знания для изучения сложнейших вопросов истории Востока.

Развитию востоковедения, в частности источниковедения в Казахстане, способствовала работа В. П. Юдина, проводимая в Обществе охраны памятников истории и культуры Казахстана. Он был членом Президиума общества, председателем секции востоковедения. По его инициативе была учреждена Постоянная востоковедная археографическая экспедиция и разработана программа маршрутов в различные центры архиво- и рукописохранилищ. Результатами экспедиций явились сбор рукописных и архивных материалов (Ташкент, Душанбе, Санкт-Петербург, Омск, Оренбург, Томск и др.), а также выявление и приобретение восточных рукописей по истории Казахстана в республике и за ее пределами. Собранные экспедициями материалы представляют собой нередко уникальные источники по истории и культуре Казахстана. Общественная деятельность В. П. Юдина также была подчинена цели изучения и популяризации востоковедных памятников по истории и культуре Казахстана.

Вениамин Петрович был большим оптимистом, с тонким чувством юмора, увлекавшимся и порою беззаботным человеком. Но все это сочеталось в нем с независимостью в суждениях и требовательностью, иногда доходящей до непреклонности, когда речь шла о науке. Наука являлась смыслом его жизни. Несмотря на то, что судьба не всегда была к нему благосклонна и «черные дни» нередко омрачали его существование (тяжелая неизлечимая болезнь преследовала ученого 15 последних лет жизни), Вениамин Петрович считал себя счастливым человеком. Во многом благодаря всесторонней поддержке его супруги Юлии Григорьевны Барановой (тоже ученого-востоковеда), он, будучи больным, продолжал писать великолепные труды, аналитические статьи и рецензии. Его увлеченность и погруженность в научный поиск, без сомнения, давали ощущение счастья и удовлетворенности. Большая эрудиция, живой ум, умение последовательно, логически мыслить, четким хорошим слогом излагать свои мысли буквально «обрекали» его на успех в научных творениях. Этому способствовала еще одна черта характера Юдина: заядлый спорщик, он все и вся подвергал сомнению и стремился выяснить суть дела досконально. Сам процесс познания, изучения нового, приведения знаний в систему доставляли ему огромное удовольствие. Вениамин Петрович тщательно обдумывал все заранее и писал легко и быстро, так что его рука, как он сам говорил, порой не успевала за мыслью. Он был поистине талантливым ученым, чрезвычайно дорожил научным общением, которого, по его признанию, ему всегда хотелось больше. А еще его огорчало то, что он не мог приобретать все интересующие его рукописи, книги и журналы (читал же он очень много). Свои научные труды, которые ныне высоко ценятся и в Казахстане, и за рубежом, Вениамин Петрович создавал в чрезвычайно скромных бытовых условиях. Вместе с супругой Юлией Григорьевной в однокомнатной, заставленной книгами и бумагами квартире он плодотворно работал, посвящая себя и свое время науке и ученикам.

До последних дней жизни Вениамин Петрович был полон новых творческих замыслов, упорно работал над рукописями восточных сочинений и их исследованием. Его последние публикации отражают большое желание работать, те же широту интересов, высокий профессионализм, глубину мысли, образность языка, точность наблюдений, которые были присущи ему всегда. Член-корреспондент АН Республики Туркменистан, проф., д. и. н. С. Н. Агаджанов, узнав о смерти В. П. Юдина, писал мне в письме: «Я думаю о том, что мы довольно часто не осознаем истинную цену ученым при жизни. Неужели же, чтобы измерить величину чинара, нужно его спилить пилой смерти...».

Научное наследие В. П. Юдина значительно превышает все опубликованное им. Остался огромный интересный материал, которому надо будет сохранить жизнь. Нами были подготовлены и изданы избранные труды Вениамина Петровича, куда вошли опубликованные и еще не опубликованные работы по истории, культуре Казахстана, Восточного Туркестана [3].

Научная жизнь В. П. Юдина продолжается и сегодня – в издании его работ, которые приобрели особое звучание и неизменно вызывают живой интерес и у отечественных, и зарубежных специалистов. Продолжается и в ежегодных традиционных «Юдинских чтениях», на которых поднимаются актуальные проблемы

востоковедения, всегда так живо интересовавшие нашего Учителя Вениамина Петровича.

Живым наследием В. П. Юдина являются и его ученики. Он честно выполнил свой долг ученого, дав науке подготовленные им кадры специалистов-востоковедов. И мы должны оправдать надежду своего Учителя.

Литература

1. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. Извлечения из персидских и тюркских сочинений / Составители: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. – Алма-Ата: Наука, 1969. – 650 с.

2. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В. П. Юдина. Комментарии и указатели М. Х. Абусейитовой. – Алма-Ата: Ғылым, 1992. – 296 с.

3. Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 384 с.; Абусейитова М. Х., Баранова Ю. Г. Письменные источники по истории и культуре Центральной Азии XIII–XVIII вв. (библиографические обзоры). – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 426 с.

Мақалада есімі әлемге танылған ғалым, қазақстандық шығыстанудың негізін қалаушылардың бірі, көрнекті шығыстанушы, деректанушы, қазақтанушы, ұйғыртанушы, ұстаз – Вениамин Петрович Юдиннің (1928–1983 жж.) шығармашылық жолы туралы баяндалған. М. Қ. Әбусейітова – оның шәкірті болған.

The article tells about the creative path of an outstanding orientalist, source expert, Kazakh expert, Uyghur expert, mentor – Veniamin Petrovich Yudin (1928–1983), who is one of the founders of Kazakhstani oriental studies, a world-renowned scientist. M. Kh. Abuseitova is his student.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КАЗАХСКО-МОГУЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ В. П. ЮДИНА

Научное наследие известного казахстанского ученого Вениамина Петровича Юдина (1928–1983) богато и многогранно. За годы независимости казахстанские историографы, исследователи его творчества не только изучили его труды, но и опубликовали ранее не изданные исследования, переиздали прежние публикации.

Особое место в исследованиях В. П. Юдина занимают вопросы истории могулов Могулистана и Могулии. Известной и признанной специалистами является его статья «О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами», опубликованная в Серии общественных наук Известий АН Казахской ССР в 1965 г. [1, с. 52–65; 2, с. 72–95]. Супруга В. П. Юдина и издатель его работ Юлия Григорьевна Баранова в своем предисловии к новому изданию трудов В. П. Юдина отмечала, что эта статья «получила широкую известность и признание специалистов» [3, с. 7]. Уже на следующий год после своего опубликования в 1966 г. она была переведена на английский язык и издана в Англии в известном журнале *Central Asian Review* [3, с. 7].

Упомянутое предисловие Ю. Г. Барановой предпослано новому изданию трудов В. П. Юдина под названием «Центральная Азия XIV–XVIII вв. глазами востоковеда», опубликованному в 2001 г. В этом издании также наряду с известными материалами впервые была опубликована статья «Могулы» [4, с. 96–136]. Здесь автор развил некоторые свои идеи, посвященные истории могулов, а также в целом изложил некоторые свои мысли по истории кочевников Центральной Азии.

Кроме того, хорошо известно, что В. П. Юдин является автором серии интересных и в то же время довольно критических рецензий на труды своих коллег. В них высказывались оригинальные идеи, в том числе и по интересующей нас теме. В частности, «могульская проблематика» рассматривалась в рецензии на книгу А. М. Мугинова «Описание уйгурских рукописей Института народов Азии» [5, с. 251–260].

В этом ряду работ, так или иначе затрагивающих вопросы казахско-могульских отношений, стоит отдельно упомянуть статьи-справки, которые В. П. Юдин написал для известной коллективной работы казахстанских и ленинградских (ныне Санкт-Петербургских) востоковедов «Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. Извлечения из персидских и тюркских сочинений», изданной в 1969 г. [6].

Перечисленные и некоторые другие исследования В. П. Юдина раскрывают ряд интересных вопросов истории казахско-могульских связей, на которые нам хотелось бы обратить внимание.

В названной статье «О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами» ис-

следователь обращал внимание на то, что «история могулов – это большая самостоятельная проблема» [2, с. 72]. В числе важных вопросов он выделял этническое взаимодействие могулов с казахами [2, с. 72].

По справедливому мнению историка, «сопоставление родоплеменного состава могулов с родоплеменным составом казахов, прежде всего с родоплеменным составом казахов Старшего жуза, убеждает в том, что могулы играли большую роль в сложении казахской народности. Могульские племена доглат и канглы-бекчик, несомненно, вошли в состав Старшего жуза под названиями дулат и қаңлы» [2, с. 84–85].

Что убедило историка прийти к такому заключению? По его мнению, об этой преемственности говорит не только совпадение названий племен. «Важно также и то, – продолжает исследователь, – что соответствующие племена Старшего жуза занимают именно те территории, на которых находились могульские доглаты и канглы» [2, с. 85].

Что еще более важно, историк называет большую часть казахов Старшего жуза выходцами из могульских племен. «Как известно, – говорится в его статье, – дулаты и қаңлы составляют подавляющее большинство населения Старшего жуза» [2, с. 85]. Родовые подразделения албан и суан, по его мнению, являются близкородственными дулатам и, соответственно, могулам, их доглатской части [2, с. 85].

Второе крупное родовое объединение Старшего жуза қаңлы известно у могулов под именем бекчик, но после вхождения в состав казахов они, по словам В. П. Юдина, возродили свое древнее название қаңлы [2, с. 85].

По мнению исследователя, могулы принимали участие не только в сложении казахов Старшего жуза, но и Среднего жуза также. Он считает, что могульские кераиты – это казахские керей из Среднего жуза. В пользу этого также говорит и совпадение их территорий. Казахские керей и сейчас еще занимают территорию Жетысу, на которой некогда находились могульские кераиты [2, с. 85]. Стоит отметить, что такая точка зрения (кераиты = керей) господствует в казахстанской и российской науке со времен исследований Н. А. Аристова (имеется в виду его известная работа «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности», 1897 г. [7]), в последующем эта идея была развита в ряде работ казахстанских советских этнографов, например, в книге М. С. Муканова и В. В. Вострова «Родоплеменной состав и расселение казахов» (1968 г.) [8].

О родственности могульских и казахских родов говорит, по мнению исследователя В. П. Юдина, и языковое единство. У автора рассматриваемой статьи нет сомнений в том, что могулы были тюркоязычны. Более того, они были таковыми изначально, и их язык относился к тюркским языкам кыпчакской группы и был близок к казахскому и кыргызскому языкам [2, с. 84].

В. П. Юдин справедливо писал, что многие вопросы истории могулов, в том числе и их связи этнические, культурные, политические с казахами изучены явно недостаточно и не могут быть исчерпаны одной статьей. Как он сам отмечает, он лишь попытался «очертить контуры многовекового процесса этнического взаимодействия могулов с соседними народами в XIV–XVII вв.» [2, с. 94].

Дальнейшее, по его мнению, наиболее полное изучение этнических процессов в этом районе за указанный период – одна из важнейших задач исследователей этногенеза притяньшанских народов [2, с. 95].

Отметим в этом контексте, что одновременно с работами В. П. Юдина вопросы казахско-могульских отношений продуктивно исследовали востоковеды-иранисты О. Ф. Акимушкин в Ленинграде (Санкт-Петербурге) [9; 10] и К. А. Пищулина в Алма-Ате (Алматы) [11; 12]. Меруерт Хуатовна Абусейтова, ученица, последователь и популяризатор научного наследия В. П. Юдина, в монографии 1998 г. также посвятила отдельный параграф этой теме [13].

Такое пристальное внимание исследователей к этому вопросу говорит об актуальности темы казахско-могульских отношений. Завершая этот краткий обзор, хотелось бы обратить внимание на некоторые общие вопросы научного наследия В. П. Юдина. По мнению современного российского исследователя Альфрида Бустанова, «угнетенный ориенталист» (An Oppressed Orientalist) Вениамин Юдин являлся одним из первых казахстанских востоковедов, обладавших знаниями для серьезной работы с историческими рукописями, он предпринял несколько важных шагов на пути к их критическому изучению в контексте истории Казахстана [14, р. 217].

О важности источниковедческих работ В. П. Юдина говорит и введение им в научный оборот сокращенной версии уникального исторического источника, написанного в XVI в. Утемишем-хаджи и названного В. П. Юдиным «Чингиз-наме». Этот ценный источник в переводе В. П. Юдина с его пояснениями и исследованиями был издан лишь спустя 9 лет после его смерти в 1992 г. [15]. Только в 2018 г. ученые из Татарстана смогли издать полную версию с оригиналом, транскрипцией и переводом сочинения Утемиша-хаджи [16]. Об этой полной версии сочинения Утемиша-хаджи писала Ю. Г. Баранова в своем «Вступительном слове» к изданию 1992 г.: «Судьба этого более полного списка сочинения долгое время оставалась неизвестной. В начале 70-х В. П. Юдин получил информацию, что рукопись находится в Стамбуле у А.-З. Валидова (Тогана)». Попытки получить копию ни к чему не привели, и он вынужден был ограничиться в работе неполным ташкентским списком [17, с. 325: прим. 3]. Теперь, благодаря усилиям татарстанских историков, русскоязычному читателю доступна полная версия этого несомненно ценнейшего источника по истории Центральной Азии, которому в научном наследии В. П. Юдина, по существу, посвящена большая часть.

Как отмечает М. Х. Абусейтова, поднимаемые в работах В. П. Юдина «вопросы способствовали дальнейшей разработке теоретических востоковедных проблем, новых концепций. Он придавал большое значение проблемам источниковедения, сравнительно-текстологическому анализу восточных письменных памятников средневековья, их классификации по идейно-политическим и текстологическим особенностям» [18, с. 364].

Литература

1. Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами // Известия АН Казахской ССР. – 1965. – С. 52–65.

2. Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами // В. П. Юдин. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – С. 72–95.

3. Баранова Ю. Г. Вторая жизнь (вместо предисловия) // Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – С. 5–16.

4. Юдин В. П. Могулы // Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – С. 96–136.

5. Юдин В. П. Рецензия на книгу А. М. Мугинова «Описание уйгурских рукописей Института народов Азии» // Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – С. 251–260.

6. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков / Сост. Ибрагимов С. К., Мингулов Н. Н., Пищулина К. А., Юдин В. П. – Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1969. – 655 с.

7. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. – Санкт-Петербург: тип. С. Н. Худекова, 1897.

8. Муканов М. С., Востров В. В. Родоплеменной состав и расселение казахов. – Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1968.

9. Акимушкин О. Ф. К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х гг. XVI – 60-х гг. XVII в. // Палестинский сборник. – Москва – Ленинград, 1970. Вып. 21. – С. 233–248.

10. Акимушкин О. Ф. Средневековый Иран. Культура, история, филология. – СПб.: Наука, 2004. – 404 с.

11. Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). – Алма-Ата, 1977. – 288 с.

12. Пищулина К. А. Очерки по истории Казахского ханства. – Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, 2016.

13. Абусеитова М. Х. Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. – Алматы, 1998. – 268 с.

14. *Bustanov Alfrid*. Settling the Past. Soviet Oriental Projects in Leningrad and Alma-Ata. – Amsterdam, 2013. – 397 p.

15. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскрипция, текстолог. прим., исслед. В. П. Юдина. – Алматы, 1992. – 296 с.

16. Утемиш-хаджи. Кара таварих. – Казань, 2017. – 312 с.

17. Баранова Ю. Г. Вступительное слово // Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – С. 324–328.

18. Абусеитова М. Х. Вклад В. П. Юдина в казахстанское источниковедение // Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – С. 359–366.

В. П. Юдинның шығармашылығында могол мәселенамасы, дәлірек айтқанда, Моголстан тарихының мәселелері, сонымен қатар Орталық Азия тарихындағы

могол этносының рөлі ерекше орын алады. Бұл мақалада В. П. Юдинның ғылыми мұрасындағы қазақ-могол қатынастарының мәселелері қарастырылатын негізгі аспектілері ашылады. Еңбектерінің көбісінде ол моголдардың қазақтармен, қырғыздармен, ұйғырлармен және т.б. этникалық байланыстарын қамтып көрсетеді.

A special place in the work of V. P. Yudin belongs to the Mogul issues, more precisely the issues of the history of Mogulistan, Mogul, and the role of the Mogul ethnos in the history of Central Asia. This article reveals the main aspects concerning the issues of Kazakh-Mogul relations in the creative heritage of V. P. Yudin. In most of his works he reflects the ethnic connection of the Moguls with the Kazakhs, Kirghizes, Uighurs, etc.

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНОЙ МЫСЛИ О ГОСУДАРСТВЕ

Ранние размышления на тему состоятельности государства берут начало еще с образцов правовой мысли древнешумерских и древнеавилонских, античных памятников правовой мысли и законодательств [1]. Хотя концептуально оформленные исследования начинаются с идей Полибия, Аристотеля, аль-Фараби, Ибн Халдуна, Николо Макиавелли и др.

Утверждения Платона о том, что: «Есть два вида государственного устройства: один – где над всем стоят правители, другой – где и правителям предписаны законы» [6, с. 187], а также учения справедливости и несправедливости Аристотеля; формы государств Полибия, как тирания, аристократия, олигархия, демократия; «добрые нравы» государства Сенека; разум «царской империи» Цицерона; политико-правовые учения «Защитника мира» Марсилия Падуанского и др. – все это по истечении времени превратилось в базовый категориальный аппарат правопонимания и государствоведения во всем мире. Не теряют значимости по сей день и суждения китайских мыслителей, таких как Гуань Чжун: «...Чаще всего хорошо управляемое государство бывает богато, а государство, в котором господствует беспорядок, обычно бывает бедным. ... Отсюда для мудрого государя высшей заповедью является: сначала сделай народ богатым, а потом управляй им» [8, с. 263]; а также Лао Цзы: «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которые требуют от народа их любить и возвышать. Ещё хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те, которых народ презирает». Кроме того, не вызывает каких-либо сомнений и актуальность воззрений аль-Фараби [2], полагавшего, что правитель обязан любить справедливость и побуждать к ней, возмещать убытки жертве несправедливости, хранить в памяти установленных его предшественниками законы, правила и обычаи, уметь словом своим направить людей к исполнению закона.

В этом ряду особого внимания к себе требует работа арабо-исламского государственного деятеля, философа, историка и правоведа Абд-ар-рахман Ибн Халдуна, который в «Пролегоменах» к основному труду своей жизни, большей частью известной под сокращенным названием «Мукаддима» («Введение» или «Книга о природе социальной жизни») выдвигает оригинальную концепцию возникновения и развития государств и прав как институтов. Ибн-Халдун четко различает общество и государство, стремится выявить их соотношение и закономерности развития. По его мнению, развитие общества предопределяет эволюцию устройства и задач государственной власти. Государство, возникнув однажды, в результате согласованных действий и взаимной поддержки в дальнейшем превращается в принудительную власть в руках одной «фракции», которую ее сторонники поддерживают «подобно Священному писанию, которому нет замены». Это происходит в первой фазе государства, пока во второй «... один (государь) стал самоуправно распоряжаться и себе одному присваивать величие... и нуждаться в близости кого-то другого, чужаков, на которых он опирается в борьбе против бывших соратников, отстраняя их от дел и

от соучастия... Держава – не тем, кто ее создавал, а слава – не тем, кто ее добывал» [4, с. 727].

Оригинальна для своей эпохи и актуальна по сей день интерпретация понятия «*lo stato*» (в пер. с итальянского – «состояние») Н. Макиавелли, впервые использовавшего его в 1513 г. в своем знаменитом произведении «Государь» во всеобъемлющем значении: «Все государства (*tutti li stati*), все державы (*tutti e' dominii*), обладавшие и обладающие властью (*imperio*) над людьми, были либо суть республики (*republiche*), либо суть состояния (*stati*), управляемые единовластно (*principati*)». Макиавелли оценивал государство не как сверхданность, а как результат деятельности людей, как социально-политическую структуру, созданную их руками. Согласно мнению мыслителя: «...Если завоеванная страна отличается от унаследованной по языку, обычаям и порядкам, то тут удержать власть поистине трудно, тут требуется большая удача и большое искусство. И одно из самых верных и прямых средств для этого – переселиться туда на жительство... ибо только живя в стране, можно заметить начинающуюся смуту...» [5, с. 305].

В дальнейшем траектория научной мысли о государствоведении, основанная на идеях вышеназванных мыслителей, получает свое законное продолжение в работах уже западных ученых более позднего периода: Ж. Бодена, Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Т. Гоббса, Дж. Мэдисона и др. Так, несложно было бы заметить преемственность мыслей о государственности Полибия и аль-Фараби в «Государе» Н. Макиавелли, построений Аристотеля в трактате «О духе законов» Ш. Монтескье, близость рассуждений Ибн Халдуна и Ж. Бодена о причинах могущества государства, выдвинутых в «Шести книгах о государстве», и т. д. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что оформленные в виде теоретических концепций исследования представителей Нового времени отличались уже более конкретным научным взглядом и оценкой реально существовавшей в их историческое время системы государственной власти. Свидетельства тому – Боденовская концепция суверенитета, теория договорного происхождения государства-республики Монтескье, социологический подход Жан-Жака Руссо, теория «естественного права на свободу» Джона Локка, позитивно-правовой подход к государственности С. Пуффендорфа и Г. В. Ф. Гегеля и др.

Наиболее интересной с точки зрения нынешней биполярной реальности мы находим трактовку французского историка и политического мыслителя Жана Бодена о влиянии географических факторов на особенности народов и на политическое устройство государств. Боден проводит зависимость между климатом и характером народов, говоря, что сила внутреннего тепла делает более крепкими и сильными северян, чем южан. Поэтому он считает, что «... великие империи распространялись всегда с севера на юг, но никогда с юга на север» [3]. Военную доблесть он приписывает народам севера, благоразумие – жителям средней зоны, религиозность и благочестивость – жителям юга.

Бесценно также определение, данное ипостасям государства Жан-Жаком Руссо: «Эта общественная личность (*personne publique*), составленная путем соединения всех остальных личностей, называлась в прежние времена градом (*cite*), а теперь – республикой или политическим телом (*corps politique*), которое именуется своими

членами Государством (*Etat*), когда оно недвижно, сувереном (*souverain*), когда оно действует, в соотношении же с подобными ему – державою (*puissance*)» [7, с. 13–14].

Корпус современной зарубежной историографии проблемы государственности может быть представлен работами таких ученых, как Дж. Неттл, Ч. Тилли, С. Бартолини, Х. Линц, А. Степан, С. Роккан, Ж. Коломер, Ф. Редер, Р. Джексон и П. Колсто, Ф. Фукуяма, Ф. Шмиттер, Л. Йохансен и О. Норад, Й. Ядав, А. Хиршман и др., основные дискуссии которых разворачиваются вокруг различения дефиниций, сводящихся в основном к понятиям государственный статус (англ. *statehood* – статусность) и государственная состоятельность (*stateness*). Думается, что суть различий здесь, скорее, заключается в том, что в первом значении предполагается изучение формальных аспектов государства, связанных с материальными благами, а в последнем – исследование скорее духовной составляющей, связанной с общей историей, культурой, традициями.

Продолжая славные традиции российского государствоведения, современные исследователи С. А. Авакьян, А. С. Ахизер, И. Л. Бачило, А. В. Васильев, Ю. А. Веденеев, А. Б. Венгерова, О. В. Войтенко, В. К. Геворкян, И. Н. Гуледани, В. А. Затонский, В. В. Ильин, А. Н. Кокотов, Ю. К. Краснов, В. А. Кряжков, Л. В. Лазарев, У. Ф. Лукьянова, М. Н. Марченко, Л. А. Морозова, А. С. Панарин, Ю. А. Пирумова, В. Н. Синюков, В. В. Сорокин, Ю. А. Тихомиров, А. А. Тимофеева, Ф. Н. Удычак, В. Е. Чиркин, А. С. Шабуров и многие другие занимаются дальнейшим изучением различных аспектов государственности.

В целом, прочтение и анализ располагаемого материала о «государстве с прилагательным» показывает, что мотивацией исследователей, занятых изучением обсуждаемого конструкта, в основном служат: несогласие с уравнением совершенно разных по типу, размерам, мощи и степени самостоятельности политических устройств и образований, «упаковывание» разных по природе и характеру современных форм политий в одну содержательную категорию «государственность», концептное «натягивание» исходного понятия государственность на всех акторов мировой политики одновременно, поиск наиболее корректной концептуализации понятий государственной статусности и состоятельности, определение соотношения понятий «государство» и «государственность», продиктованных попыткой распознавания путей и перспектив развития современного типа государственности.

Литература

1. Антология правовой мысли. В 5 т. / Нац. обществ.-науч. фонд. Руководитель науч. проекта Г. Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999.
2. Абу-Наср аль-Фараби. Сущность законов Платона / Историко-философские трактаты. – Алма-Ата, 1985. – С. 160–169.
3. Жан Боден. Шесть книг о государстве // Антология правовой мысли. В 5 т. / Нац. обществ.-науч. фонд. Руководитель науч. проекта Г. Ю. Семигин. – Т. 2. – М.: Мысль, 1999. – С. 688–694.
4. Ибн-Хальдун. Прологомены к «Книге поучительных примеров и дивану сообщений о днях арабов, персов и берберов, и их современников, обладающих властью великих размеров» // Антология правовой мысли. В 5 т. / Нац. обществ.-науч. фонд. Руководитель науч. проекта Г. Ю. Семигин. – Т. 1. – М.: Мысль, 1999.

5. Макиавелли Николо. Избранные сочинения / Пер. Г. Д. Муравьевой. – М., 1982.

6. Платон. Собр. соч.: в 4 т. / Пер. А. Н. Егунова. – Т. 4. – М.: Мысль, 1994. – 368 с.

7. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. – М.: Госсocэкгиз, 1938. – 416 с.

8. Штейн В. М. Гуан-цзы. Исследование и перевод / Ответственный редактор Н. И. Конрад. – М.: Издательство восточной литературы, 1959.

Аталмыш мақалада ерте заманнан ағымдағы уақыт аралығында орын алған мемлекет пен мемлекеттілік тұжырымдамаларына қатысты ғылыми ой эволюциясына қысқаша тарихнамалық шолу жасалады.

In this article, a brief historiographical analysis of the scientific and theoretical evolution of concepts about the statehood and staleness from antiquity to the the modern times.

ИСТОКИ СОПЕРНИЧЕСТВА НАКШБАНДИЙА В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ

Суфийские братства исламского мира занимали немаловажное место в истории Центральной Азии. Среди них наиболее распространенным является *тарикат Х^адждаган-Накибандийа*, который сыграл немаловажную роль в религиозной и политической жизни Восточного Туркестана.

В годы правления хана чагатаида ‘Абд ар-Рашида (940–978/1533–1571) мистики *увайсийа* играли значительную идеологическую политическую и хозяйственную роль в Кашгарии. Х^ааджа Мухаммад Шариф, который довольно долгое время являлся духовным наставником и советником хана, был главой этой мощной религиозно-политической корпорации. В период правления наследника ‘Абд ар-Рашид-хана – его сына ‘Абд ал-Карима-хана (967/1559–60), который был современником и *муридом* Мухаммад Вали-суфи, в Кашгарии начали проповедовать ислам представители суфийского братства *Накибандийа*. И постепенно суфии этого *тариката* вытеснили суфиев *увайсийа* с политической арены в Восточном Туркестане [1, с. 5, 15].

Предводитель братства *Х^адждаган-Накибандийа* – главная фигура в истории *тариката* I половины XVI в. – саййид Ахмад б. Джалал ад-дин ал-Касани ад-Дахбиди (ум. в 949/1542 г.) больше известен под своим почетным прозвищем Махдум-и А‘зам. Он был родом из *саййидов* селения Касан в Фергане.

Не закончив медресе в Ташкенте, суфий примкнул к ответвлению *тариката Х^адждаган-Накибандийа* и стал *муридом шайха* Мухаммада Кази. После смерти своего наставника Махдум-и А‘зам стал главой *тариката* (921–949/1515–1516 – 1542–1543). Он считался крупным авторитетом и теоретиком суфийского братства *Х^адждаган-Накибандийа* и автором 36 «Рисала» по различным вопросам теории и практики *тариката*, который отрицал отшельничество, предполагал активное вмешательство в политику, предусматривал строгую иерархию общины и культ святых *х^ааджей* – ее основателей. Отдавая дань официально практикуемому в *тарикате зикр-и хафи* (внутреннее радение), допускал возможность *зикр-и джахр* (радение вслух) и *сама*’, причем считал музыку необходимой принадлежностью радений. Введенная популярным суфием практика распространилась в Мавараннахре, Хорезме и Кашгарии в XVI–XVII вв. и сохранилась там до 30-х годов XX в. Политически Махдум-и А‘зам был весьма активен и часто вмешивался в распри шайбанидских султанов, продолжая в этом отношении традиции *тариката* [2, с. 235].

Тарикат отрицал отшельничество, предполагал активное вмешательство в политику, предусматривал строгую иерархию общины и культ святых *х^ааджей* – ее основателей. Многие ученые считают, что после смерти Махдум-и А‘зама началась кровопролитная борьба за власть в Восточном Туркестане между его потомками («ақ-тағлик» и «қара-тағлик», т. е. белогорские и черногогорские х^ааджи), которая в конечном итоге привела к потере независимости страны. Многие ученые считают,

что у истоков этого соперничества стояли два сына Махдум-и А'зама – Мухаммад Амин и Мухаммад Исхак.

Однако начало соперничества, на наш взгляд, берет свое начало между *муридами* суфия. После смерти Махдум-и А'зама внутри братства *Накибандийа* усилились разногласия. Противоборство развернулось между последователями суфия – Х'аджа Исламом Джуйбари и Маулана Лутф Аллахом Чуси.

Х'аджа Ислам Джуйбари (ум. в 1563 г.) – основатель клана джуйбарских *шайхов*, возглавивших бухарскую ветвь братства *Накибандийа*. Как отмечает Бабаджанов Б. М., после смерти своего наставника Х'аджа Ислам в ожесточенных спорах и столкновениях с Маулана Лутф Аллахом Чуси узурпировал руководство бухарскими братьями *Х'аджаган-Накибандийа*. Он положил начало и самому обширному частному хозяйству того времени [3, с. 138].

В соперничестве за лидерство в братстве *Накибандийа* не уступал и Маулана Лутф Аллах Чуси (ок. 1485–1571) – известный предводитель братства *Накибандийа* и политический деятель Мавараннахра. Он сумел завоевать авторитет среди удельных Шайбанидов (1500–1601) и часто использовал свое влияние для пресечения междоусобиц и ограничения произвола придворных *амиров* и *беков* [4, с. 242].

Согласно «Джами' ал-макамат» Абу-л-Бака', после смерти Махдум-и А'зама встал вопрос о достойном преемнике руководителя *тариката*. Наиболее выдающимися последователями Х'аджаги Касани были Х'аджа Ислам Джуйбари (его деятельность проходила в Бухаре и прилегающих районах) и Маулана Лутф Аллах Чуси (был активен в Ташкенте, Фергане и Хисаре). Сам Махдум-и А'зам ещё при жизни свое место (*маснад*) главы *тариката* *Накибандийа* со всеми *асхабами* и *муридами* передал старшему сыну Х'адже Мухаммаду; в свою очередь все последователи Махдум-и А'зама обязались «подчиняться повелениям этого господина» [5, с. 133].

Эти сведения подтверждаются данными «Газкира-йи Саййид Афак-х'аджа». Согласно этому источнику перед смертью Махдум-и А'зам, собрав своих *муридов*, провозгласил своим преемником Х'аджу Мухаммад Амина. Ишан-и Калан, заняв место отца после его смерти, продолжил деятельность *тариката* и распространял ислам среди кочевников-язычников [6, лл. 5^а–5^б; 7, лл. 3^б–4^а; 8, лл. 4^б–6^а].

Для исследователей интересен и другой факт: раскрывается противоборство между потомками Махдум-и А'зама, наставниками которых являлись вышеупомянутые соперники-*муриды* суфия. В сочинении «Равза-и (Раудат) ризван ва хадикату-л-гилман» («Райские сады и сад юношей (слуг?)») повествуется о том, как глава *тариката* собрал всех своих *муридов* и провозгласил своим преемником старшего сына Х'аджу Мухаммада. Однако не ощущал себя достойным преемником отца и «привязал свою волю к Маулана Лутф Аллаху» [5, с. 133].

Будучи одним из главных заместителей Махдум-и А'зама, Маулана Лутф Аллах Чуси охотно взял под покровительство Х'аджу Мухаммада, тем более что это давало ему право вполне легально претендовать на звание первого преемника покойного Махдум-и А'зама. Однако необходимо было, чтобы это право за ним признало большинство современных ему *накшбандийских шайхов*. Чтобы добиться такого признания, Маулана Лутф Аллах решил посетить Бухару, где находились наиболее именитые

соратники Махдум-и А'зама. В этой поездке его сопровождал Х'аджа Мухаммад; последний должен был, по-видимому, подтвердить полномочия Маулана Лутф Аллаха [5, с. 133]. По рассказу ученика Махдум-и А'зама, а затем Х'аджи Ислама Джуйбари – Баба Султана, Х'аджа Мухаммад Амин считал, что в степени совершенства он ещё уступает другим ученикам отца. И тогда Х'аджа решил «привязать свою волю к Маулана Лутф Аллаха». Приехавший из Самарканда в Бухару Маулана Лутф Аллаха и Х'аджа Мухаммада встретил Х'аджа Ислам Джуйбарди, который, сразу спешившись с коня, продемонстрировал свою покорность новому главе *тариката*. Ислам Джуйбари просил разрешения присоединиться к почетной свите и проводил до *ханака* Па-йи Асийан, где и остановились высокие гости. Тут же было организовано небольшое собрание. Х'аджа Ислам, как отмечает Бабаджанов, понял, что фактически «балом правит» Маулана Лутф Аллах, который и вел собрание [5, с. 134].

После встречи с Х'аджой Исламом Джуйбари Х'аджа Мухаммад решил продолжить деятельность *тариката*, завещанную ему отцом. Он перевез всю свою семью из Самарканда в Бухару и стал *муридом* Х'аджи Ислама. За Х'аджу Мухаммада были отданы замуж дочь и племянница Ислама Джуйбари [5, с. 135], что способствовало укреплению авторитета Х'аджи Ислама в качестве главного преемника Махдум-и А'зама и *кутба* (полюса) – главного духовного правителя своего времени [5, с. 136].

Сведение о браке Мухаммад Амина с дочерью его наставника имеется и в «Байан-и аулад-и Хадрат-и Махдум-и А'зам», согласно которому старший сын Махдум-и А'зама от брака с Биби Касани – Махаммад Амин был женат на дочери Х'аджи Ислама Джуйбари [9, с. 207].

Острая борьба за право быть преемником в руководстве братства между Маулана Лутф Аллаха Чустии и Х'аджи Исламом Джуйбари привело к расколу *тариката Накибандийи*. Первоначальный успех среди бухарцев Маулана Лутф Аллаха, стремившегося стать «лидером» *тариката*, как отмечает Бабаджанов Б. М., был фактически сведен на нет переменной симпатий сына и наследного преемника Махдум-и А'зама, который вдруг решил «привязать свою волю» к Х'адже Исламу, порвав с Маулана Лутф Аллахом [5, с. 137].

Однако «козырь» для мести в руках *маулана* все ещё оставался. По данным «Байан-и аулад-и Хадрат-и Махдум-и А'зам», Х'аджа Махдум-и А'зам имел четырех жен, которых автор называет по их почетным прозвищам: Биби Касани, Биби Бухари, Биби Кашгари и Биби Малик. От этих жен, по утверждению автора, у х'аджи осталось 22 сына и 17 дочерей. От брака суфия с Биби Кашгари, являвшейся потомком караханидского правителя Султана Сатук Бугра-хана, более известен сын Исхак-х'аджи (Мухаммад Ихак Вали) [9, с. 207]. Махдум-и А'зам передал его на воспитание Лутф Аллаха Чустии. Последний выдал свою дочь замуж за Исхака Вали. Его потомки «черногорцы» от брака с дочерью *маулана* переселились в Йарканд, где в конце XVII в. им удалось захватить власть [4, с. 242].

Потомки и последователи саййида Махдум-и А'зама переселились в Восточный Туркестан из Мавараннахра, на наш взгляд, с целью распространить свое влияние в данном регионе, вытеснив тем самым другие суфийские братства.

Соперничество *муридов* Махдум-и А'зама отразилось на его сыновьях, что и следовало было ожидать. На наш взгляд, Маулана Лутф Аллах Чустии настроил Х'ад-

жу Исхак Вали против его брата Мухаммад Амина, чтобы отомстить за его предательство и измену в наставничестве. Подобная история наблюдается в случае с ташкентскими и самаркандскими последователями Хусайна Хорезми (ум. в 1551 г. в Халабе/Алеппо во время *хаджжа*), с именем которого связано кратковременное возрождение деятельности братства *Кубравийя* в Мавараннахре [9, с. 242]. Особо острым было столкновение с членами *Кубравийя* в Самарканде; в результате по приказу *мурида* Хусайна Хорезми, престолонаследника Султана Са'да (первое правление – 1552–1553, второе – 1555–1568), Лутф Аллах Чусты был схвачен и после публичного обривания бороды изгнан из города. В ответ *маулана* стал побуждать своего покровителя Барак-хана захватить Самарканд, который тому удалось взять со второй попытки (конец 1553 г.).

После смерти Махдум-и А'зама Маулана Лутф Аллах не сумел добиться полного признания за собой статуса руководителя *тариката* и ограничил свою деятельность в Ташкенте, Фаркате, Пискенте и Ахси, выезжая иногда и в Хисар. Почти вся последующая жизнь Маулана Лутф Аллаха прошла в постоянных спорах и столкновениях с *шайхами* братства *Йасавийя* и особенно *Кубравийя* [5, с. 143–144].

За духовное, а ещё более политическое наследие отца боролся брат Х'аджи Мухаммад Амина – Х'аджа Исхак Вали. Согласно «Тазкира-йи Саййид Афак-х'аджа», после смерти Махдум-и А'зама зависть Х'аджи Исхак Вали к Ишан-и Калану (Х'аджа Мухаммад Амин) настолько возросла, что он решил избавиться от своего брата и занять его место. Однажды Х'аджа Исхак Вали пригласил Ишан-и Калана в гости и отравил его. Мухаммад Амин смог добраться до дома и рассказать о происшедшем своему сыну Мухаммад Йусуф-х'аджу, известному как Х'аджа Мазар-и падишах. Лидер *тариката* настоятельно просил держаться подальше от Х'аджи Исхак Вали, ибо он не даст покоя до самого судного дня, что и произошло впоследствии. Похоронив отца, Хадрат-и Мухаммад Йусуф-х'аджа отправился в *хаджж*. На обратном пути *х'аджа* распространил ислам среди населения Фаранка, Суджура, Салара, Йарканда, Йанги-Хисара, Кумула, Турфана и др. Также в источнике повествуется о прибытии Хадрат-и Мухаммад Йусуф-х'аджи с тремя сыновьями, среди которых был пятилетний Хидайат Аллах (Афак-х'аджа) [6, лл. 26^б–27^а; 8, лл. 5^б–6^б].

Согласно сведениям, приводимым в «Тазкира-йи Саййид Афак-х'аджа», сын Исхак-х'аджи Хушшади-х'аджа, который жил в то время в Йарканде, отравил Афак-х'аджу и попытался взять власть в свои руки. Однако потерпев поражение, он бежал в Ак-су, где и был убит. Саййид Афак-х'аджа был похоронен в Кашгаре в местности Йагду (Йагу) возле своего отца [6, л. 76^б]. Согласно «Хидайат-нама», Афак-х'аджа умер в начале месяца *раджаба* 1105/март 1694 г. [9, с. 221]. По сведениям «Диван-и Машраб», Афак-х'аджа заболел и умер в Йарканде. Его похоронили возле отца в Кашгаре в местности Йагду. При жизни Афак-х'аджа очень много времени и сил отдал постройке великолепных мечетей и *ханака*. Он разбил великолепный сад, приобрел очень много земли и всю свою недвижимость завещал бедным, установил в пользу неимущих вакф и назначил распорядителей этих имений из своих потомков [10, с. 13]. Афак-х'аджа был не только религиозным предводителем, но и имел светскую власть. Так, в данном источнике говорится, что Афак-х'аджа сидел на троне Йарканда и носил титул *давру-л-султанат*. В иерархии «святых» Хадрат-и

Афак-х^ваджа, как и его отец, занимал почетное место *кутба* – главного духовного правителя своего времени [2, с. 176, 322].

После похорон Афак-х^ваджи его сподвижник Х^ваджа Каран гази и старший сын Х^ваджа Йахйа шесть месяцев провели возле *мазара* х^ваджи [6, лл. 75^b–76^a]. Через шесть месяцев после смерти предводителя «белогорцев», как отмечает автор «Диван-и Машраб», скончался Х^ваджа Йахйа [10, с. 13].

На обширных территориях Западного и Восточного Туркестана борьба между «белогорцами» и «черногорцами», точнее сказать, борьба за власть в данном регионе не утихла и при правнуках Х^ваджи Ишан-и Калана и Х^ваджи Исхака-Вали. Противостояние между двумя религиозными группировками определяло ход политических событий в Восточном Туркестане в XVI – XVII вв. Как потомки, так и последователи «белогорцев» и «черногорцев» были активны и в последующие столетия.

Глубокое и всестороннее исследование малоизученных письменных памятников, содержащих ценные сведения о деятельности суфиев *Х^ваджаган-Накшбандийа* в Восточном Туркестане, в дальнейшем поможет раскрыть истинную картину исторических событий того периода, усовершенствовав методы извлечения достоверной исторической информации из устных и позже зафиксированных произведений.

Литература

1. Юдин В. П. Анонимное тюркоязычное сочинение второй половины XVI в. из Восточного Туркестана «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» // Вопросы истории и культуры уйгуров. – Алма-Ата, 1987. – С. 4–40.
2. Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника / Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимушкина. 2-е изд. – СПб: Петербургское лингвистическое общество, 2010. – 496 с.
3. Бабаджанов Б. М. Джуйбари // Ислам на территории бывшей Российской империи. – М.: Вост. лит. РАН, 2006. – С. 138–139.
4. Бабаджанов Б. М. Лутф Аллах Чустии // Ислам на территории бывшей Российской империи. – М.: Вост. лит. РАН, 2006. – С. 242–243.
5. Бабаджанов Б. М. Политическая деятельность шайхов Накшбандийа в Мавараннахре (I половина XVI в.): диссертация на соискание уч. степ. к. и. н., 1996. – 171 с.
6. Тазкира-йи Саййид Афак-х^ваджа. Рукопись Национальной библиотеки Калькутты. – Инв. № 940. – 114 л.
7. Тазкира-йи Саййид Афак-х^ваджа. Рукопись из коллекции Г. Ярринга. – Инв. № 22. – 63 л.
8. Тазкира-йи Саййид Афак-х^ваджа. Рукопись из коллекции Г. Ярринга. – Инв. № 369. – 63 л.
9. Katalog Sufischer Handschriften aus der Bibliothek des Instituts für Orientalistik der Akademie der Wissenschaften, Republik Usbekistan. Stuttgart: Steiner, 2002. – 358 s.
10. Дивана-и-Машраб. Жизнеописание популярного представителя мистицизма в Туркестанском крае. С тюркского перевел и снабдил примечаниями Н. С. Лыкошин. – Самарканд: Типо-Литография Т-ва «Б. А. Газаров», 1910. – 244 с.

Мақалада Х⁶аджаган-Накибандийа өкілдері – мұсылман әлеміндегі аса ірі діни қайраткер – Махдум-и А'зам, оның ізбасарлары мен ұрпақтары туралы ортағасырлық жазба дереккөздердегі мәліметтер талданады. Накибандийа тариқатының сопылары жайлы ақпарат бар нарративтік шығармаларды зерделеу негізінде, Махдум-и А'замның ұлдары – Мұхаммад Амин мен Мұхаммад Исхак Уәли арасындағы бәсекелестіктің түп тамырын анықтауға талпыныс жасалған.

The article analyzes information from medieval written sources about the representatives of Kh⁶ajagan-Naqshbandiyya – the largest religious figure in the Muslim world Mahdum-i Ai'ikizam, his followers and descendants. Based on the study of narrative compositions containing information about the Sufis of the Naqshbandiyya tariqat, an attempt was made to determine the origins of the rivalry between the sons of Mahdum-i Ai'zam – Muhammad Amin and Muhammad Iskhak Wali.

ЖИТИЕ ИБРАХИМ ИБН АДХАМА В АГИОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ

Представитель раннего аскетизма Ибрахим ибн Адхам пользовался широкой популярностью в мусульманском мире. Основная литература о его жизнедеятельности сохранилась на арабском и персидском языках. Среди народа бытовали легенды-предания о его благочестивом образе жизни. Среди тюркоязычных народов, принявших ислам, тоже создавались фольклорные произведения, осуществлялись переводы агиографических сочинений на тюрки. Более ранним трудом, куда включена жизнедеятельность Ибрахим ибн Адхама, является «Тазкират ул-авлия» *шайха* Фарид ад-дин Атгара Нишапури. В 11-й главе (*баб*) повествуется об Ибрахим ибн Адхаме. Перевод на уйгурский язык был осуществлен Шах Дарвиш бин 'Али Шахом в 929/1522–1523 г., который был озаглавлен «Таржума-йи Тазкират ал-авлия». Один из списков рукописи перевода Шах Дарвиша хранится в коллекции шведского ученого Гуннар Ярринга, другой – в рукописном фонде Британского Музея [1]. Перевод Шах Дарвиш бин 'Али Шаха состоит из 376 листов. Об Ибрахим ибн Адхаме повествуется в 8-м *бабе*, озаглавленном «Зикр-и Ибрахим Эдһәм Рәһмәтулла әләйһ» (Воспоминания об Ибрахим Адхаме, мир ему!). Глава состоит из 18 листов. Следует отметить, что в агиографических сочинениях обращено внимание на момент принятия решения стать на практический путь поиска Истины. В отличие от них в «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам» сказитель ставит перед собой осветить его жизнь полностью. Его происхождение также не осталось вне внимания обладателей импровизаторского таланта.

Согласно данным «Таржума-йи Тазкират ал-авлия», Ибрахим ибн Адхам полностью придерживался принципов аскетизма. Он жил в развалинах, в чем выражается его предпочтение добровольной нищеты. Он уединился, отдалился от общества, работал во фруктовых садах, на поле. Желание зарабатывать своим трудом в «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам» передается следующим образом: Султан Ибрахим жил в развалине вдали от Мекки, днем уходил в пустыню собирать дрова, которые затем продавал на рынке. На вырученную сумму он покупал хлеб, раздавал вдовам, сиротам и *дарвишам*. О его способе питания никак не упоминается. Основной акцент сказитель делает на его набожности и благотворительности. Его отказ от привязанностей к семье передается посредством эпизода встречи Султан Ибрахи-ма с сыном. Так, Мухаммад-хан отправляется в путешествие, чтобы найти отца. Когда отец с сыном беседуют, слышится голос из *гайба*: «Әй Ибраһим оғлуң бирла болуб мени унуттуңму емди оғлуңдин кәчкил вә мәндин кәчкил» – «Эй, Ибрахим, побыв с сыном, забыл обо мне, теперь откажись от сына или от меня откажись» [2, Л. 71^б]. Сказитель подчеркивает, что Султан Ибрахим не знал о рождении сына. В «Таржума-йи Тазкират ал-авлия» Ибрахим сам узнает сына. Здесь, в отличие от предыдущего текста, Ибрахим ушел в Мекку, когда сыну было восемь месяцев от роду. В «Таржума-йи» повествуется о двух встречах отца с сыном: первая встреча

происходит в Мекке, вторая – вблизи Балха: Ибрахим устанавливает шатер вблизи Балха, куда супруга приводит сына. Сын умирает в объятиях отца. Это обстоятельство объясняется составителем жизнеописания Ибрахим ибн Адхама тем, что тот, кто выбрал путь *дарвиша*, не должен отдавать внимание детям и супруге, так как для *дарвиша* нет привязанностей к семье. Став *дарвишем*, человек отрывается от всех мирских радостей. Все его мысли должны быть обращены к Аллаху. Эти мысли передаются как объяснение Ибрахима своим последователям.

«Тазкират-ул авлия» послужил основой для «Нафахат ал-унс мин хадарат ал-кудус» – «Дуновение близости от вершин святости» ‘Абд ар-Рахмана Джамии. Его современник – Низам ад-дин ‘Али Шир Нава’и перевел «Нафахат ал унс» с фарси на тюрки, добавив биографии индийских и тюркских шайхов. Перу ‘Али Ширы Нава’и также принадлежит перевод на тюрки «Тазкират ул-авлия» *шайха* Фарид ад-дин Атгара. Он не изменил название труда, хотя внес достаточно много нового материала. Включил жизнедеятельность святых-*шайхов*, чьи имена были широко распространены среди мусульман. Достаточно перечислить такие личности, как Х^аджа Бахауд-дин Накшбанд, Мавлана Са‘ад ад-дин Кашгари, Мавлана Лутфи и других [3]. В фонде Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз хранятся еще несколько списков рукописи данного перевода. В списке рукописи «Тазкират-ул авлия» ‘Али Ширы Нава’и под шифром 3415 на листах 21^а–21^б повествуется о жизнедеятельности Ибрахим ибн Адхама. Сочинение начинается со сцены охоты, где, услышав голос: «*Эй Ибраһим сени бу ши үчүн йаратмайдур*» – «Эй, Ибрахим, для этого ли ты родился?», он принял решение об отречении от трона. В этой части указывается его полное имя – Ибрахим Адхам бин Сулайман бин Мансур ал-Балхи Туси [3, Л. 21^а]. Здесь название г. Тус указывает на происхождение его предков из этой местности. В этом же труде приводится дата его смерти: «*Тарих йуз алтмиши бир вэ йа икида Шамда рэһләт қилди*» – «В сто шестьдесят первом или втором в г. Шам покинул бранный мир» [3, Л. 21^б]. Таким образом, в данном источнике указывается примерная дата смерти Ибрахим ибн Адхама в двух вариантах: 161/778 г. или 162/779 г. Также указывается место смерти – г. Шам. Следует отметить, что дата рождения Ибрахим ибн Адхама неизвестна.

Исследователями проблем суфизма годы его смерти указываются по-разному. Так, например, А. Д. Кныш [4, с. 25], И. Р. Насыров [5, с. 59] датируют смерть Ибрахим ибн Адхама 160/777 г. А. Шиммель указывает 790 год [6, с. 50]. Вероятнее всего, они использовали данные арабоязычных и персоязычных источников. В переводе агиографического сочинения на тюрки, осуществленного в XV в., как мы отмечали выше, указывается третий вариант датировки смерти Ибрахим ибн Адхама.

«Тазкират-ул авлия» вызывал интерес и у переводчиков последующих поколений. Так, в коллекции Н. Ф. Петровского хранился перевод указанного сочинения, осуществленный в Восточном Туркестане и переписанный в 1207/1792–1793 г.: начинается он с жизнедеятельности Сири Сакати и завершается жизнеописанием Абу Джа‘фар Мухаммад Бакира. Всего рукопись состоит из 178 листов [7, с. 60].

В «Тазкира-и Бугра-хан» освещается вопрос принятия ислама и его распространения на территории Восточного Туркестана. Особое внимание уделяется представителям традиции Увайсийа, поскольку в процессе пропаганды идей ис-

лама они сыграли определенную роль. В этом труде отведена глава (*фасл*) жизнедеятельности Ибрахим ибн Адхама. Во всех изученных нами источниках не упоминается о его наставнике, но все тексты указывают, что он инициирован духом святого. По нашему мнению, некий ‘Араби в «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам», способствовавший принятию им решения стать *дарвишем*, есть наставник, дух почившего святого. В большинстве агиографических сочинениях таковым выступает Хазрат-и Хызр [8, с. 157].

Жизнедеятельность Ибрахим ибн Адхама освещена также в таких сочинениях, как «*Бустан ал-‘арифин*» – «Сад познавших Истину», «*Дурр афшан*» – «Рассыпающийся жемчуг», «*Некайэт*» – «Рассказ». «Сад познавших Истину» включает в себе 155 коротких рассказов-примеров из жизни святых-*шайхов*, таких как Ибрахим ибн Адхам, Байазид Бистами, Абу-л Касим Джунайд, Мухаммед б. Зийад, ‘Иса, Нух бин Мансур. Бистами, Джунайд считаются *шайхами*, жившими после Ибрахим ибн Адхама. Дата появления сборника: джумадил II 829 /апрель-май 1426 г. [9].

В «Рассказ» вошли два отрывка, повествующие о том, как шейх Ибрахим Адхам, отказавшийся от трона Балха и ставший аскетом, спас грешников назиданиями. Список рукописи сочинения относится к XVI в. [10].

«Дурр афшан» является сборником, содержащим краткие описания эпизодов из жизни известных суфиев, и датируется XIX веком. Его автор – Мухаммад Бахтийяр-и Хаки (ум. около 1242/1827 г.). Определенное место в этом сочинении отведено житию Ибрахим ибн Адхама [11].

Ибрахим ибн Адхам из числа тех суфиев, которые отреклись от благ бренного мира. И. Р. Насыров пишет, что «*отрешенность Ибрахима ибн Адхама находила свое выражение в буквальном следовании религиозному требованию употреблять только “разрешенное” (халал)*» [5, с. 59]. Ученые приводят предания, согласно которым Ибрахим ибн Адхам ел глину или песок, когда не находил «чистую» еду [4, с. 26]. В исследуемом нами тексте делается акцент, что Ибрахим ибн Адхам редко ел, ночами бодрствовал, проводя время за молитвой. В его образе ярко представлен образ суфия, полностью отрекшегося от благ этого мира и следовавшего принципам аскетизма «*ахл аз зухд*» (отрешенные от мирского – по И. Р. Насырову). Далее повествуется, что он особое внимание обращал на благотворительность. Когда правил Балхом, оказывал поддержку нуждающимся. Став на путь Истины, он продает на базаре Мекки дрова, которые приносит из пустыни. На вырученные деньги от продажи дров он покупал хлеб, часть отдавал сиротам, часть вдовам, третью часть – *дарвишам*. Опираясь на сведения из «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам», можно установить, что Султан Ибрахим придерживался всех трех видов *зухд* (воздержания), о которых идет речь в труде И. Р. Насырова «Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция)»: 1) *зухд фард* – воздержание от запрещенного. Этот вид является обязательным *зухдом*; 2) *зухд фазл* – самоограничение в потреблении дозволенного «*халал*»; 3) *зухд фи аш-шубухат* – воздержание от сомнительного.

Уединение в развалинах, поход каждый день в пустыню за дровами, о чем повествуется в «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам», вероятнее всего, есть его стремление избежать излишнего внимания к себе восторженных толп, приходящих к нему за благословением, о чем пишет А. Д. Кныш [4, с. 26].

В «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам» достаточно кратко повествуется о периоде правления Ибрахим ибн Адхама. Особое внимание уделяется отречению от престола и ведению аскетического образа жизни. Сказителем введен мотив встречи во время охоты с животным, чьи слова оказали сильное впечатление на Ибрахима. Так, во время охоты Султан Ибрахим из *гайба* услышал: «*Эй адам, агаһ болгил*» (Ей, человек, будь осторожен!) [2, Л. 26^а]. После этого он встречает кролика, который говорит: «*Эй Ибрахим, Худайи Тэ'алла сени авламақғә йэратибдурму*» (Ей, Ибрахим, для охоты ли Бог Всевышний создал тебя?) [2, Л. 26^б]. Беседа с кроликом способствовала изменению образа жизни Ибрахима. Беседа с неким 'Араби, который искал верблюда на крыше дворца, является третьим фактором, способствовавшим принятию решения стать на путь Истины.

Вторая часть «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам» посвящена повествованию его путешествия в Мекку. Раскрыты черты главного образа сочинения. Так, Султан Ибрахим идет в Мекку без спутника, пешком в течение семи лет, совершая два *рак'ата намаза* на каждом шагу, произнося *зикр* и *тасбих*. На пути Султан Ибрахим подвергается испытанию. Для передачи таких черт характера, как неотступность, сказителем вводится образ искуителя. *Шайтан-и ла'ин*, представ в образе старца, предлагает ему стать *муридом*. Второй раз Иблис появляется, когда Султан Ибрахим беседует с людьми из каравана, прибывшими следом за ним по пути в Мекку. Он старается оклеветать Султана Ибрахима. И на этот раз суфий, с присущим ему карамату, узнав Иблиса, не поддается его влиянию. Посредством этих эпизодов раскрывается истинная суть суфия. Делая акцент на то, что Султан Ибрахим постоянно произносил *зикр* и *тасбих*, сказитель смог передать еще один аспект поведения суфия, ставшего на путь познания Истины. Именно поминанием прекрасных имен Аллаха суфий должен следовать по выбранному пути с особой любовью к Создателю. Его мысли должны быть концентрированы на мыслях о Нем.

В агиографических сочинениях повествование о жизнедеятельности Ибрахим ибн Адхама начинается с принятия решения стать на практический путь поиска Истины. Как и в «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам», описывается встреча с животным во время охоты, заговорившим с ним. Далее отражается его набожность, караматы, присущие ему, и принципы аскетизма, которых он придерживался.

В изученных нами рукописях агиографических сочинений, перечисленных выше, и в «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам» создан образ суфия, достигшего высшей степени совершенства. Для этого описываются караматы, присущие Султану Ибрахиму. Посредством эпизода, где ему приходится делать выбор между сыном и Истиной, более широко раскрывается образ представителя раннего аскетизма, который избегал общества людей, всецело посвятив себя служению Аллаху. Еще одним показателем степени совершенства Султана Ибрахима выступает общение с голосом из *гайба*, который слышит только он. Авторы агиографических трудов и сказителей этим фактом выражают идею о его избранности.

Таким образом, в изученных нами источниках создан образ человека, выбравшего путь отрешенности от всего мирского.

Литература

1. Шах Дарвиш бин ‘Али Шах. Tarjimah-i Tadhkirat al-awliya’. Рукопись ВМ 54/3.
2. Кисса-и Ибрахим ибн Адхам. Рукопись Института востоковедения АН РУз под инвентарным номером 4035/І. 84 л.
3. Низам ад-дин ‘Али Шир Нава’. Тазкират-ал авлия’. Рукопись Института востоковедения АН РУз под инвентарным номером 3415.
4. *Кныш А. Д.* Мусульманский мистицизм: краткая история. – СПб.: «ДИЛЯ», 2004. – 464 с.
5. *Насыров И. Р.* Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). – М.: Языки славянских культур, 2012. – 552 с.
6. *Шиммель Аннемари.* Мир исламского мистицизма / Перевод Н. И. Пригариной. – М.: ООО Садра, 2012. – 536 с.
7. *Мугинов А. М.* Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. – М.: Издательство Восточной литературы, 1962. – 209 с.
8. *Хисматулин А. А.* ал-‘Илм ал-ладуни // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. – М.: Восточная литература, 2006. – С. 156–157.
9. Бустан ал-‘арифин. Рукопись фонда Института востоковедения АН РУз под инвентарным номером 2007/І.
10. Хекайат. Рукопись фонда Института востоковедения АН РУз под инвентарным номером 2572/XLIII.
13. Мухаммад Бахтийар-и Хаки. Дурр афшан. Рукопись фонда Института востоковедения АН РУз под инвентарным номером 3638/І.

Ерте аскетизм өкілі Ибраһим ибн Әдһамның өмірі туралы мәліметтер өте аз. Өткен ғасырлар агиографиялық шығармаларына оның қызметі туралы қысқаша мәліметтер енгізілген. Мақала авторы тарапынан мәселені айқындау кезінде шәйх Фарид ад-дин Аттарның «Тазкират ул-авлия», оның түркі тіліне аудармалары қолжазбаларының тізімдері, «Бұстан әл-‘арифин», «Ғекайат», Мұхаммед Бахтияр-и Хакиның «Дурр афшан» еңбегінде келтірілген мәліметтерден қолданған. Бұл мәліметтер «Қисса-и Ибраһим ибн Әдһамның» Ташкент тізіміндегі деректермен салыстырмалы түрде зерттелген. Низам әд-дин ‘Әли Шир Нава’и түркі тіліне аударған «Тазкират әл-авлия’дағы» мәліметтер негізінде Ибраһим ибн Әдһам дүние салған уақыты тұжырымдалды. Суфизм саласындағы мамандар А. Д. Кныш, И.Р. Насыров, А. Шиммельдар оның қайтыс болған уақытын екі түрлі көрсетеді: 160/777 және 790 жыл. ‘Әли Шир Нава’и аудармасында шамамен 161/778 ж. немесе 162/779 ж. Шам қаласында қайтыс болған деген мәлімет көрсетіледі. Бұл мәліметтер ғалымдардың одан әрі зерттеулерінде пайдалану мақсатында келтірілген. Сонымен қатар, мақалада сопының өмір сүру қағидаттары мәселесі де қамтылған.

Data about the life activities of the representative of early asceticism Ibrahim ibn Adham is scarce. Brief data about his activities is included in the hagiographic works

of past centuries. By illumination the issue, the author of the article relied on data from such works as «Tadhkiratu-l-awliya'» by shaykh Farid ad-din 'Attar; lists of manuscripts of his translations into Turkic, «Durr afshan» by Muhammad Bakhtiyar-i Khaki, «Bustan al-'arifin», «Hekayat». This information has been studied in a comparative aspect with the data of the Tashkent list of «Qissa-i Ibrahim ibn Adham». On the basis on data from «Tadhkirat al-awliya'» – a translation into the Turkic of Nizam ad-din 'Ali Shir Nava'i the version of dating the death of Ibrahim ibn Adham is put forward. Such specialists in the field of Sufism A.D. Knysh, I.R. Nasyrov, A. Schimmel indicated two dates of his death: 160/777 and 790. The translation of 'Ali Shir Nava'i indicates the approximate date: 161/778 or 162/779 and the place of death – Sham city. This data is given for use in further research by scientists. In addition, the article covers the issue of the principles of Sufi life.

«ЖАРТЫЛАЙ ТӘУЕЛСІЗ» ХАНДАР ТУРАЛЫ ЖАҢА ДЕРЕКТЕР: ЖАНТӨРЕ АЙШУАҚОВ

Қазақстанның жаңа тарихында дәстүрлі билік формасын біртіндеп әлсірету және кейін келе оны жою жайлы шаралар қолданған империялық кезең ерекше назар аудартады. Түбегейлі жоспарланған бұл шаралар қазақ қауымының мінез-құлқына айтарлықтай әсер етті, өмір салтында, адамдар арасындағы қарым-қатынастарда және халықтың тарихи жадында өзгерістер пайда болды. Бұл үдерістердегі айтарлықтай ерекше орын «жартылай тәуелсіз» хандарға тиесілі болды. Олардың өмірбаяны мен қызметі патша кезеңін зерттеушілер үшін өте маңызды.

Жантөре хан Айшуақовтың тұлғасы мен қызметін талдау мақсатында Ж. Қасымбаевтың «Государственные деятели казахских ханств в XVIII – первой четверти XIX вв. Хан Жантөре (1759–1809)» [1] арнайы монографиясы мен «Государственные деятели казахских ханств в XVIII – первой четверти XIX вв. Хан Айшуақ (1719–1810)» [2] монографиясы жарық көрген. XIX ғасырдағы орыс тарихнамасында Ішкі немесе Бөкей Ордасы және Кіші жүздің тарихына көп көңіл бөлінген. Орыстың А. И. Левшин [3], Л. Мейер [4], П. И. Небольсин [5], Н. В. Ханыков [6] сияқты шығыстанушылары, шенеуніктері және басқаларының жарияланымдары қазіргі уақытта да өзінің ғылыми маңызын жойған емес. Кеңестік тарихнамада М. П. Вяткин [7], С. З. Зиманов [8], В. Я. Басиннің [9] еңбектерінде көрініс тапқан. Кеңестік кезеңнен кейінгі тарихнама И. В. Ерофеева [10], Р. Ю. Почекаев [11] және басқалардың еңбектерімен мәлім. Аталмыш кезенді зерттеуге арналған жаңа туындылардың ішінде Ресейдің Еуразиядағы шекаралық билігіне арналған Г. Кендірбайдың монографиясын [12] атап өтуге болады.

Мақалада жаңадан анықталған екі дереккөз талдауға тартылады:

1) Батыс Қазақстан облысынан табылған эпиграфикалық ескерткіш (Жантөре хан Айшуақұлының құлпытасы);

2) Ресей Федерациясы Мемлекеттік архиві (Государственный архив Российской Федерации [ГАРФ]) қорынан алынған архивтік құжат. Олар эпиграфика (негізінен эпитафия), шежіре (хан, ру шежірелері) және деректі материалдардың (архив дереккөздері) мәліметтерімен салыстырмалы-салғастырмалы түрде зерттелді.

Жантөре хан Айшуақов 1805–1809 жылдар аралығында империяға тәуелді Кіші жүз құрылымдарының бірінде билік жүргізді.

Ж. Қасымбаевтың «Государственные деятели казахских ханств в XVIII – первой четверти XIX вв. Хан Жантөре (1759–1809)» монографиясында мынадай мәлімдеме жасалады: «... Жантөрені сол қорымға (Әбілқайыр жерленген жерге) жерледі ме, жоқ па немесе марқұмның мәйітін басқа бір жерге әкетті ме, ол туралы тікелей сілтеме жоқ» [1, с. 244]. Бұған қарағанда, Жантөре ханның жерленген жері зерттеушілерге белгісіз болып келген.

2015–2017 жылдарда жүзеге асырылған «Қазақ халқының мәдени ескерткіштері рухани мұраны сақтау мен жеткізудің жолы ретінде (Батыс Қазақстан облысының

эпиграфикалық ескерткіштері негізінде)» жобаны орындау барысында біз, 2015 жылы Батыс Қазақстан облысының Теректі ауданы Қызылжар ауылында Жантөре хан Айшуақұлының құлпытасын таптық. Ол жергілікті халық арасында «Хан зираты» деген атпен белгілі қорымның аумағында орналасқан. 2015 жылдың көктемінде жүргізілген пилоттық жоба барысында жобаның орындаушылары Қазыбек Құттымұратұлы мен Айболат Құрымбаев Жантөре хан Айшуақұлының жерленген жерін нақты анықтаған болатын [13]. Сол жылдың жазында тарих ғылымдарының докторы, профессор Ә. Қ. Муминов бастаған кешенді экспедиция мүшелері бұл қорымды толықтай зерттеп шықты: эпитафия мәтіндері сол жерде оқылды, фотоға түсірілді және бұл қорымның бүкіл қабір тастарына сипаттама жасалды [14, 47–21-б].

Жұмыс барысында Жантөре хан ибн Айшуақ хан ибн Абу-л-Хайр-ханның қабірінің үстіне орнатылған ескерткішке №1 тізімдеме берілді. Құлпытас құмтастан жасалған. Тастың өлшемі: 149 × 33 × 15 см. Тастың бет жағына жалпақ бедерлі ою салынған. Эпитафия тікбұрышты жеті шаршыға қашалған. Ең төменгі жағында төре таңбасы бар.

Жантөре хан ибн Айшуақ хан ибн Абу-л-Хайр-ханның құлпытасы (1-сурет).

Эпитафия мәтіні:

هو الحى الذى لا يموت ابدا
ابو المظفر و المنصور سيد
بهادر خان جان توره ابن (!) خان
ايچواق بن ابو (!) الخير خان
مرقد شريفلىر يدر اعداء صحرا
هجوم ايدب شهيد بر حق رحمته
واصل اولدى ۴۹ ياشنده
۱۸۰۹ سنهدا قوس ۲ (۳)

Аудармасы: «Ол – Тірі, сондай еш өлмейтін! (Құран, 25:58)

[Бұл] – шарапатты қабір Абу-л-Музаффар ва-л-Мансур Саййид Бахадур Хан Жантөре ибн Хан Айшуақ ибн Абу-л-Хайр Хандікі, алысып жүріп шаһид болған, сахарада дұшпандарға ұсталып, ақырында Алланың рахматына бөленді, 1809 жылы қауыстың (Мерген) 2/3 күнінде (айдың күндері) 49 жасында».

Бұл жерде ханды өлтіргендердің аты-жөндері аталмайды, оны өлтіру себебі ғана бар, мұны мұсылмандық жолмен кешті дейді (шахадат). Өлген күніне көңіл аударсақ: қаус айы 1809 жылдың 22 қарашасы мен 21 желтоқсан аралығына сәйкес келеді, бұл дата көпшілік Жантөре хан өлтірілген күн деп қабылдаған 1809 жылдың 2 қарашасына сәйкес келмейді. Біздің ойымызша, мұнда оның жерленген күні немесе құлпытас орнатылған күн көрсетілген.

2017 жылғы пилоттық экспедиция барысында БҚО-ның Теректі ауданы Бекей ауылының маңындағы қорымнан Айшуақ ханның (1727–1812 жж.) құрметіне

орнатылған құлпытас табылды [15]. Айшуақ Әбілхайырұлы 1797–1805 жылдары Кіші жүз ханы болған. Ол 70 жасында хандық таққа отырып, 78 жасында өз еркімен тақтан бас тартқан. Оның орнына ұлы Жантөре хан сайланады.

Әбілқайыр ханның ұлы Айшуақ ханның құлпытасы (2-сурет).

Эпитафия мәтіні:

وَتَوَكَّلْ عَلَى الْخَيِّ الَّذِي لَا يَمُوتُ
... الغفور
ابو المظفر و المنصور سيد بهادر خان
ايچواق ابن خان ابو الخير ابن خاجي
سلطان ايديق العفو بالرحمة والغفران
اللهم اجعل قبره روضة من رياض الجنات
و لا تجعل حفرة من حفر النيران. كفى بالموت
تاريخ ۱۲۲۷ سننت ۱۵ ثورده رحلت ايلادی سکسن بيش يشنده

Аудармасы: «Сондай еш өлмейтін тірі Аллаға тәуекел ет...» (Құран, 25:58). Бұл күнәсі кешірілген Абу-л-Музаффар уа-л-Мансур Саййид Баһадур хан Айшуақ ибн Хан Абу-л-Хайр ибн Хаджи Сұлтан Айдақтың қабірі [О, Алла] өзіңнің рахматыңмен ғафу ете гөр. Оның қабірін жәннаттың жарығымен нұрландыра гөр. Түбі жоқ тозақтан сақта! 1227 жылы 15 сәуірде, сексен бес жасында рихлат айлады».

Сөйтіп, Жантөре хан мен Айшуақ ханның құлпытастары табылуы арқасында аталған хандардың нақты жерленген жері белгілі болды, бұл бүгінгі күнгі Киелі орындарды тану мен қорғау мемлекеттік бағдарламасына сәйкес келіп отыр. Екі ескерткіш те Батыс Қазақстан облысындағы жергілікті маңызы бар киелі орындардың тізіміне енгізілді, мұнда жергілікті мектеп оқушыларына арнап, саяхаттар мен далалық зерттеулер ұйымдастыруға болады. Жантөре ханның қайтыс болған күніне қатысты басқа дереккөздерде санқилы мәліметтер болғанымен, ғылыми әдебиеттерде әлі күнге дейін Айшуақ ханның өмірден өткен жасы мен күніне қатысты ол 1810 жылы 91 жасында қайтыс болған деген дерек беріліп келеді. Біздің экспедиция барысында табылған ескерткіш, яғни, құлпытастағы жазудың арқасында хан хижраның 1227 жылы, 85 жасында қайтыс болғанын дәл анықтауға болады, бұл еуропалық есептеу бойынша 1812 жылға сәйкес келеді.

Бұны дереккөздердің басқа түрлері де растайды, яғни, бұл біз тапқан архивтік құжаттар: Айшуақ хан баласы Жантөре ханның өлімін тергеу және кінәлілерді жазалау үшін патша өкіметімен ұзақ уақыт хат жазысады. Ханның өлімі мен кінәлі адамдардың жазалануын тексерудегі олқылықтардың орнын толтыру үшін архивтік материалдар өте маңызды. «Архив – 2025» мемлекеттік бағдарламасы аясында жүзеге асырылған «Ұлы даланың тарихы мен мәдениеті бойынша шетелдік архивтер мен қорларда археографиялық жұмыстар» атты ғылыми жобаның орындаушылар Б. Д. Дюсенов пен Қ. Құрманбаева 2019 жылы Мәскеуге барған археографиялық экспедиция барысында Ресей Федерациясының Мемлекеттік архивінің (ГАРФ) 1165

қорынан (Ішкі істер министрлігінің арнайы канцеляриясы) 1 тізімдеме, сақтау бірлігі №345, Д № 16–1811 ж. архивтік құжат тапқан болатын, ол құжаттың көшірмесі алынды. Құжаттың атауы: «Қырғыз-қайсақтардың Кіші Ордасының ханы Жантөре Айшуақовтың өлімін тергеу және осы іске қатысы бар адамдарды жазадан босату ісі» деп аталады. Іс 1811 жылы 14 қарашада басталған. Ол 1823 жылы 28 шілдеде аяқталған. Материалда 518 парақ бар [16].

Бұл архивтік материал бұрынғы тарихи зерттеулерде пайдаланылмаған, соның ішінде Ж. Қасымбаевтың монографиялық жұмысында да қолданылмаған. Осыған орай зерттеуші былай дейді: «...сот материалдарын архивтік құжаттардан ұзақ іздестіргенмен нәтиже бермеді» [1, с. 284]. Бұл құжат сонымен қатар «Бөкей хандығының тарихы» (История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сб. документов и материалов) құжаттар жинағында және басқа да жарияланымдарда жоқ.

Бұл істің құрамында «Императору Правительствующего Сената 6-го департамента всеподданнейший доклад, от 17 мая 1811 г. №3171» деген құжат бар. Онда Жантөре ханның өліміне қатысты тергеу барысының толық сипаттамасы бар, онда ұсталғандардың аты жөні, ұсталған күндері, олардың айғақтарының тізімі, ұстау орындары мен әрқайсысына шығарылған үкімдер көрсетілген. Істе сот органының шешімі бар: ««Решение пограничной Коммисии. Оренбургская пограничная Коммисия определением прошедшаго 1810го года Марта 11 дня заключила: Султаны Урман Нуралиев, Премъер-Майор Кара и Чужика Ишимовы, заседающий в комиссии старшина Коллежский Ассесор Байязык Кучукбаев и Киргизцы: Кабул и Жубан Жилкайдаровы / хотя не сознаются в участвовании к убийству Хана Джантюри и в других преступлениях; но обстоятельствами дела и свидетельскими показаниями ясно во всем оном доказаны, а по тому на основании наказа Комиссии о сочинении нового уложения 10-й главы 214го и 216го пунктов Урмана Нуралиева, Кару и Чужикю Ишимовых лишить Султанского достоинства, сверх же того Кару и Байязыка Кучукбаева чинов, а последнего и старшинского звания, по том согласно указом 1744 Марта 5го и 1797го года Сентября 13 дня сослать в Иркутскую / губернию на поселение. Киргизов же Кабула и Жубана Жилкайдаровых по содержанию уложения 2^й главы 1го, 19 и 21го пунктов, Воинского устава 19, 20го и 144го артикулов, указов 1744го Марта 5го и 1797го года Сентября 13 наказав кнутом с вырезанием ноздрей и постановлением знаков сослать в Иркутскую губернию. На сына Урмана Султана Шукуралы по делу хотя и нет доказательства в соучастии им в убийстве Хана и в других преступлениях; но как он во все время находился при отце его: следственно не может / статья чтобы ему не известны были злые намерения отца его и прочих Ордынцов; за всем тем и отпустить его в орду не возможно, ибо он может присоединиться к партии злонамеренного Каратая Султана и не перестанет производить мщениия против тамошней стороны за отца его; для того содержать его Шукуралы в Аманатном доме, пока Ордынские обстоятельства приведены будут в благоустройство. Что принадлежит до Киргизцов Дузбулая Секталирова и прочих всего двадцати одного человека; то как об них со стороны / доказателей в донесениях объясняется, что только некоторые из них участвовали в убийстве Хана, а другие родственники им; и дабы в сем случае невинные из них не потерпели напрасно осуждения, или наказания; то, составив им список, препроводить оный в Уральскую войсковую

Канцелярию с тем, дабы отобрала от доказателей под присягою вернейшие сведение, кто именно из сих захваченных Киргизцов участвовал в смертоубийстве Хана, или в возмущений к тому других и кто не участвовал в злодеяний сем и захвачены / последние по тому ли единственно, что они участвовавшим родственники, или по другим каким причинам. По получении же такового сведения учинить особое рассмотрение» [16, л. 356–38а].

Бұл істе әскери губернатордың [Князь Волконскийдің] да шешімді пікірі бар: «1° Султана Урмана Нуралиева как главного соучастника и как орудие к смерти Джантюрю Хана, лишитъ Султанского звания, сослать на поселение в Камчатку; дабы он как злонамеренный злодей быв удален на такое пространство, ни когда не имел способов из мщения произвести вреда для края Оренбургской губернии и для благосостояния самих Ордынцов. 2° Султанов премьер-майора Кару Ишимова и брата его Чужуку Ишимова лишитъ Султанского / звания, а первого и чина, сослать на поселение в самые отдаленные места Иркутской губернии порознь, дабы они ни когда не имели между собою свидания и не могли производить ни каких зловредных предприятий. 3° Коллежского Ассесора старшину Байзыка Кучукбаева как заговорщика на смерть Ханскую и переметчика на сторону злоумышленников Киргизцов, лишив чина и старшинского звания сослать на поселение в Охотск. 4° Сына Султана Урмана Шукуралия также как соучастника злодейских замыслов / предавать там суждению и по найденни виновным, тотчас лишитъ их Султанского звания и сослать в отдаленные места Иркутской губернии» [16, л. 466–476].

Архивтік материалдармен жұмыс жасау кезінде кириллица және араб графикасында жазылған екі көшірмесі бар бірдей құжаттар кездеседі. Олардың мәтіндерінде адамдардың аты-жөні, лауазымы, оқиғаларды түсіндіру және басқа да нақты мәліметтер бойынша көптеген айырмашылықтар табылып, сәйкес келмей жатады.

Әр аймақтың қорымдарын зерттеу барысында басқа мемлекет қайраткерлерінің құрметіне қойылған құлпытастар табылды. Олар қоғамда белгілі бір орыны бар, хан билігімен тығыз байланыста болған. Оларды қазақ қоғамының элитасы деп те қабылдауға болады. Олардың көбінің есімі ел тарихының беттерінде әлі белгісіз. Сонымен қатар, эпитафиялар біздің көптеген елді мекендердің тарихи атауларын жандандыруға атсалысатынын атап өткен жөн. Сондықтан да тарихи география үшін эпитафиялық ескерткіштердің маңызы өте зор. «Хан Зираты», «Хан Сүйегі», «Хан Моласы», «Төре қорымы» және т.б. сияқты қорым атаулары халық жадында сақталуы тегін емес, шынтуайтына келгенде, экспедиция жұмыстары барысында осындай атаулы қорымдарда расында да хан-сұлтандардың, хан әулеті мен ұрпақтарының зираттары табылып жатады. «Төлеңгіт қорымы» – ханға қызмет еткен сарай адамдарының қорымы. Қазақ қорымдары әдетте қауым, немесе рубасы, атақты батыр, билердің аттарымен аталады. Сондай-ақ, әулие, тәуіп немесе көріпкел аттарымен аталатын да қорымдар бар.

Батыс Қазақстан облысының бүкіл нысандары мен ескерткіштерін толық қамту мүмкін еместігі айқын әрі заңдылық екенін мойындау керек, әйтсе де, жалпы саны алдын ала мәліметтер бойынша 20 мыңнан асады. Өкініштісі, тарихы терең және деректану ғылымы үшін келешегі кемел, әлеуеті зор көптеген ескерткіштер әлемдік ғылымның назарынан тыс қалып жатыр. Мұндай жобаларды жүзеге асырып,

қорытынды шыққан сәтте Ресей Федерациясының Батыс Қазақстанмен шектесетін аумағына кешенді экспедициялар ұйымдастырып, жұмыстар жүргізу қажеттігін көрсетті. Ол жақтағы Волгоград облысында Жәңгір ханның Жазғы Ордасындағы қорымдар кешені, Астрахань облысының Красноярск аймағында Бөкей хан мен оның әйелі Атан ханым жерленген Сейіт-баба қорымы, Волгоград облысында Барақ батыр және тағы басқа да қорымдар бар. Сондай-ақ, Бөкей Ордасы ауданының полигоны аумағындағы қорымдар зерттелмеген күйінде жатыр, мұнда кіруге арнайы рұқсатнама қажет. Бұл экспедициялар Қазақстанның батыс өңіріндегі қазақ хандары мен сұлтандары және басқа да тарихи тұлғаларының құрметіне қойылған ескерткіштер бойынша эпиграфиялық материалдар жинау үшін қажет.

Жасалған жұмыстардың нәтижелері бойынша біз, көптеген архитектуралық ескерткіштер, ел билеген басшыларға немесе танымал тұлғаларға безендіріліп қойылған құлпытастардағы жазулар көбіне-көп сирек кездесетін дереккөздер болып табылады деген қорытындыға келдік. Кейде олар жазбаша дереккөздерде бұрыннан бар деректерді толықтырады. Бұл бағыттағы кез келген ақпарат тарихшылар, этнологтар және басқа сала мамандары үшін де өте маңызды екеніне сенімдіміз.

Жаңадан табылған дереккөздерді салыстырмалы түрде зерттеу қазақтар арасындағы империялық саясаттың негізгі сипатын көрсетеді. Ол қазақтар арасындағы өзін-өзі басқаруды әлсіретуге, олар империялық құрылымдардың тікелей билігіне біртіндеп көшуіне бағытталды. Бұл жерде тәуелділігі төмен қауымдастық басшылары Жантөре хан сияқты тәуелді билеушілердің алдында көбірек жазаланды. «Хандық – үш жүз хандығы – жекелеген хандық – сұлтанат – болыс арқылы билеу – билер билігі – тікелей басқаруды енгізу» тізбегі бойынша біртіндеп билікті ауыстыруды байқауға болады.

Біз жүргізген жұмыс барысында сұхбаттасу әдісі арқылы осында жерленген адамдар туралы тиісті ғұмырбаяндық мәліметтер келтіріле отырып, аңыздар мен тарихи әңгімелер жиналды. Олар зерттеліп отырған тұлғаның нақты жерленген жерін анықтауға көп көмегін тигізді. Біз қорымдар мен ескерткіштердің, сондай-ақ тиісті құжаттардың жоғалып кету фактілерін жиі кездестіреміз. Бұндай жағдайда бұл аймақтың ақсақалдары мен қарияларының ауызша әңгімелерінің әлеуеті зор, әйтсе де, олардың айтқаны эпиграфиялық ескерткіш жазуларындағы мәліметтермен сәйкес келуге тиіс.

Құлпытас эпитафиялары – жазбаша дереккөздер, халықтың тарихы мен мәдениетін айқара ашып көрсете алатын өткеннің өзіндік құжаттары болып табылады. Зерттеуші олардың ақпаратын толықтырады, ал кейде басқа дереккөздермен растайды, олардың атқаратын қызметіне сол өңірде сақталған танымал рулардың халықтық шежірелері, кейбірі дәл бұрынғыдай өз қызметін бүгін де жалғастырып келеді. Эпиграфиялық ескерткіштердің бірнеше рет қайта-қайта көшірілетін қолжазбадан айырмашылығы (және кейде біржақты түзетулер енгізілген), олар қайта-қайта жазылмайды, яғни, олар қашалып жазылған кезде сол дәуірдің келбетін дәлме-дәл көрсетеді.

Ескерткіштердегі мәтіндер арқасында дәстүрлі қоғамның түрлену формалары, сол дәуірдегі адамдардың өмірі, олардың сауаттылық жағдайы нақтылана түсті. Эпиграфия деректерін архивтік материалдармен, ауызша тарихи дәстүрмен,

қолжазбалық шығармалармен салыстыра зерттеу негізінде саяси өмір мен ұлттық мәдениеттің нақты орталықтарының тарихи қалыптасу процесін зерттеу жеңілдей түсті.

Әдебиеттер

1. *Касымбаев Ж. К.* Государственные деятели казахских ханств в XVIII – первой четверти XIX вв. Хан Жантөре (1759–1809) – Т. 3. – Алматы: Білім, 2001. – 364 с.

2. *Касымбаев Ж. К.* Государственные деятели казахских ханств в XVIII – первой четверти XIX вв. Хан Айшуак (1719–1810) – Т. 2. – Алматы: Жеті жарғы, 2001. – 256 с.

3. *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1-3. – СПб., 1832. – 2-е изд. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.

4. *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства // Материалы для географии и статистики России Оренбургского ведомства, собранные офицерами генерального штаба. Т. 10: Киргизская степь Оренбургского ведомства. – СПб., 1865.

4. *Небольсин П. И.* Очерки волжского низовья. – СПб., 1852.

5. *Ханыков Н. В.* О населении киргизских степей, занимаемых Внутренней и малыми Ордами // Журнал Министерства внутренних дел. – 1844. – № 10.

6. *Вяткин М. П.* Очерки по истории Казахской ССР. – Л., 1941.

7. *Зиманов С. З.* К вопросу о прогрессивной роли присоединения Казахстана к России: По материалам Внутренней Орды // Труды КазГУ. Сер. юрид. 1956. Т. 2. – С. 63–77.

8. *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). – Алма-Ата, 1971.

9. *Ерофеева И. В.* Внутренняя, или Букеевская Орда в первой половине XIX в.: История и историография // История Букеевскоо ханства 1801–1852 г.: Сб. документов и материалов / Сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – С. 3–23.

10. *Почекаев Р. Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии XVIII – начала XX в. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2007. – 384 с.

11. *Gulnar Kendirbai.* Russian Practices of Governance in Eurasia. Frontier Power Dynamics, 16th–19th Century. – London: Routledge, 2020.

12. Жантөре ханның құлпытасы табылды. – URL: <http://zhaikpress.kz/kk/news/>

13. *Құттымұратұлы Қ.* Ғалымдармен өткен он күн. Құлпытас сырын ашайық // DANAkaz журналы, №8 (21) 2015. – 47–21 бб.

14. В ЗКО найден кулпытас хана Айшуака. 14.07.2017. – URL: <http://zhaikpress.kz/ru/news/v-zko-najden-kulpytas-xana-ajshuaka/>; URL: <https://egemen.kz/article/153785-ayshuaq-khannynh-qulpytasy-tabyldy>.

15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) в г. Москве. – Ф. 1165, Опись 1, Ед. хр. №345. – Особенная канцелярия внутренних дел. – Д №16-1811 г. – Дело о расследовании убийства хана Меньшой Киргиз-Кайсацкой орды Джантюри Аичувакова и об освобождении от наказания лиц, привлеченных по этому делу. Начато 14 ноября 1811. Окончено 28 июля 1823 г. На 518 листах.

The article examines new data about Zhantore Khan: epitaph material explored during the expeditionary work in the village of Qyzylzhar, Terekty district of West Kazakhstan region, and an archival document discovered in the State Archives of the Russian Federation (GARF), during an archaeographic expedition made to Moscow in 2019. These newly discovered materials have been analyzed for the first time and introduced into scholarly circulation.

В статье рассматриваются два новых источника по деятельности Жанторе-хана: эпитафийный материал, обнаруженный в ходе экспедиционных работ в поселке Кызылжар Теректинского района Западно-Казахстанской области, и архивный документ из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) – «Дело о расследовании убийства хана Меньшой Киргиз-Кайсацкой орды Джантюри Аичувакова и об освобождении от наказания лиц, привлеченных по этому делу», обнаруженный в ходе археографической экспедиции в г. Москва в 2019 году. Эти вновь обнаруженные источники всесторонне анализируются и вводятся в научный оборот.

**LETTERS FROM KAZAKH KHAN-SULTANS
TO QING OFFICIALS CONCERNING THE TRADING ACTIVITIES
OF KAZAKHS IN KASHGARIA IN THE SECOND HALF
OF 18TH CENTURY**

Introduction. In the second half of 18th century, intensive relations were established between Qing court and Kazakh khan-sultans. As one of the ramifications of the political, economic and cultural engagements between Kazakhs and Manchu-Chinese in the mentioned time period, quite a number of historical documents were accumulated in the imperial archives of the Qing dynasty. Most of the archival documents written in the languages other than Chinese had not been touched upon until the end of 20st century due to the various reasons. In 2003, under the sponsorship of the Kazakhstani national *Mädeni Mura* (“Cultural Heritage”) program, we began to carry out our researches on the historical sources relevant to Kazakh history kept in the First Historical Archives of China in Beijing. We found that, among the 7 000 more relevant archival documents, there are about 200 diplomatic letters by Kazakh khan-sultans addressed to Qing court and Qing borderland officials.

According to our investigation, the Kazakh diplomatic letters kept in the First Historical Archives of China were written in the time period of 1757–1831. Most of them are in Turki (or so-called “Chagatay”) language; and there are also letters in Tod-Mongolian (or “Western Mongolian) language¹. Although the addressers were from

¹ The study on the Kazakh Chagatay (Turki) letters kept in the First Historical Archives of China started in September-October 2004, when the author of this paper and his colleague Saghyntay Songghatay, then the researchers from R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies of Ministry of Sciences and Education of Kazakhstan, conducted a survey of the microfilms of the relevant documents being kept in the JMLZ foundation of the mentioned Chinese archives under the sponsorship of *Mädeni Mura* the national scientific program of Kazakhstan. In January 2005, the author of this paper proposed to carry out a Kazakh-Chinese cooperation research project named as *Studies on the Letters Related to the Relationship between Kazakh Khanate and Qing State* to the mentioned Chinese archives. And, together with the proposal, a basic catalogue of the Kazakh Chagatay (Turki) letters kept in the Archives was also submitted. But, the proposal was not accepted because of the technical reasons (it was said that the Archives should make sure about the contents of the letters first). Instead, a cooperation project of the studies on the Manchu documents concerning the Kazakh-Qing relationship in 18th century was established (and it resulted into the publication of the two volumes of *A Collection of the Archival Documents concerning the Sino-Kazakh Relationship in the Qing Dynasty Period*). From then on, scholars have been conducting the researches on the Kazakh Chagatay (Turki) letters individually. In 2006, B. Ezhenkhan-uli published his Kazakh translations of and studies on several letters. Later, he talked about his early study results on several other letters at various conferences in

various branches of Kazakh *töre*¹ ruling house, yet the numbers of the letters sent by different *töre* branches varies according to the degrees of their engagement with Qing court: the most active addressers were Abulfeiz sultan and his descendants, then Abulai khan and his descendants of Middle Horde, and the fewest letters were sent out by the Little Horde Kazakh rulers. Being the historical documents sent out by the Kazakhs themselves, these letters are extremely valuable for our further studies of both the Kazakh-Qing historical relationship and the history of Kazakh written language. In this article, centering on the studies of several letters by Kazakh khan-sultans addressed to the Qing officials in Kashgar in 1768, I am going to touch upon the trading activities of Kazakhs in the second half of 18th century.

1. The Turki Letter by Abulai Khan Addressed to the Qing Officials in Kashgar in 1768

Transcription

Uluḡ hannıñ yisäligida / Qaşqaridägi amban-**darı**ña / hakimbeklikke / [A]bulai handin duḡai salam // Abulai hannıñ isäligida / amban-darinlar hakimlar bolup yurtni yahşi tapusturup / tursunlar yäsir hatun yitim uḡul başıya altun kütärip yürüsä / kişiniñ yişi bolmasun barimiz uluḡ hannıñ albatusi / wä yänä söz bu kim Tiläşni yilçi qılıp yiberdim bizni siilasa yilçimizni yahşi / siilap yibersun wä yänä söz bu kim yiti kişiniñ malini Tiläş käfil bolup / ? bergen yikan Rozi-sofiya Qazaqtin Tiläş käfil yikan / Qırıyızdin Ätek käfil yikan şul malni sen Tiläş öz qoloḡ / bila[n] bergän özuḡ barip malni alip yurtni yahşi tabuştu / [rup] kel dip yiberduk biz barimiz // albatubiz bizge saudagär / ? bolmasa bizgä yol bersun kirip sauda qılıyalı.

Translation

Be the Great Khan² healthy!³

Kazakhstan, USA, China, and Germany, and some of the research results were published in 2014–2017 (Ezhenkhan-uli 2006, 2009, 2015, 2017 (1), 2017 (2)). To join the trend, Japanese scholar Onuma Takahira (Onuma 2009), Chinese scholars Erkin Awghali (Awghali 2006, 2009) and Dusen Abilmashimuli (see below) also worked on some of the letters. In 2010, Japanese scholars Noda Jin and Onuma Takahiro published their book *A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty* in Tokyo university (NODA and ONUMA 2010). In 2016, Chinese researcher D. Abilmashimuli published his book *Researches on Kazakh Documents in the First Historical Archives of China* (Abilmashimuli 2016). But, despite of the mentioned works, more researches, especially the researches from the historical perspectives, need to be carried out on the Kazakh Chagatay (Turki) letters in the future.

¹ Namely, the so-called “Chinggizids”.

² Here the Qing emperor (Qianlong) is referred.

³ Literarily, the first phrase at the letter means “At the health of the Great Khan”.

My many greetings to the *amban-darin*¹ and *hakimbeks*² in Kashgar!

I, Abulai khan, heard³ that you, *amban-darin*, together with the *hakimbeks*, make the peoples getting along. I heard that, even if there is a widow or an orphan walks along [on your land] with the gold poised on her or his head, no a soul will bother her or him. All of us are the *albatu*⁴ of the great khan, [so we need get along, too].

Besides, I want to say this: I am dispatching Tiläš as my envoy. If you people do respect us, I hope my envoy can be received and returned with wormly respects, too. And I also want to tell you such an event: previously, acted as one of the warranters Tiläš handed over seven people's livestock to Rozi-sofi. [When that event occurred,] the warranter from Kazakh side was Tiläš, and the warrenter from Kirgiz side was Ätek. I am dispatching Tiläš by saying: "You gave over these livestock by your own hands, so you yourself go there to get back the livestock and make the people getting along".

All of us are the *albatu* of the great khan. So, please send your merchants to us. Or, please give us your permission to go there, so that we can enter [your land] and being engaged in the trade with you"⁵.

¹ This is a Manchu-Chinese combined addressing phrase: a Manchu word, *amban* ("grand official") here indicates the councilor (Ch. *Canzan-dachen*; Ma. *hebei-amban*) in Kashgar; While, coming from Chinese *daren* (大人 "great man, important person"), *darin* here means "your majesty". There is not any equivalence of this word in the Manchu translation of the letter, and this indicates that the translator in Kashgar didn't understand the word at all. It is interesting that, after 11 years of the establishment of the Kazakh-Qing relationship, Abulai khan used a Chinese word that even was unfamiliar to the Turki-Manchu translator in Kashgar.

² In the text the word *hekimbeklä*r ("hekimbeks") is corrupted as *hekimbeklik*. *Hekimbek* – the general name of the native Turki officials in Kashgaria under the Qing rule.

³ The original Turki text *Abulai hanniy isäligida* means "At the health of (me,) Abulai khan". But it makes no sense here. While, the relevant phrase in the Manchu translation of this letter (see the Manchu document being mentioned below) appears as "I, Abulai, admire the fact that even every woman or child walks through with gold on her or his head in your land" ("*abulai bi tubai nuktei hehe juse ci aname uju de gemu aisin hukšeme yabure be buyembī*"). I don't know where the word *buyembi* ("to admire") in the Manchu translation of the text came from. Comparing the Turki text with its Manchu translation here, I think it is reasonable for us to consider the word *isäligidä* here in the Turki text as a corruption of the word *ıştigändä* ("(as I) heard").

⁴ A Mongolian word that means "a servant, a tax payer". In their correspondents with Qing empire, Kazakhs were always ready to please Qing side by using some vague terms, like the word *albatu* in the text here, borrowed from the languages of Mongols and Turki people in Kashgaria. Regarding this special feature of Kazakh-Qing correspondence, we are more inclined to accept the explanation given by Peter C. Perdue. In his book published in 2005, Peter C. Perdue writes: "I would rather call it a kind of intercultural language, serving multiple purposes for its participants ... masking the different self-conceptions of its participants with formal expressions but allowing each, in different degrees, a measure of autonomy" (Perdue 2005, p.403).

⁵ JMLZ, No. the attachment of the document 2261-031 (microfilm No: 082-0715).

2. The General Background of Abulai khan's Letter

Since 1762, quite number of Kazakh khan-sultans and ordinary chieftains sent their envoys to various towns of Kashgaria to test the water of doing business over there. And the Qing authority in Kashgaria, “the land of *Hūise*” as being called in Manchu, began to aware of the potential threat of Kazakhs’ trading in Kashgaria to the monopoly of Qing in the “Silk for horse” trades between Qing and Kazakhs in Ili and Tarbagatay, and intend to restrict Kazakhs’ coming to Kashgaria. But, the anti-Qing uprising broke out in Ushi (Ushturpan) in 1765 naturally hindered Kazakhs’ steps towards the southern regions beyond Ili¹. Just after the uprising was crackdown, Abulfeiz the sultan of the Kazakh Naiman tribal confederation in Tarbagatay region sent his envoy to Kashgar on Nov. 10, 1765 (QL 30.09.27) in the hope of resuming the Kazakh-Qing contact in Kashgaria in order to get the trade privileges for Kazakhs in that region².

The reappearance of Kazakh “official” mission in the Land of *Hūise* made Qing officials nervous again. After the envoy of Abulpeiz left, one by one the Qing officials in Kashgaria expressed their opinions about holding back the Kazakhs’ coming to their towns³. In addition to the cliché about protecting the trade monopoly and meeting the imperial needs in northern Ili region, the Qing officials paid more attention to the security perspective of the matter now. Being shocked by the Uprising in Ushi and the above mentioned attempts of Central Asian rulers that was aimed at establishing an anti-Qing alliance, the Qing officials turned to be more anxious about the potential threat of Kazakhs who were partly involved into the political life of the *Hūises* in the Central Asian sedentary region, especially in the areas neighboring with Kashgaria⁴. In order to prevent Kazakhs to come close to the Qing controlled Land of *Hūise*, a concrete policy measure was formulated.

The measure involved the question who could trade with whom. According to the measure, Kazakhs were prohibited explicitly from coming to trade in the Qing controlled Land of *Hūise*. While, concerning the trading rights of various *Hūise* peoples with Kazakhs, the Qing officials’ opinions were not always in concord. Taking into

¹ I leave the discussion of the general historical linkage between Kazakhs and Central Asian sedentary peoples as well as the early Kazakh trading activities in Kashgaria in another paper.

² QXMDH, Vol. 76, pp. 158-160.

³ QXMDH, Vol. 76, pp. 158-160, the memorial of Bekun on Nov. 10, 1765 (QL 30.09.27); QXMDH, Vol. 77, p. 244, the memorial by Yunggui and Chokto on Jan. 15, 1766 (QL30.12.05); QXMDH, Vol. 77, pp. 349-352, the memorial of Elgingge and Yusub on Feb. 1, 1766 (QL30.12.22).

⁴ Some Manchu archival documents show that, both during and after the Ushi uprising, Qing officials in Kashgaria sent their agents specially to spy on the activities of Kazakhs in the areas neighboring with Kashgaria (QXMDH, Vol. 74, pp. 186-189, the memorial of Bekun on July 22, 1765 (QL30.06.05); QXMDH, Vol. 83, pp. 6-8, the memorial of Yonggui on Feb. 28, 1767(QL32.02.01)).

consideration of the *Hüises'* commercial tradition and the necessity of the trade in *Hüises'* lives, Qing court intended to give the permission to the *Hüises* to trade in Kazakh land. But in its executing process, there was still daunting question for Qing officials about how to grasp the scale of the measure¹. Step by step, such a regulation was set at last: the *Hüises* under the Qing rule were permitted to trade only with the *waiwan* (foreign) *Hüises* such as the merchants from Andijan and other places of Kokand, as well as with Buruts (Kirgiz); The *waiwan Hüise* merchants and Buruts (Kirgiz) might go to trade in Kazakh land and brought the Kazakh animals to the Qing controlled Land of *Hüise*; While, Kazakhs were supposed to do business with those *faiwan* (foreign) *Hüises* only in their own land or directly with Qing side in Ili and Tarbagatay².

Ignoring the above mentioned Qing measure, Kazakh Chinggisids continued their attempts in expending their commercial interests in Kashgaria. And that was why the envoys of Abulai khan, who lived among the Aryin tribal confederation in Kökchetav (Kukchitav) region, also arrived at Kashgar in 1768. In the first paragraph³ of the letter being brought to Kashgar by the envoys, Abulai khan figuratively extolled the Qing officials to the skies and implicitly expressed his wish of getting benefits from the peace obtained by the Qing state in Kashgaria. Then, by pointing out a concrete problem in the agency trade in which his followers had been involved and cheated, Abulai explained his purpose of sending the envoy, and put forward his request explicitly to the Qing officials. Again, by asking the Qing officials to send the Kashgarian merchants to Kazakh land or to permit Kazakh trading caravans to go to Kashgaria, he hoped that the principal of the trade relationship between Kazakhs and Qing state in other places would also be apply to the market in Kashkaria⁴.

¹ We may notice the relevant discords and headaches of the Qing officials by comparing the contents of the following Manchu archival documents that are released in QXMDH: Vol. 82, pp. 303-304, the memorial of Agui the acting Ili jiangjun on Jan. 26, 1767 (QL31.12.29); Vol. 83, pp. 8-12, pp. 279-281, and pp. 425-428, the memorials by Yonggui the councilor in Ushi on Feb. 28, 1767 (QL32.02.01), on May 5, 1767 (QL 32.04.08), and on Jun. 10, 1767 (QL32.05.14); Vol. 83, pp. 12-17, pp. 86-90, pp. 149-153, and pp. 425-428, the memorials by Chokto the councilor in Kashgar on Feb. 28, 1767 (QL32.02.01), on Mar. 16, 1767 (QL32.02.17), and on Mar. 30, 1767 (QL32.03.01); Vol. 84, pp. 12-17, the memorial of Chokto on Jun. 18, 1767 (QL32.05.22); Vol. 85, pp. 274-276, the memorial of Chokto on Oct. 24, 1767 (QL32.09.02).

² The above mentioned Manchu archival documents, and also: DQLGCHS, 780:16-17, the imperial edict on Apr. 2, 1767 (QL32.03. *xuchen* day); 787:11-12, the memorial of Agui on July. 17, 1767 (QL32.06. *jiayin* day).

³ Despite the addressing words, the main body of the original text was not divided into paragraphs. The division is done by me.

⁴ In his memorial, Iletu the councilor who received the Kazakh envoy stressed that Abulai had such an intention. He wrote: "Now, Abulai sends his envoy, wishes us healthy, and submits the letter to us specially. Judging from these facts, we think that, although the matter of the animals of 7 Kazakhs is concerned here, yet what Abulai hopes actually is that the trading market in Kashgar will be opened by us" (*Abulai ... te cohome elcin be / takūrafi. ahasi de*

Apart from the letter being translated above, several more archival documents were left concerning this Kazakh mission¹.

3. Kazakhs' Economic Interests in Kashgaria and Qing's Relevant Response

So, why did the Kazakh rulers urge so hard to go to Kashgaria disregarding all the obstacles set by Qing state? The answer, first of all, lies in the huge commercial interests in the trades which were out of the economic complementary between the nomads and the settlers. Of course, the barter trades that had been holding with Qing side in Urumchi and Ili did meet in some degree the Kazakhs' craving for the goods from the sedentary world. Kazakhs were surely delighted by the possibility of obtaining the fresh goods such as the Chinese fabrics and porcelains, but for the reason that some of the Chinese goods, especially the Chinese silk fabrics, were not always suitable for their daily life², Kazakh nomads were willing to take more traditional goods from the various southern Muslim sedentary communities. From some newly released Manchu archival documents we know that Kazakhs were especially fond of the agricultural products and the cotton cloths from their southern neighbors.

The story in the letter being received by Iletu the councilor in Tarbagatay from Abulpeiz the Kazakh sultan on September 3, 1772 illustrates what the agricultural products from south meant in Kazakhs' lives in that time.

The Turki Letter by Abulpeiz Sultan to Ili Jiangjun in 1772

Transcription

→ Abu äl-f(ä)is waŋ-dīŋ Tarboŋ(a)tay yurtın / b(i)lip turyan janjuŋ ambunlarya s(a) lam. S(a)lamdın soŋ /söz bu kim. Burun Yilä-ni b(i)lip turyan janjuŋ kökä Čočikkä / k(ä)

elhe be fonjime bithe / alibuha be tuwaci. nadan hasak i ulha jalin / bicibe. hono cohome kashigar de huda hafumbuki / seme gūniha gese. (see: JMLZ, No. 2261-031 (microfilm No: 082-0715). Also: QXMDH, Vol. 87, pp. 158-168. My Kazakh translation of this document can be found in: Ezhenkhan-uli 2006, pp. 106-113).

¹ In addition to the memorial of Iletu the councilor in Kashgar on Mar. 30, 1768 (QL33.02.13), such three documents were preserved in the First Historical Archives of China: 1. A letter written in Turki by Abulai the Kazakh khan to the Qing officials in Kashgar; 2. A Manchu translation of Abulai khan's letter; 3. A reply of Iletu and Chihuang the Qing officials to Abulai (see: JMLZ, No. 2261-031 (microfilm No: 082-0715); these documents are released in: QXMDH, Vol. 87, pp. 158-168. My Kazakh translation of the last two documents can be found in: Ezhenkhan-uli 2006, pp. 106-113).

² The following description of Chunyuan Qishiyi, an 18th century Qing author, about the attitude of Kazakhs towards the Chinese goods in his *Xiyu Wenjian Lu* will serve to illustrate this point: "Although Kazakhs like Chinese porcelains, Chinese fabrics in various colors, as well as the satins with tiny golden ornaments, yet they don't cherish the silk fabrics too much" (Qishiyi (1977 reprinted), p. 212).

ldi dip yüst(i)(t)im Siz-niñ yisänliñ(i)z-ni surayalı Burut baturr-ni yiki at b(ö)lik bilan yibärdim. Abul äl-m(ä)hm(ä)d qan barında Taškend yaqdın bizlärgä niki / lazımdur kälgüçi yidi. yiki-üç yıl boldı qıryız yobuldı. näri- / berı yürg(ä)li bolmadı. šunki kürüç un kăräk yidi. / Bu hat s(u)nbilä ayi-niñ yigirmä künı b(i)t(i)ldi. Bu hat-ni Bay(i)r-din yib(ä)rdim. / (The text in the seal) Abu äl-f(ä)is b(a)hadur s(u)ltan ← (The text on the seal: Abu-al-F(ä)iz wañdin b(a)had(u)r s(u)ltan).

Translation

Greetings from Abulfeiz the *wang*¹ to *jiangjun-ambans*² who rule over the Tarbagatai region!

And what I want to tell you is this: I heard that you, my elder brother³ who previously ruled over Ili, comes to Čočik⁴. So, in the purpose of wishing you healthy, I am dispatching Burut *batur*⁵ with 2 horses as my gift to you.

When Abulmambet khan was alive, all the things we need can be obtained from the Tashkent side. But, for that the road has been blocked by the Kirgiz for 2-3 years, we can't pass back and forth [on the road to Tashkent]. In spite of this, we need [to get] the flour and rice.

This letter is written on 20th day of the Sunbilä⁶ month. I ask Bayar to deliver this letter⁷.

From the information given in the letter we see that, for the reason that Kazakhs depended on the southern breadbasket traditionally, a disruption in the commercial supply from south would bring difficult to their daily lives in certain degree. Actually, in many cases, Abulfeiz kept telling Qing officials about the obstacles set up by the

¹ A title (coming from Chin. 王, “duke”) bestowed by Qing court.

² It seems that Abulfeiz used the title *jiangjun* as honorable one. As a fixed Qing administrative title in the Western Region, *jiangjun* was granted only to the highest official in Ili.

³ It was written as *kökä* in the Turki text here. This is a Kazakh word with the meaning of “elder brother” and “younger uncle”. It is interesting that Abulfeiz the Kazakh sultan treated Iletu the Qing official as his “elder brother”.

⁴ A Turkisized form of the name Chäveshek, the Kazakh name for the town being called in Russian as Chuguchak and Tachen (塔城) in Chinese.

⁵ With the meaning of “hero”, this word was often used as a honorable title for the brave leaders or warriors in the traditional Kazakh society. We find that this word was often interchanged with the Manchu word *hiya* in the Manchu documents relevant to Kazakh history in 18th century.

⁶ A name for August month.

⁷ See: the appendix to the document: JMLZ, No. 2467-015. In one of my previous work in Kazakh, I failed to decipher the words *kökä*, *Čočikkä*, *kürüç*, and *un* in the Turki letter and translated them incorrectly. See: Ezhenkhan-uli 2006, pp. 116-117. My Kazakh translation of Iletu's memorial relevant to this Turki letter can be also found in: Ezhenkhan-uli 2006, pp. 113-116.

Kirgizes (Buruts) on the trading roads¹. As it is shown in this case, what Abulfeiz hoped was also to convince the Qing official to open the alternative market in Kashgaria for Kazakhs, just as Abulai did in the above-mention Turki letter².

Being in a symbiotic relationship with their southern neighbors, Kazakh nomads also got used to the fabrics from the traditional markets in the Central Asian sedentary regions. Such a phenomenon merits attention: Kazakhs who went to trade in Urumchi or Ili often complain about the prices, the colors, and sometimes the qualities of the Chinese fabrics they bartered from Qing side³. In his another Turki letter addressed to Ili *jiangjun* in 1773⁴, Abupeiz mentioned that the people who returned home from the trade in Ili complained that: “We endured a forcing deal. We were forced to sell the animals we didn’t want to sell and to accept the fabrics even needn’t by their own people⁵”. By reading the relevant memorial written by Shuhede the Ili *jiangjun* on Aug. 24, 1773 (QL38.07.07)⁶ we notice that what the most needed goods for the Kazakhs were the white and red colored cotton cloths from the Land of *Hūise*. Actually, these two kinds of fabrics were indispensable in the traditional lives of Kazakhs, because these fabrics closely related to two of the most important things, namely the death and the marriage.

Being Muslims, Kazakhs not only used white colored cotton cloths as *kebin*⁷, but also made of them some most common clothes such as *šilawiq-kimešek*⁸ and *zheyde-*

¹ Due to the space limitation, I am going to discuss the topic of Kazakh-Kirgiz struggles and their negative influences on the north-south trades in Central Asia in the second half of 18th century in another paper.

² Although Qing state had gained certain achievements in the agricultural production in Ili by employing the policy of opening up the wastelands and migrating people from various agricultural regions to Ili, yet there were no surplus agricultural products in Tarbagatay or Ili available for selling out to *wai fan* peoples like Kazakhs. So, the alternative market Abulfeiz yearned for here should be that in Kashgaria.

³ Complaints were said at the very beginning of the Qing-Kazakh trade when the first Kazakh caravan returned home from Urumchi (QZHGDH, Vol. 1, pp. 240-244, the memorial of Chebdenjab on Aug. 11, 1759 (QL 24.06.19). And through the whole trading relations between Kazakhs and Qing state, such complaint words were repeated from time to time.

⁴ See: The facsimile, transcription and my translation of this letter in the Appendix to this paper.

⁵ The words *özniñ kiši* (the correct form is *öz kišisi* or *özlärniñ kišisi*) *almaiduyan matasni* (“the fabrics even needn’t by their own people”) in the Turki text were translated improperly as “the goods our own people don’t want to take” (*meni niyalma beyei gairakū jaka*) in its Manchu translation version (see the relevant Manchu document below).

⁶ See: The facsimile, transcription and my translation of this document in the Appendix to this paper.

⁷ Shroud.

⁸ Woman’s big headdress and shawl.

*dambal*¹. While, these Kazakh proverbs tell us what the red colored fabrics meant to girls of marriageable age in the traditional Kazakh society:

– *Ananïñ közi qızında, qızdïñ közi qızilda* (“The beauty seen by a mother is always her daughter, while the daughter’s eyes are always on the red color”);

– *Oñ zhayïn qızartu* (“To make the right side red”)².

Obviously, not satisfied with the goods from China proper, Kazakhs yearned for the traditional markets in the southern regions, including those in Kashgaria. Such a deep yearning was surely not to be deterred easily³. So, in addition to the above mentioned restricting measure, Qing officials also adjusted their trading policy in Ili and Tarbagatay in the purpose of holding Kazakh caravans there as tight as possible. After 1773, two adjustments were made concerning the cotton cloths being put into the trades with Kazakhs in Ili and Tarbagatay.

The first adjustment involved the colors of the cotton cloths from the Land of *Hūise*. According to a Manchu memorial by Shuhede⁴, a considerable portion, namely 3 300 bolts, of the cotton cloths sent from the *Hūise* towns such as Yerkent, Khotan, and Kashgar to Ili annually had been in the colors of deep green and grey till 1773. As Kazakhs preferred red colored cloths, and as it was cheaper to dye the cloths into red, the Qing officials decided to replace all the deep green and grey colored cloths with red ones⁵.

The second adjustment involved the allocation of the cotton cloths from the Land of *Hūise*. Actually, the boom of the trades between Qing and Kazakhs in Ili and Tarbagatay was largely ascribed to the flaw of the fabrics, especially the cotton cloths from Kashgaria to those places. Having tasted the sweet of the huge benefits⁶, as well as in the purpose of controlling the supply of the fabrics from Kashgaria, the Qing officials kept stressing

¹ Man’s shirt and long underpants.

² According to the traditional nomadic custom of Kazakhs in the history, a young couples’ living space located on the right side of the yurt, and on the wall close to the bed of the young couple there must be a tapestry made of the red cloth.

³ In a Manchu archival document we notice that, despite of the vast sums of the animal being put into the Silk-Horse trade fairs in Ili and Tarbagatay in 1776 (concerning these sum, see: Ling and Wang 1991, pp. 338-351, and pp. 417-426), the *Hūise* merchants from various regions bartered and drove away from Kazakhs a good deal of the additional animals, especially sheep, to Kashgaria and its neighboring regions. The concrete numbers of the animals were given differently by the message providers. One of them mentioned that the *Hūise* merchants drove away 50 000 sheep in that year (see: QXMDH, Vol. 84, pp. 290-294, the supplementary note of the Grand Council written in the time period of June 26 – July 26, 1776 (QL32.06). My translation of this document can be found in: Appendix to this paper). This fact shows that Kazakhs’ demand for the goods from the southern sedentary regions was too huge to be satisfied by the Silk-Horse trades monopolized by Qing authority.

⁴ See: “Appendix 3” of this article.

⁵ See: My translation of Shuhede’s memorial in the Appendix to this paper.

⁶ Concerning how the Qing authority made profits from selling the *Hūise* fabrics to Kazakhs, see: Ling and Wang 1991, pp. 384-405, especially pp. 405-406.

the necessity of increasing the amounts of the cotton cloths officially allocated from the Land of *Hūise* to Ili and Tarbagatay during the years of 1773-1792 (QL38-QL57)¹.

The above mentioned various measures inevitably affected the Kazakhs' way and space of activities. Toru Saguchi the late professor even firmly believed that the trade between Qing and Kazakhs in Kashgaria was cut off completely after the Qing official turned down Abulai khan's request in 1768 (QL33)². Here it is needed to be pointed out that, professor Toru Saguchi's conclusion was strongly influenced by the Chinese translation of the memorial of Fan Jianfeng the councilor in Kashgar on Aug. 9, 1808 (JQ13.06.18), in which such words are left: "By bringing their horses and cows, Kazakhs came to trade in Kashgar only once. Since then, it has been 40 years"³. But, the newly released Manchu archival documents show that Fan Jianfeng's assert is not accurate.

What Fan Jianfeng failed to notice or purposely left out is that all the Qing official records about Kazakhs' activities in Kashgaria were actually related to the Kazakhs' attempts of establishing a formal and direct trading relationship with Qing state in Kashgaria, just as they did in Urumchi, Ili, and Tarbagatay. It is impossible that every private direct trade between Kazakhs and a Central Asian sedentary community or a Kazakhs-relevant agency trade would be noticed by the Qing authority in Kashgar. As seen from the Manchu documents, trade relations had already existed between Kazakhs and various peoples in the southern sedentary regions before the Kazakh-Qing encounter in Kashgaria happened. In the memorial of Yonggui who received the Kazakh mission to Kashgar on July 6, 1763 (QL 28.5.26) we read such words:

"Previously, because you had no possibility to pass through the Burut (Kirgiz) road, you always needed to make a long turn to bypass the places such as Kokand and

¹ See these relevant Manchu memorials being released in QXMDH: Vol. 116, pp. 84-86, and pp. 336-331, the two memorials of Kichingge the minister of handling affairs in Yerkent on Nov. 12, 1773 (QL38.09.28); Vol. 153, pp. 120-124, the memorial of Iletu the Ili jiangjun on Nov. 11, 1782 (QL47.10.07); Vol. 155, pp. 81-83, the memorial of Ayangga the councilor in Kashgar on Apr. 12, 1783 (QL48.03.11); Vol. 165, pp. 36-38, Vol. 172, pp. 409-411, and Vol. 187, pp. 435-439, the memorials of Baocheng the councilor in Kashgar on Oct. 9, 1784 (QL49.08.25), Apr. 23, 1786 (QL51.03.25), and Feb. 19, 1789 (QL54.01.25); Vol. 188, pp. 252-253, the memorial of Minglang the councilor in Kashgar on May 9, 1789 (QL54.04.15); Vol. 195, pp.157-163, the 3 supplementary lists written in the 3rd month of the 57th year of Qinlong reign (Mar.23, 1792 – Apr. 20, 1792).

² Saguchi 1963, pp. 368-369.

³ DQLRZSL: 199:11-12, Sep. 10, 1808 (JQ13.07. "Jiashen" day). The date in DQLRZSL is a *zhupi shijiang* (time of Vermillion Endorsement). The memorial itself was written on Aug. 9, 1808 (JQ13.06.18). The relevant 3 Manchu archival documents (one of them is the Manchu translation of the Turki letter) are released in: QXMDH, Vol. 223, pp. 11-14; A transcription and a Kazakh translation of the Turki letter received by Fan Jianfeng from Adil the Kazakh sultan are given in: Abdylashimuli 2016, pp.102-104. D. Abdylashimuli doesn't give us the facsimile of this document in his book. My transcription and translation of the Manchu translation version of Adil sultan's letter can be found in: Appendix-4 to this paper.

Andijan, and only then you could get to the place of *Hūises*. So you didn't come here often"¹.

This account shows that, although not always the case, Kazakhs did go to trade with various *Hūises* in the south before 1763 whenever the road was not blocked. And we notice that, in his memorial on June 14, 1800 (JQ05.leap04.22), Fukiyung the councilor in Kashgar still mentioned a case about a Kazakh's passing to Kashgar secretly together with a *Hūise* merchant².

Of course, under the condition of being officially prohibited to go to Kashgaria, Kazakhs had to handle their business with the people over there mainly through the trading agents. Still, being the patrons of the caravans, the Kazakh Chinggizids had to make contact with the Qing authority during the process of such agency trades time and again³.

The stories kept in the Fukingga's memorial above and the confessions of the Huise merchants, who were captured smuggling the Russian goods such as furs and weapons into Land of *Hūise* in November 1788, offer us a general picture about some perspectives of the agency trading relations between Kazakhs and the Andijan *Hūises*. The general process of the business went as following: First, after purchasing the goods (mainly the cotton cloths) in various towns of Kashgaria, the *Hūise* merchants, especially the Adijan *Hūises* who resided in Kashgaria went out the outpost sentries of Qing authority by handing in the travelling licenses they had obtained from the local *hakimbeks* of different towns, and went further to trade in the land of Kazakhs by passing through the Burut tribes⁴. After they bartered animals from Kazakhs with the goods they brought from Kashgaria, they were generally supposed to bring back and sell the animals in Kashgaria. But, driving by the intention of seeking more profits, the Andijan merchants put their toes out of the line sometimes. Those who were captured smuggling the Russian goods into Qing territory in 1788 were among such adventurers. The role of Adil the Kazakh sultan in the trading process is worth to be stressed here again. Almost all the Adijan *Hūises* choose to stay at where Adil sultan lived⁵ and turned that place as their

¹ The Manchu text goes as: *nenehe aniya suweni / hasak se. hūise i baru hūdašara de. burut / jugūn deri yabume muterakū. gemu kejine babe / mudalime hooan. anjiyan de isinafi. teni / hafunjime ofi. bahafi ta seme yabuhakū bihe*. See: QZHGDDH, Vol. 2, pp. 248-254. My Kazakh translation of the document can be found in: Ezhenkhan-uli 2012, pp. 157-161.

² QXMDH, Vol. 210, pp. 246-251.

³ We find that, being involved in the matters of *Hūise* merchants, at least two of the Kazakh Chinggizids, namely Sök sultan and Dosālī sultan contacted with Qing authority in November 1784 and September 1790 respectively under such circumstances (see: QXMDH, Vol. 165, pp. 226-230, the memorial of Iletu the Ili jiangjun on Nov. 2, 1784 (QL49.09.20); and Vol. 189, pp. 180-184, the memorial of Yongbao the acting Ili jiangjun on Sep. 12, 1790 (QL55.08.04)).

⁴ The itineraries of the Adijan *Hūises* may be different sometimes. For example, we find that one of the Adijan *Hūises*, who were captured smuggling Russian goods to Kashgaria, actually had gone firstly to Andijan by handing in his travelling license to the outpost sentry, and went further to the lands of Buruts and Kazakhs directly bringing his goods purchased in Andijan.

⁵ According to the relevant Manchu document, Adil sultan's settlement then was at Chingiz-tau mountains area.

business base in Kazakh land; While, in order to solicit the business, Adil sultan even sent his people to go to the land of Burut to greet the caravans from Kashgaria¹.

All these show that the Kazakh Chinggizids had often acted both as patrons and the organizers of the agency trades which linked Kazakh steppes with Kashgaria at least till the beginning of 19th century. Soon after that, Kazakhs would greet a new era in their history. The establishment of the Russian colonization system after 1820s would change not only the inner state of Kazakh society, but also the political, cultural, and trade-economic relations between Kazakhs and others, including the various Central Asian peoples. And the topic of the north-south relations in Central Asia, including the Russian dominated trade relations there, is another topic which deserves further discussion based on the newly released Manchu, Russian, and Central Asian archival documents and other writing sources.

Bibliography

1. Abdylashimuli 2016: Abdylashimuli D., *Zhongguo Birinshi Tarihi Murayatiinda Saqtalyan Qazaqsa Quzhattar* (Research on Kazakh Documents in the First Historical Archives of China). Beijing: "Ulttar" (Minzu) publishing house, 2016.

2. Awgali 2006: Alikeng Awuhali 阿力肯 . 阿乌哈力 (Erkin Awgali), *Yijian qingdai hasake zu mudi wenshu de yanjiu* 一件清代哈萨克租牧地文书的研究 [The Studies on a Document about the Pasture Leasing of Kazakhs] // *Minzu yanjiu* 民族研究, 2006, No5, pp. 70-73.

3. Awgali 2009: Alikeng Awuhali 阿力肯 . 阿乌哈力 (Erkin Awgali), *Abulai han hou de Qing Ha guanxi -yi jian Qingdai Hasake wenshu de shi du* 阿布赉汗后的清哈关系 - 一件清代哈萨克文书的释读 [Qing-Kazakh Relations after Abulai Khan - Notes on A Qing Period Kazakh Document] / Zhang Dingjing 张定京 (ed.), *Tujue yuwen yanjiu - Geng Shiming jiaoshou 80 huadan jinian wenji* 突厥语文学研究 - 耿世民教授八十华诞 纪念文集 [Studies in Turkic Philology - Festschrift in Honor of the 80th Birthday of Professor Geng Shiming. Pp. 21-26. Beijing: Zhongyang minzu daxue chubanshe, 2009.

4. Bostrov and Mukhanov 1968: Востров, В.В., Муханов, М. С., *Родоплеменной состав и расселение казахов*. Алма-ата: Наука. 1968.

5. DQLGCHS: *Da Qing Lichao Gaozu Chun* (Qianlong) *Huangdi Shilu* 大清历朝高祖纯(乾隆)皇帝实录 [The Veritable Records of the Gaozong Chun (Qianlong) Emperor of the Great Qing Dynasty]. 1500 juan, Qinggui 庆桂 et al. comp. 1807 (Rep., 30 vols. Taipei: Huawen shuju, 1964).

6. DQLRZSL: *Dai Qing Lichao Shengzu Renzong Rui* (Jiaqing) *Huangdi Shilu* 大清历朝仁宗睿(嘉庆)皇帝实录 [The Veritable Records of the Renzong Rui (Qianlong) Emperor of the Great Qing Dynasty]. 356 juan, Cao Zhengyong 曹振鏞 et al. comp. 1824 (Rep., 8 vols. Taipei: Huawen shuju, 1964).

7. Ezhenkhan-uli 2006: *Ezhenkhan-uly B.* [Ezhenkhan-uly B.] (ed.), *Қазақ тарихы туралы қытай деректемелері. III том. Цин патшалық дәуірінің мұрағат құжаттары* [The Chinese Historical Sources concerning the History of Kazakhstan. Vol. 3. Archival Documents of Qing dynasty]. Almaty: "Daik-Press" publishing house, 2006.

¹ QXMDH, Vol. 182, pp. 409-419, the memorial of Baoning the Ili jiangjun on Nov. 17, 1788 (QL53.10.20); Vol. 210, Vol. 116, pp. 246-251, June 14, 1800 (JQ05.leap04.22).

8. Ezhenkhan-uli 2009: Еженханұлы Б. [Ezhenkhan-uli B.] (ed.), Қазақ хандығы мен Цин патшалығының саяси-дипломатиялық байланыстары туралы қытай мұрағат құжаттары [Chinese Archival Documents on the Political-diplomatic Relationship between Kazakh Khanate and Qing Court]. Vol. I. Almaty: Daik-Press publishing house, 2009.

9. Ezhenkhan-uli 2017 (1): Ezhenkhan-uli B. The Recent Situation of the Utilizations and Studies of Qing Dynasty Historical Writings in Kazakhstani History Field / Compiled by the Institute of Ethnography and Anthropology of the Chinese Academy of Social Sciences and other two organizations (Wang Yanzhong as editor-in chief): “Forum on the Ethnical Development”, 2017, No. 2, Beijing, 2017 (巴哈提·依加汉: «哈萨克斯坦史学界对清朝历史文献的研究利用», 载中国社会科学院民族学与人类学研究所, 中国社会科学院国家治理研究智库民族发展研究部, 中国民族研究团体联合会合编 (主编王延中) «民族发展论坛» 第二辑, 北京, 2017年).

10. Ezhenkhan-uli 2017 (2). Ezhenkhan-uli B., The Lure of Kashgar to Kazakhs in the Second Half of 18th Century // MANCHU IN GLOBAL HISTORY: A RESEARCH LANGUAGE FOR QING HISTORIANS International Symposium, University of Göttingen, September 19–22, 2017.

11. Fan 2005: Fan Jinming 范金明, Qingdai Jiangnan Yu Xinjiang Diqu De Sichou Maoyi 清代江南与新疆地区的丝绸贸易 [The Silk Trade between Jiangnan and Xinjiang Region in Qing Dynasty]. In: Tian Shu 田澍, Li Qingling 李清凌 (ed.), Xibei Shi Yanjiu 西北史研究 [Studies on the History of North-western Region], Vol. 3, pp. 155-178. Tianjing Guji chubanshe, 2005.

12. Frank 2009: Frank, A. J., The Qazaqs and Russia / in: Nicola Di Cosmo, Allen J. Frank and Peter B. Golden (Ed.), The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age. Cambridge University Press, 2009.

13. Gurevich 1979: Gurevich B.P., Mezhdunarodnye otnosheniia v Tsentral’noi Azii v XVIII – pervoi polovine XIX v. Moscow: Nauka 1979.

14. JMLZ: Junjichu manwen lufu zouzhe 军机处满文录副奏折 [Reference copies of Palace Memorials, in Manchu in the Grand Council]. Document Category (microfilms), The First Historical Archives of China, Beijing.

15. Levshin 1832 (reprinted in 1996): Levshin A. I., Opisanie Kirgiz-kazach’ikh ili Kirgiz-kaisatskhikh ord i stepei. First published in St. Petersburg: Tipografii Karla Krayya, 1832. Re-printed in Almany: Sanat publishing house, 1996.

16. Ling and Wang 1991: Ling Yongkuang 林永匡, Wang Xi 王熹, Qing Dai Xibei Minzu Maoyi Shi 清代西北民族贸易史 [A History of Trade among the Peoples of the North-western Region in Qing Dynasty], Beijing: Zhongyang Minzu daxue chubanshe, 1991.

17. Millward 1992: Millward, James A. Qing Silk-Horse Trade with the Qazaqs in Yili and Tarbagatai, 1758-1853 // Central and Inner Asian Studies 7 (1992), pp. 1-42.

18. Millward 1998: Millward, J. A., Beyond the Pass. Economy, Ethnicity, and Empire in Qing Central Asia, 1759 – 1864. Ctanford, California, 1998.

19. 小昭 2010: Onuma T., The Relation between Qing Dynasty and Kazakhs in 1770’s: The Closing of the North-Western Border of Qing dynasty // «The Tōyōshikenkyū», vol. LXIX, 2010, № 2, pp. 315–348.

20. 野田及小昭 2010: Noda J., Onuma T., A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty (Joint Usage / Research Center for Islamic Area

Studies TIAS Central Eurasian Research Series Special Issue 1), Department of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities, The University of Tokyo, 2010.

21. Perdue 2005: Perdue, P. C., *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. – Comridge: Haward Univ. Press, 2005.

22. Pishulina 1977: Пищулина, К. А., *Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV–XVIII веках*. Алма-ата: Наука. 1969.

23. Qazaqstan tarihi: Qozybaev M. (ed.), *Qazaqstan Tarikhy: Kone Zamannan Buginge Deyin Bec Tomdyq (A History of Kazakhstan: from the Ancient Time to Present. In Five Volumes)*. Almaty: “Atamura” Publishing House, 2002.

24. Qishiyi (1977 reprinted): Chunyuan Qishiyi 椿园七十一 (18th century author), *Xiyun Zongzhi 西域总志 (A General Local Chorography of Xiyu)*. Reprinted by Wenhai publishing house (Taipei), 1977.

25. QXMDH: *The First Historical Archives of China and The Centre of the Geographic-Historical Studies of the Borderlands of China 中国第一历史档案馆与中国边疆 史地研究中心 (ed.)*. Qingdai Xinjiang manwen dang'an huibian 清代新疆满文档案汇编 [The Collection of the Manchu Archival Documents about Xinjiang at the Time of the Qing Dynasty]. Vol. 1-283. Guilin: Guangxi shifan daxue chubanshe, 2012.

26. QZHGDH: *The First Historical Archives of China and The Institute of Oriental Studies of Kazakhstan 中国第一历史档案馆. 哈萨克斯坦东方学研究所 (eds.)*. Qidai Zhong Ha guanxi dangan huibian 清代中哈关系档案汇编 [The Collection of the Archival Documents concerning Sino-Kazakh Relationships at the Time of Qing Dynasty]. Vol. 1-2. Beijing: Zhongguo dangan chubanshe, 2006-2007.

27. Ruan Daoming 1992: Ruan Mingdao (red.) 阮明道校注, Liu Jingxian (Manchu text trans.) 刘景宪满文译文, *Xiyu Tili Tushuo 西域地理图说 [A Description with Illustrations of the Geography of Western Region]*. The Publishing House of Yanbian University, 1992.

28. Saguchi 1963: Saguchi Tōru, *18-19 seiki higashi torukisutan syakai shi kenkyū (Researches on the Social History of Eastern Turkistan in the 18th-19th Centuries)*. Tokyo, 1963. I am based on the Chinese translation version of this book (See: [日]佐口透著, 凌 颂纯译: «十八至十九世纪新疆社会史研究» (上下), 新疆人民出版社, 1983年).

29. Shāh Māhmūd Choras: Шах Махмуд Чорас, *Хроника. Критический текст, перевод, комментарии и указатели* О. Ф. Акимушкина. М., 1976.

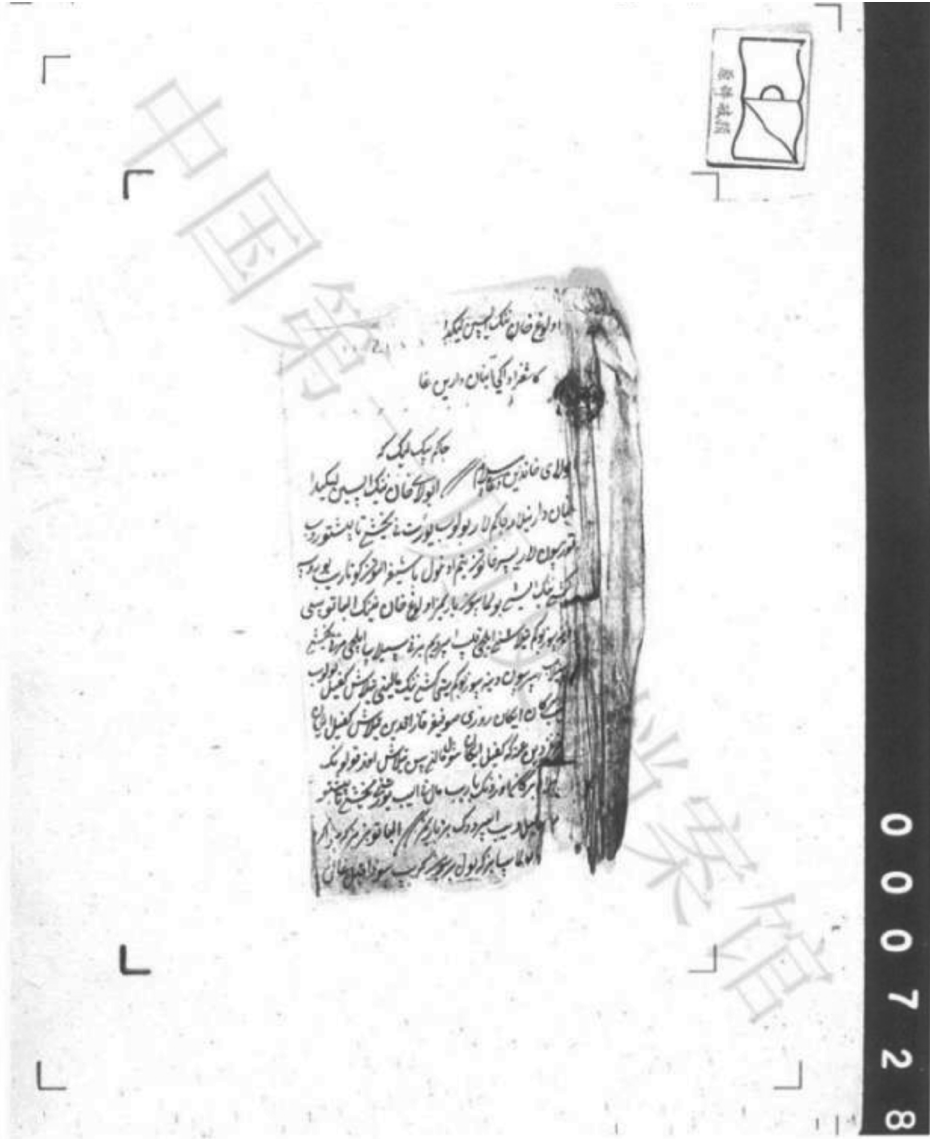
30. Valikhanov-sochinenie: Valikhanov, Ch. Ch. *Sbornie sochinenii v piati tomakh*. Alma-Ata: Glav. Red. Kazakhskoi sob. Entsiklopedii, 1984.

31. Wen 1993: Wen, Ching Mei 翁静梅, *Qing Ting Yu Hasake Zai Xinjiang Maoyi Zhi Yanjiu 清廷与哈萨克在新疆贸易之研究清廷与哈萨克在新疆贸易之研究 [The Research of Trade between the Ching and Kazak in Xinjiang]*. MA dissertation, National Chengchi University (Taiwan), Dep. of Ethnology, 1993.

32. XTZ (Zhong Xingqi 2002): Fuheng and other, (Qingding Huangyu) *Xiyu tu zhi 钦定皇域西域图志 [Imperially commissioned gazetteer of the Western Regions of the imperial domain. 1782. Repr., in Zhong Xingqi 钟兴麒 and others, Xiyu tu zhi jiaozhu 西域图志校注 [Xiyu tu zhi with notes]*. Urumqi: Xinjiang renming chubanshe, 2002.

33. Yudin 1965: Юдин, В. П. *О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнографических связях с казахскими и другими соседними народами // Известия Академии Наук Казахской ССР, серия общественных наук. 1965, № 3.*

APPENDIX-1
The Facsimile of the Letter by Abulai khan in 1768

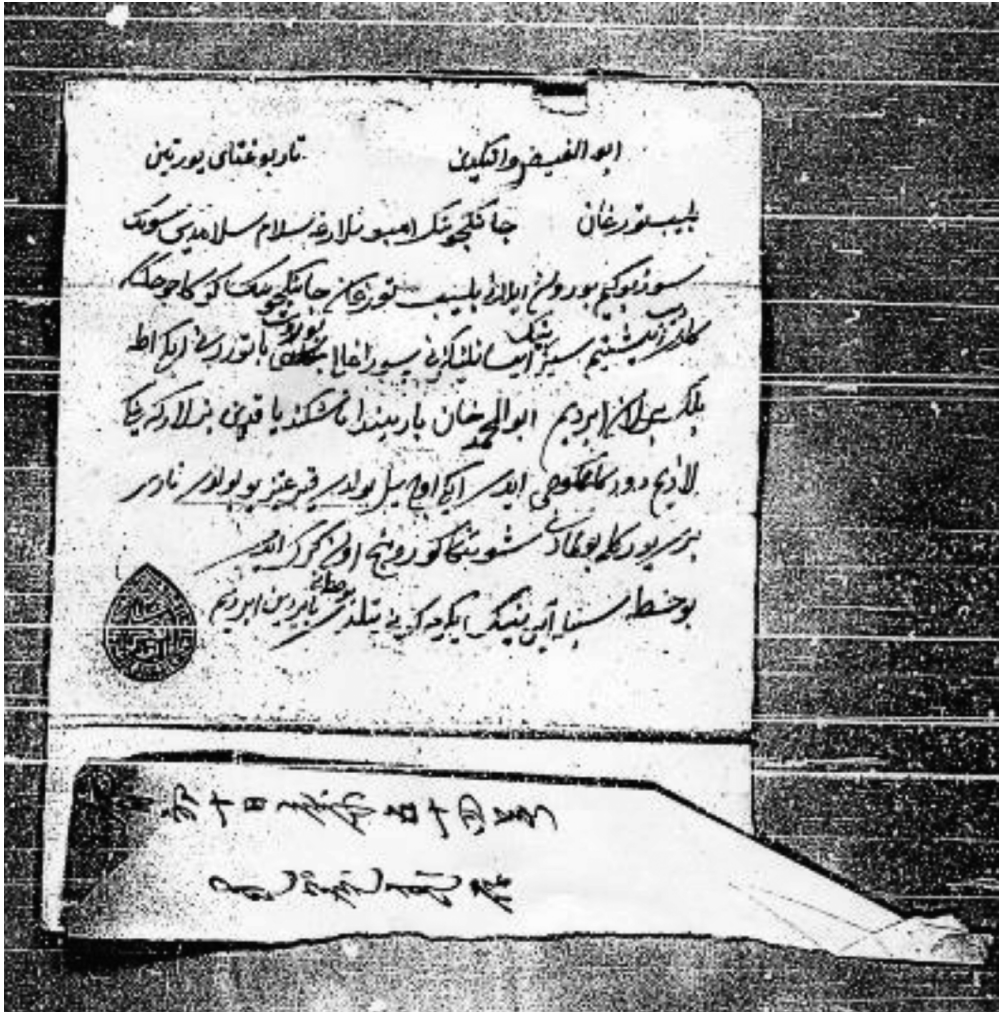

Sources: JMLZ, No. 2261-031 (microfilm No: 082-0715)¹.

¹ My thanks to the First Historical Archives of China for giving me the permission to copy this letter.

APPENDIX-2

The Facsimile of the Letter by Abulpeiz Sultan to Ili Jiangjun in 1772

Sources: An appendix to the document: JMLZ, No. 2467-015. By the permission of the First Historical Archives of China in Beijing.

APPENDIX-3

A transcription and my translation of the Manchu archival document

By re-submitting his memorial, Iletu the Ili Jiangjun reports that the trade with Kazakhs has been carried out fairly according to what the Kazakhs wished¹ written on October 10th 1773 (QL38.08.25)

Transcription

aha iletu gingguleme / wesimburengge. / dergi hese be gingguleme dahame jalin. ere / aniya jakūn biyai orin juwe de alime / gaiha. hiya kadalara dorgi amban. aliha / amban. tondu baturu gung fulungga i jasiha // abkai wehiyehe i gūsin jakūci aniya nadan / biyai orin jakūn de / hese wasimbuhangge. šuhede i baci. hasak abulbis i alibuha bithe be alime gaifi. ceni baru / hūdašara de. gemu hasak i cihangga be / tuwame icihiyaha. uncarakū ulha be // etenggileme uncabuha. hasak i gairakū jaka be / ergeleme buhe babe hacin akū seme karu ulhibume / bithe afabuha jergi babe wesimbuhebi. hasak / urse banitai buya. jabšan baharakū de. / balai gisun banjibuhangge hono bisire baita. / šuhede i baci. emgeri ciralame baicaha. umai // ere gese hacin akū sehebe dahame. umai / sain. tuttu seme. hasak urse hūdašame / jihe aniya goidaha bime. ceni niyalma banin buya. ede jabšan be baime fulu aisi / bahara be kiceme baibume gisurere. embici / musei hūdašara baita be kadalara hafasa dababume // icihiyara be gemu akū obume muterakū. te / bici. hasak urse. morin ulha hūdašara de. / urui fulgiyan bocoi boso be gairengge labdu / bime. muse ere hacin i boso komso oho / seme. uthai gūwa bocoi boso be suwaliyame / buhe mudan bisire be tuwaci. ere uthai // hasak i cihanggai gaire waka be umai burakū. / ini gairakū jaka be ergeleme buhe adali kai. / damu ere fulgiyan bocoi boso. geli ai / wesihun jaka ni. hasak urse ere hacin i / boso be gairengge labdu oci. ereci Julesi. / fulgiyan bocoi boso be harangga bade yabubufi. // fulugan i icihiyafi benebuci. umai ojarahū sere / ba akū. erebe iletu de jasifi. ereci Julesi / hasak i baru hūdašara de. fulgiyan bocoi / boso be inemene harangga bade yabubufi. fulu / icihiyafi benebuki. hūdašara de belhebureci tulgiyen. / kemuni hūdašara hafasa de afabufi. urunakū // hasak sai cihanggai gaira jaka be bahabume. / ishunde ergelere etenggileme jergi hacin be / akū obume dondoi icihiyakini. sehebe gingguleme / dahafi isijihabi. baicaci. ili. dubei jecen i / ba. dorgi baci sadalabuhangge goro. ili i / jergi bade aniyadari baitalara ulha. uthai // komso akū bime. hūise geren hoton. bar / kul. urumci i jergi bade baitalara ulha / inu gemu ili. tarbahatai ci icihiyafi bumbi. / ede hūdašara hasak sabe hoššome bilume. / labdu ulha be gajifi oyombume hūlašame gaiha manggi. geren bade baitalara de. // teni tusa. ubabe / ejen hono bulekūšefi / dacibume hese wasimbuhangge. umesi akūnahabi. baicaci / hasak i maiman be yabubuha ci. gemu ceni / banin de acabume icihiyahai jihe. damu / hasak sa hūdašame yabuha aniya goidaha. // ereci dorgi. koimali jalingga urse silkabumfi. / jabšan i dorgici. geli jabšan be baime / yaburengge bi. uthai hūdašara boso garengge. / inu toktohon akū. ememu ucuri. damu / šayan boso gaimbi. ememu ucuri. gli fulgiyan / boso gairengge labdu. muru be tuwaci. ese // hūdašame jihe manggi. neneme hūdašara niyalma / ya hacin i boso be buyeme labdu gaici. / geren hasak sa. gemu tere be sain / ningge seme dahacime gaimbi. ememu fonde. / tere hacin aika komso oci. ce ele / buyeme temšentume gaimbi. te bici. ememu // alban i boso isirakū de. hasak sa. damu / boso gaime ofi. hono alban pūseli i udaha / hacingga

¹ The facsimile copy of this document can be found in: QXMDH, Vol. 115, pp. 209–212.

bocoi boso be jafafi sirabume baitalaha / babi. ere aniya siran siran i jihe hasak / sa. eici ceni bade fulgiyan boso baibure ba / labdu turgunde. tuttu urui gemu fulgiyan // ningg be gaimbi. alban i boso fulgiyan / ning komso ofi. jaka kicengge sei baci. / yarkiyang i. aniyadari ili de benjibure boso / dorgi. nioburu boco icere de. fayara basa / labdu. fulgiyan ningge icere de. majige / malahūnšambi. nioburu boco e fulgiyan boco // halaci ogoro. ogorakū babe fonjime jasinjiha / manggi. aha i baci. fulgiyan bocoi boso. / hasak sa. beleni gaire de cihangge bime. / icere de gli nioburu boco ci malahūšara be / dahame. yarkiyang ci icihiyafi benjibure nioburu bocoi / boso be. yooni fulgiyan boco ningg forgošeme // icihiyafi benjibure babe. kicengge sede jasiha / bihe. geli kimcime baicaci. yerkiyang. hotiyan ci / aniyadari ili de benjibure boso dorgi. fulenggi / bocoi boso. kemuni juwe minggan duin tanggū / funceme bi. kasigar ci aniyadari benjibure / bosoi dorgi. nioburu boco. fulgiyan boco juwe // hacin. inu uyun tanggū bi. hasak sa yooni / asuru gairakū de. giyan i forgošome icihiyaci / acame ofi. aha i baci. yerkiyang kasigar. hotiyan / ilan baci. aniyadari ili de benjibure nioburu / boco. fulenggi bocoi boso be. yooni fulgiyan / boco forgošeme icihiyafi benjibukini seme kicengge. // fusembu sede geli yabubuhabi. ereci julesi. hasak / sa. ya hacin i bocoi boso gaici. damu ceni / cihangga be tuwame forgošeme icihiyafi hūdašara ci / tulgiyen. aha kemuni hasak i hūdašara baita be / icihiyara hafan de ereci julesi. hasak i emgi / hūdašara de. urunakū tondoī hūlašakini. aika hasak // sai gairakū jaka be ergeleme bure. uncarakū / ulha be etenggileme gaire oci. nambuha manggi. / urunakū weile arambi seme ciralame afabuhabi. / uttu ofi. aha / hese be alime gaiha. forgošome icihiyaha babe gingguleme / wesimbuhe. // ejen ginggiyen i bulekušereo. / abkai wehiyehe i gūsin jakūci aniya uyun / biyai juwan jakūn de / fulgiyan fi i pilehe / hese. saha sehe. / jakūn biyai orin sunja.

Translation

I, Iletu the servant of Your Majesty, respectfully submit this memorial to Your Majesty.

On the 22nd day of the 8th month of this year, I received respectfully a letter from Fulungga, the Chamberlain of the Imperial Bodyguard, the President of Board, and the "loyal and brave duke", who wrote this letter by following the imperial edict. In the letter it is said:

"On the 28th day of the 7th month of the 38th year of Qianlong reign, an imperial edict was issued by saying that: "By submitting a memorial, Shuhede reported that he had received a letter from Kazakh Abulfeiz. And in his letter Abulfeiz mentioned, out of thin air, that our people didn't carried out the trade according to the wishes of Kazakhs, that Kazakhs were forced to sell the animals they didn't want to sell, to buy the goods they didn't want to buy, etc. And Shuhede brought Abulfeiz to his sense by writing a response letter to the later. Kazakhs are people inborn inferior. When they don't get the benefits, they do make irresponsible remarks. If Shuhede checked this event strictly, and those accusations are really out of thin air, then what Shehede did is perfect. However, it has been a long time for Kazakhs to come to trade. Maybe, for their people are inborn inferior, they cooked up a story to seek for more profits. But, it is also possible that our officials who were in charge of the trade just went too far when they carried out the business. Nowadays, as Kazakhs constantly take a lot of red cloths when they come to trade with their animals, we lack this kind of cloths. For that reason, there have been the cases that the cloths in other colors, being mixed with the red one, were given to Kazakhs. It means our people didn't offer what Kazakhs wanted. Instead, our people gave them by force what they didn't want! Actually,

the red colored cotton cloth is not something valuable. If Kazakhs take many of the red colored cotton cloths, then let the place under our governing to get more of the red cloths and sent them to Ili from now on. It is not an irresolvable matter at all! So, I order you to write these words of mine to Iletu. From now on, whenever Kazakhs he carry out the trade with Kazakhs, he needs to write willingly to the place under his governing to send him more red colored cotton cloths in order to be ready for the trade. Besides, he needs to tell the officials who are in charge of the trade affairs that they must let the Kazakhs get what they want to; he needs to ask these officials to carry out the trade between the parties fairly instead of doing it by forcing the Kazakhs".

Following the edict of Your Majesty the emperor respectfully, Fulungga sent me the letter.

Ili - it's a place on our westernmost border, and it is far away from our inner land. In addition to that the animals being employed in Ili itself are not small in number, all the animals being employed in the various Huise towns, in Barkol, and in Urumchi are offered by Ili and Tarbagatai. So, we need to entice and placate Kazakhs, and urge them to drive lots of animals to Ili for barter trade. And the mentioned places will just benefit from the animal we obtained. Your Majesty the emperor noticed this and issued his relevant edict in order to instruct us. What a profound insight Your Majesty the emperor has!

As I know, all the Kazakhs who have come to Ili since they were involved in the trade have carried out their business according to their wishes. But, after all, it has been many years for them to come to the trade. In these years, there have been the tricky and wicked people of them who tried to earn extra profits by employing opportunistic methods. And then, there was also no fixed rule concerning the kinds of the cloths they took during the trade. Sometimes they only took white-colored cloths, sometimes they took a lot of red-colored ones. There was such a general phenomenon: when the Kazakhs came to the trade and learned about what kind of the cloth had been preferred by their people who had come to the trade previously, they thought that that kind of cloth was good, and then, all of the Kazakhs began to take that kind of cloth. In some occasions, after learning that a certain kind of the cloth was small in number, all the Kazakhs turned their attention to it, and began to struggle for getting it. There also had such situations: also the officially purchased cloths didn't arrived, Kazakhs still needed to get the cloths. And in such occasions, we employed the various kinds of cloths bought by the public stores here to supplement our business.

Maybe it is because that the red-colored cloths are in great demand at their place, all the Kazakhs who came here one after the other have taken the red-colored cloth this year. Recently, for that there are just a few of the red-colored cloths in the official storage, Kichengge and others sent me a letter by saying: "Of the cloths annually sent from Yerkend to Ili, the deep green colored ones need to be dyed, and it costs quite a lot of money. It costs less money for dyeing a cloth into red than than dyeing it into deep green. Could we replace the deep green colored cloths with red colored ones?" And then, I replied Kichengge and others by writing: "Red-colored cotton cloths are what Kazakhs prefer to take now. Besides, dyeing a cloth into red is cheaper than dyeing it into deep green. Then, let's replace all the deep green colored cloths that are going to be sent to here from Yerkend with red-colored ones".

There are also 2 400 more bolts of grey-colored ones in the cotton cloths being sent to Ili from Yerkend and Khotan annually; Of those being sent annually from Kashgar to Ili, there are 900 bolts of cloths in deep green and grey. For both of these kinds of cloths are not

so liked by Kazakhs, I think we should replace them. So, I also wrote a letter to Kichengge and Fusembu by saying: "Let's replace all the green colored and grey-colored cotton cloths, which being sent annually to Ili from the three places such as Yerkend, Kashgar, and Khotan, with red-colored cotton cloths".

From now on, we are going to carry out the business by replacing the cloths according to what Kazakhs want to take.

Besides, I also gave such a strict order to the officials who are in charge of the trade with Kazakhs: "From now on, when you carry out the trade with Kazakhs, you must do it fairly. If you are captured after forcing Kazakhs to take the goods they don't want to buy, and getting the animals they don't want to sell, you will surely be punished".

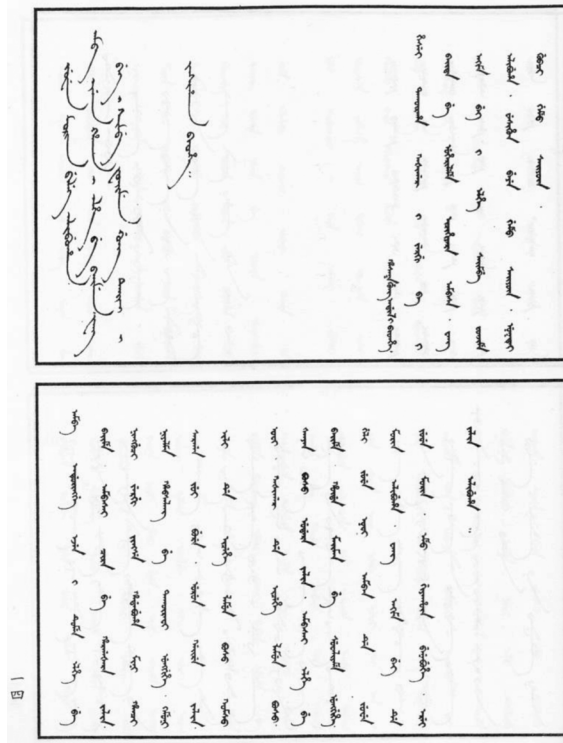
By submitting this memorial, I am reporting how I carried out the business by replacing the goods after I received the imperial edict. I hope that Your Majesty the emperor will issue his wise judgment on this matter.

On the 18th day of the 7th month of the 38th year of Qianlong reign, the emperor wrote in red ink: "I have learnt about it."

The 25th day of the 8th month.

APPENDIX-4

Manchu translation version of Adil sultan's letter to Qing Officials in Kashgar in 1808

Transcription

hasak gung adil i bithe. / hesei takūraha kaškar i jergi ba i / baita be uherileme icihiyara amban. wang / akim bek i elhe saimbe fonjime / alibuha. wesihun beye gemu saiūn. nuktei / gubci gemu saiūn. // amba enduringge ejen i tumen elhe be / baime ambasai cira be hargašara jalin. / ningguci jergi jingse hadabuha mini hanci / niyalma habsalang be takūrafi unggihe. kemuni / sargan jui bure. urun gaire jalin. / ili de icehe lamun boso komso // ofi. kašgar de icehe lamun boso. / šayan boso udara jalin. ambasai elhe be / baime. hūda maiman be suwaliyame unggihe. / geli juwe nofi amban de juwe / morin alibuha. wang akim de / juwe morin. emu giyahūn benebuhe. erei // jalin alibuha.

My translation

The letter by Adil the Kazakh gong. By submitting this letter, I wish the amban, who is in charge of the matters generally concerning Kashgar and other places according to the order of His Majesty, and wang-akim bek good healths.

Are you safe and sound? Are your places at peace?

By wishing His Majesty 10 000 years of health and hoping that [my people] can meet with you, I am dispatching one of my near man Habsarang, who keeps a sixth-degree *dingse* on his garb to you. For the sake that I am going to marry off my daughter and get wives [for my sons], [I dispatched my people to Ili to buy cotton cloths,] but there is few dyed blue cloth, so I am dispatching my trading people together with Habsarang in order to buy the dyed blue cloth, white cloth and to pass my greetings to ambans. I also send 2 horses to the two ambans, and 2 horses and an eagle to the wang-akim bek [as my gifts to them].

For the reason mentioned above this letter is submitted.

Мақала қазақ хан-сұлтандары тарабынан Қашқар мен Құлжадағы Цин патшалық ұлықтарына жолдаған бірнеше дана хаттарға, сондай-ай осы хаттармен қатысы бар XVIII ғасырдың екінші жартысында қалыптасқан бір топ Манжу тілді Цин патшалық мұрағат құжаттарына ғылыми талдаулар жасау арқылы аталмыш дәуірдегі қазақтардың Қашқарияға қызыққандарының себебі мен мәні, сол қызығушылыққа байланысты Цин патшалығының реакциялары туралы сөз қозғайды.

Основываясь на исследованиях нескольких писем казахских ханов и султанов, адресованных цинским чиновникам в Кашгаре и Или, а также на множестве соответствующих архивных документов династии Цин, накопленных во второй половине XVIII века, автор пытается выявить причины и значение интересов казахов в Кашгарии, и реакция цинских властей на деятельность казахов в указанный период времени.

БҰЛАНТЫ-БІЛЕУТІ ШАЙҚАСЫ – ҚАЗАҚТЫҢ РУХЫН ОЯТҚАН КҮРЕС

«Осы керемет жеңіс жөніндегі жаңалық байтақ дала төсін сол сәтте-ақ шарлап кетті, бұл жеңіс басылып қалған рухты оятып, жаудан кек алуға деген жаппай құлшыныс пен ерік-жігерді туғызды».

М. Тынышпаев

Рух – ұлттың, этнос пен халықтың күретамыры. Ол осынысымен қасиетті ұғым. XX ғасырда қазақ халқының қаруды қаламға айырбастап, күрестің жаңа түріне көшуі, XVIII–XIX ғғ. бостандық үшін жан алып, жан беріскен қанды оқиғалардың тарихи-саяси шешімі еді. Тағдырдың қалауы, тарихтың жазуымен қазақ еліне жоңғар, орыс, қытай жұрттарымен көрші болуды тәңірдің өзі бұйырыпты. Соңғы екі елмен қазір де алыс-берісі толастамай тұрса, алғашқы елмен қарым-қатынасы қақтығысқа ұласып, тарлан тарих рухы биік жұртты өз сахнасында алып қалған секілді. Бұл кездейсоқтық емес. Тарихтың заңы.

XVIII ғасырдағы қазақ-жоңғар қарым-қатынасындағы елеулі оқиғаларының бірі – 1727 жылғы Бұланты шайқасы. Қазақ халқының осы шайқастан бастау алған жеңісі Жоңғар мемлекетіне деген тәуелділіктен азат етті. XVII ғасырдың соңынан бастап Жетісу мен Оңтүстік Қазақстан аумағы жоңғар билеушілерінің қол астында болды [1]. Бұл жайында өз мақаласында Б. Ж. Аубекеров пен И. В. Ерофеева былай жазады: «Как известно, эпоха наивысшей военно-политической активности Джунгарского государства в направлении Казахстана и ханств Средней Азии охватывает 80-е гг. XVII – первую четверть XVIII в. В этот исторический период казахско-ойратские войны следовали одна за другой. Наиболее тяжелые и продолжительные из них происходили в 1680–1685 гг., 1698–1699 гг., 1708–1710 гг., 1716–1717 гг., и особенно в 1722–1730 гг., когда общая опасность объединяла вокруг главной цели воинские силы всех трех жузов. В результате динамичного массированного наступления джунгар на территорию Казахстана казахи в 1699 г. были вытеснены из Чу-Таласского междуречья в Сырдарьинский район, а к середине 20-х гг. XVIII в. утратили Ташкент, Туркестан и Сайрам; оседло-земледельческие оазисы и плодородные пастбища в бассейне среднего течения Сырдарьи. Под сильным натиском неприятеля им пришлось в спешном порядке откочевать в 1723–1725 гг. вглубь Средней Азии, а также далеко на север и северо-запад Казахской степи, где владения Среднего и Младшего жузов сомкнулись с кочевьями башкир и волжских калмыков, граница-ми русских крепостей и станицами яицких сибирских казаков» [10]. XVIII ғасырда Жоңғар хандығы саяси белсенділігін күшейтіп, қоңтайшы Сыбан-Рабдан Шығыс Түркістанға толық билігін орнатады. Сол кездегі қазақтың әскери әлеуетіне назар салған зерттеуші Л. А. Бобров: «Современники оценивали мобилизационный потенциал трех казахских жузов первой половины XVIII в 100–280 тыс. чел., что превышало мобилизационные возможности Джунгарии. Одна-

ко в условиях отсутствия сильной центральной власти, созыв многочисленной армии для большинства казахских ханов и султанов был непосильной задачей. Материалы письменных источников свидетельствуют, что численность казахских войск в военных компаниях первой половины XVIII в. редко превышала 5–8 тыс. чел. Только наиболее влиятельным правителям удавалось собрать армии большей численности... Можно предполагать, что во второй половине 20-х гг. XVIII в. численность объединенного казахского ополчения, действовавшего на «джунгарском» направлении, составляла 20–40 тыс. чел.» [9] – деген деректер келтірген. 1717 ж. Аягөз бойында қазақтар мен жоңғарлар арасында ірі шайқас өтеді [1]. 1722 ж. Цин императоры Кансидің қайтыс болуына байланысты Пекиннің Жоңғар хандығымен арасындағы саясат өзгеріске ұшырап, екі арада келіссөздер басталады. Осы жағдайды пайдаланып, Сыбан-Рабдан қазақ жерлерін басып алу үшін, жоңғар әскерлерін Шу, Талас өзендерінің бойына шоғырландыра бастайды. 1723 жылғы жоңғар әскерлерінің шабуылы қазақ халқы үшін үлкен соққы болды. Бұл оқиға қазақтардың жадында «Ақтабан шұбырынды» деген атпен сақталған. М. Тынышпаев бұл оқиғаны Кіші жүз қазақтарының «Сауран айналған», Ұлы және Орта жүз қазақтары «Алқакөл сұлама» деп атайтынын жазады [2]. А. И. Левшин Ұлы жүз бен Орта жүздің аз бөлігі Ходжентке, Орта жүздің көп бөлігі Самарқандқа, ал Кіші жүз Хиуа мен Бұқараға қарай көше қашқанын және көп ауыртпалықтар әкелгенін, мал табындарының күн сайын кеміп, айырбас сауда тоқтап, қайыршылық пен қайғы-қасірет жалпыға ортақ болғанын жазады [3]. Қазақ арасында «қайың сауған» сөз тіркесінің сақталуы осы кезеңге келеді және халықтың қорегі болмай, қайың ағашының қабығын аршып, сөлін ішкенін айғақтайды [7]. Қазақтардың жеңілуі ішкі саяси бытыраңқылықтың нәтижесінен туындаған еді. Тәуке ханның өлімінен кейін, Қазақ хандығы бөлшектеніп, сыртқы жаудан қорғана алмауы, жоңғарлардың ұрымтал сәтті пайдаланып, көктем уақытында тосыннан шабуыл жасауы осындай қырғынға алып келді. Бұл қазақ арасында өзара ауыз бірліктің қажет екенін көрсетті. В. А. Моисеев 1724 жылдың өзінде осы үрдістің басталғанын жазады [1]. 1726 жылы Түркістан қаласына таяу Ордабасы деген жерде қазақтың үш жүзінің кеңесі өтеді. В. А. Моисеев бұл кеңесті қазақ батырларының қысымымен аға хан Болат шақыруы мүмкін деген жорамал жасайды [1]. А. И. Левшиннің мәлімдеуінше: «Опасность примирила внутренние междоусобия, возродила общее согласие и направила всех к одному предмету» [3]. Осы кеңес барысында сыртқы жауға бірлесе отырып соққы беруге, қазақ жерлерінен ығыстырып шығаруға шешім қабылданады. Әбілқайыр хан бас қолбасшы болып сайланып, ақбоз ат құрбандыққа шалынады. А. И. Левшин бұл жөнінде былай деп жазған: «Ортақ іс сол арада бір-біріне адалдыққа ант беру арқылы қастерленді. Әбілқайыр хан бас қолбасшысы болып сайланды, сөйтіп халықтық әдет бойынша құрбандыққа шалынған бие болашақ табыстың кепілі ретінде қабылданды. Төнген қауіп ішкі өзара қырқыстарды бітістірді, жалпы келісім туғызып, бәрін бір нәрсеге бағыттады. Тұтас халықтың жиналысында ілгері басудың, ортақ жауға шабуыл жасап, оларды ежелгі қырғыз-қазақ жерінен қуып шығудың негізі қаланды» [3]. Қазақтардың бірігіп жоңғарларға соққы беруі Ұлытау өңірінде жүзеге асады. Жауға алғашқы соққы Сарысудың батыс жағындағы Шұбартеңізде берілді. Ұзақ жорықтан кейін тыныс алып жатқан жоңғарлар бұл шабуылды күткен жоқ еді. Қарсыласуға шамалары кел-

мей қалды. Бас көтеріп ұмтылғандары сұрапыл қарсылыққа тап болды. Қазақтардың екпіні қатты еді. Қарсы тұру мүмкін болмады. Жау амалсыз атының басын кері бұрып, Білеутіге қарай шегінді. Мұның ішінде 1727 жылы Бұланты өзені бойындағы шайқас «Қалмаққырылған» деген атаумен сақталды [4]. М. Тынышпаев Бұланты, Білеуті өзендерінің бойында, Қарасиыр деген жердегі алғашқы жеңіс Кіші жүз батырлары бастаған жасақтардың күшімен келгенін жазады [2]. Ә. Диваев келтірген мәліметтерге сенсек, осы шайқасқа байланысты қазақ аңыздарында Кіші жүз және Ұлы жүздің аз бөлігінің қалмақтармен үш жылдай соғысып, Тайлақ батыр мен Саурық батыр Қарасиыр деген жерде толық жеңіске жеткені және осы жер «Қалмаққырылған» деген атқа ие болғаны айтылады [5]. В. З. Ғалиев қазақ жасақтарының Ұлытау өңірін азат етуге күш жұмсауын Шу, Жетісу бағытында жоңғарлардың күші басым болуымен және Ұлытау өңірінің қазақтар үшін стратегиялық маңызы ерекше екенімен түсіндіреді: «Қазақтар өздерін Алтын Орданың мұрагері санайды. Ал, Ұлытау бұрынғы мемлекеттік бірлестікпен рухани байланыстырушы жер болды, осында Алтын Орда дәуірінің құнды тарихи ескерткіштері де сақталған» деп жазады [6]. Ұлытау өңіріндегі шабуылға қазақ жасақтары оңтүстіктен, Қаратау арқылы, Телікөл жанымен, Сарысу өзенінің төменгі ағысы арқылы шыққаны мәлім болып отыр. Қазақ атты әскері 250–300 шақырымға созылған жолды үш-төрт күн ішінде өтіп, 1727 жылдың көктемінде Қарасиыр деген жерде жау әскерлерімен шайқасады. Сонымен қатар осы шайқасқа Ырғыз және Торғай жағынан да қазақ жасақтары келген. Зерттеуші В. З. Ғалиев топонимикалық және картографиялық мәліметтерге сүйене отырып, шайқас барысын анықтайды [6]. Бұланты шайқасына арналған зерттеуде: «Осы шешуші шайқас 1727 жылы Бұланты мен Білеуті өзендерінің арасындағы кең жазықта болды. Сол жеңістен кейін майдан ортасындағы қара төбе Қалмаққырылған атанды. Қазақ жағы Бөгенбай батыр бастап соғыста шейіт болған ер азаматтарын таудың басына шығарып жерледі, оба үйді, таңбаларын салды», – деп жазады [4]. Қазақ жасақтары жоңғарлармен әуелі Қарсақпай қыраттарынан басталатын сол қос өзен құйып жатқан Шұбар-Теңіз көлі маңайында соғысқан. Талқандалған басқыншылар көлден әрмен қашқанда, аталған екі өзен аралығындағы Қарасиыр (оны «шоқы» мағынасын беретін Қарасире деп те атайды) жазығында оларға қатты соққы беріп, тамаша жеңіске жетті. Дұшпан ойсырай ұтылған бұл ұрыс тарихқа Бұланты-Білеуті шайқасы деген атпен енді. Осы ірі жеңіс нәтижесінде қазақ жасақтары жоңғар күшін Ұлытауға жеткізбей тоқтатты. Шайқаста Қанжығалы Бөгенбай, Қаракерей Қабанбай, Шақшақ Жәнібек, Тама Есет, Бәсентіін Малайсары, Тарақты Байғозы, Тайлақ, Саңырық, Қабанбай, Дербісалы, Сатай, Есет, Жәнібек, Тілеулі сынды көрнекті қолбасшылар мен көптеген батырлар, барша сарбаздар көзсіз ерлік көрсетті. Жоңғарлар зор шығынға ұшырап, кері қашты. Әрине, деректердің тапшылығы шайқас барысын толық қалпына келтіруге мүмкіндік бермейтіні анық. Бұланты шайқасының нәтижесінде стратегиялық маңызды жетістіктерге қол жеткізіліп, Оңтүстік Қазақстанда Сырдария бойы, Қаратау маңы, Орталық Қазақстанда Сарысу алқабы және Ұлытау жоңғарлардан азат етіледі. В. З. Ғалиев осы жеңіс Аңырақай шайқасының нәтижесін анықтап бергенін айтады [6]. 1727 ж. Бұланты өзенінің бойында жоңғар әскерінің жеңіліске ұшырауын В.А. Моисеев Жоңғариядағы саяси жағдайдың шиеленісуімен түсіндіреді. Сыбан-Рабданның кенеттен қайтыс болуы, тақ мұрагер-

лерінің арасындағы қантөгіс, үшінші жоңғар-қытай соғысының басталуы жоңғарлардың Қазақстандағы ықпалының әлсіреуіне септігін тигізді [1]. Бұланты-Білеуті шайқасының тарихи-саяси мәні жайында қазақ тарихының білгірі, жазушы Мұхтар Мағауин былай деп жазады: «Әлбетте, қазақты қазақтан басқа ешкімде сақтап қала алмайтын. Егер Бұланты мен, Аңырақайдағы жеңістер болмаса, Қазақ Ордасы осыдан үш жүз жыл бұрын мүлде тозып құрып біткен, Ноғай Ордасының кебін киері анықты. Тоқтау көрмеген Жоңғар қалмағы енді бірер серпіннен соң Еділ қалмағымен тоғысар еді. Сарыарқадан айырылған соң қазақтың барар жері, басар тауы қалмас еді [8]. Сарыарқадан айырылған соң қазақтың барар жері, басар тауы қалмас

Қорыға айтсақ, «Ақтабан шұбырынды Алқакөл сұлама» қасіретінен кейін қазақтың рухын көтерген ұлы соғыс – осы Бұланты-Білеуті шайқасы. Өзінің маңыздылығы жөнінен Бұланты-Білеуті шайқасы 1941 ж. Мәскеу түбіндегі жеңіспен тең.

Әдебиеттер

1. *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи в XVII–XVIII вв. – Алматы: Ғылым, 1991.
2. *Тынышпаев М.* История казахского народа / Сост. и авт. предисл. проф. А. С. Такенов и Б. Байғалиев. – Алматы: Қазақ ун-ті баспасы, 1993.
3. *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. – Алматы: Санат, 1996.
4. Бұланты шайқасы / Ред. Ж.О. Артықбаев. – Қарағанды: Полиграфия, 1998.
5. Қазақстан тарихы (көне заманнан бүгінге дейін): Бес томдық. 3-т. – Алматы: Атамұра, 2002.
6. *Галиев В.* Битва при Буланты // Мысль. 2000. № 6. С. 61–65.
7. *Қозыбаев М.* Жауды шаптым ту байлап. – А., 1994.
8. *Мағауин М.* Қазақ тарихының әліппесі. – Алматы, 1995 жыл.
9. *Бобров Л. А.* Военное искусство казахов 20-х гг. XVIII в. // Қазақ халқының ұлт-азаттық күресі. Бұланты шайқасы. – Астана: Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институты, 2015.
10. *Аубекеров Б. Ж., Ерофеева И. В.* Ландшафтно-геоморфологические факторы формирования наступательной стратегии и тактики казахов-кочевников в войне с джунгарами 1723–1730 гг. Бұланты шайқасы: Зерттеулер тарихы. Ғылыми-ақпараттық альбом. // Халықаралық ғылыми-практикалық конференция мен 2010–2014 жылдары өткізілген «Бұланты» археоэтнографиялық экспедицияларының материалдары / Б. С. Қожахметов, Э. Р. Усманова, Л. Н. Плетникова, Л. А. Сембинованың редакциясымен. Ұлытау: «Ұлытау» ұлттық тарихи-мәдени және табиғи қорық-мұражайы, 2015 ж.

In the XVIII century, in the Kazakh-Dzungarian relations, one of the significant events was the battle of Bulanta in 1727. The victory of the Kazakh people in the battles gave rise to independence.

В XVIII веке одним из существенных событий в казахско-джунгарских отношениях стала битва на Буланты в 1727 году. Победа в этом сражении положила начало независимости казахского народа.

АНАЛОГИИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ И НАРОДОВ ВОСТОКА

Важнейшее научно-исследовательское направление в области культурной антропологии – выявление художественно-типологически-семантических параллелей в духовно-материальных проявлениях творческой деятельности различных народов. В этом исследовательском направлении емкие результаты получены на основе историко-сравнительного анализа традиционной духовно-материальной культуры казахов и народов Востока. Довольно существенная соотносимость с восточными странами установлена в итоге сопоставлений важнейшей формы традиционного культурного наследия казахов XIX – 1-й пол. XX в. – декоративно-прикладного искусства (художественный металл, текстиль, искусство обработки дерева, кости, кожи, камня), что дало возможность наполнить конкретным содержанием культурные взаимосвязи. Казахские домашние женские промыслы (кошмовалание, ткачество, вышивание) и мужские ремесла (обработка металла, дерева, кости и кожи), основанные на культурно-генетической подпочве (саки, кангюи, усунь, савроматы, аланы, гунны, кимако-кипчаки), собственных этнических творческих достижениях и влияниях традиций других народов, обладают емкой информацией историко-художественного значения.

Взаимодействие культур степных казахов и земледельческих народов прослеживается в разных географических направлениях: Средняя Азия, Южная Сибирь, Поволжье, Северный Кавказ, Ближний и Средний Восток, что было исторически обоснованно рядом факторов. Прежде всего культурному взаимообмену способствовали такие обстоятельства, как непосредственные контакты казахов с населением соседних стран, осуществлявшиеся как мирным путем, так и вследствие завоеваний, миграции и смешения народов; творческие вклады иноэтничных мастеров-отходников; вхождение населения Казахстана с другими народами в единые государственные образования Караханидов, Чингизидов, Тимуридов. Важную роль в формировании культуры населения Казахстана в средневековый период сыграли ремесленные традиции Золотой Орды, художественно-идеологические вклады хорезмийцев, иранцев, кавказцев. Общеизвестна роль ислама в активизации художественного взаимообмена традиций мусульманских народов и образовании общего культурного пространства. Мусульманская культура, впитав художественные достижения многих народов, смогла придать им черты общности и образовать синтетическое искусство, единое по принципу изобразительной эстетики, но многообразное по художественному выражению.

Кроме этого, особое значение для культурного взаимообмена имело прохождение через территорию Казахстана Великого Шелкового пути. Население, проживавшее на территории Казахстана, издавна имело широкие торговые, дипломатические связи не только с Россией, Кавказом, Поволжьем, Средней Азией, Китаем, но и Ираном, Турцией, Египтом. В XIX в. города Западного, Северного, Восточного и Южного Казахстана были важными торговыми перевалочными пунктами [1, с. 180].

О наличии торговых связей с различными странами, в результате чего в традиционном быте казахов фигурировали иноэтничные предметы, свидетельствуют данные устно-поэтического творчества. В частности, в эпосе XVI в. «Кобланды-Батыр» упоминаются копье и стрелы бухарской работы, лук болгарской работы [2, с. 98], в эпосе «Кыз-Жибек» приводятся строки, в которых описываются персидские ковры, кашмирские шали [3, с. 552, 570]. Очевидно, иноэтничные предметы осмысливались казахами в тот период как экзотичные и «комплементарные», что и обосновало введение их в тексты эпосов. С другой стороны, эти строки отражают широту культурных связей казахов с другими странами.

В определенных видах декоративно-прикладного искусства казахов в зависимости от ареала бытования прослеживается разный уровень близости с иноэтничными традициями. Исследования в данном направлении, проведенные автором, позволили установить определенные соотношения субэтнических, суперэтнических, иноэтничных, метаэтнических признаков в разных видах прикладного искусства казахов, что любопытно для выявления творческого этноприоритета в формировании традиций.

Кочевая культура казахов, впитывая художественные достижения оседлых народов, в свою очередь, оказывала определенное влияние и на их традиции. К примеру, общепризнанным фактом, согласно исследованиям ряда ученых, является одностороннее влияние суперэтнических технико-декоративных особенностей художественного войлока казахов на традиции обширного круга народов: башкир, узбеков, таджиков, уйгуров, каракалпаков, народов Северного Кавказа [4, с. 15; 5, с. 41; 6, с. 41], тогда как в традициях алтайцев, тувинцев, хакасов, якутов, схожих переплетающимся узором в результате доминирования монгольской традиции, взаимосвязи войлочных изделий с казахскими устанавливаются в технико-типологическом отношении, но не в художественном. Такое обстоятельство объяснимо преобладанием в казахских изделиях переплетенного орнамента, так как согласно традиционному представлению переплетенный узор, по принципу подобия, мог запутать жизненный путь человека. Вполне возможно, что такая установка явилась этнодифференцирующим фактором, направленным против полного «растворения» художественной самобытности казахского орнаментального искусства в монгольском и исламском узоротворчестве.

Образно-техничко-декоративные особенности кошмовойлочных произведений казахов еще со средневековья пользовались неизменным спросом на международных рынках [7]. Если говорить об использовании в принципе войлочных изделий: ноговиц, калпака, плаща, полотен для покрытия и утепления жилища, молитвенных ковриков (среди мусульманского населения), то можно проследить широкий их ареал бытования. Такие изделия были распространены у монголоязычных этносов, тюркоязычных народов Южной Сибири, Северного Кавказа, Средней Азии, у кочевников и полукочевников Турции, у полукочевых племен Ирана (курдов, кашкайцев, луров и бахтияр), а также у мигрантов (туркмен, узбеков, казахов) и хазарейцев, джемшидов Афганистана. Имеются войлочные декоративные и молитвенные коврики также в Индии, в частности в Кашмире, что исследователи рассматривают как влияние тюркской культуры.

Иная картина прослеживается в традиционном тканом искусстве казахов, в котором обнаруживаются творческие приоритеты художественно-технических реше-

ний других народов. К примеру, в казахских паласах, выполненных в технике терме, устанавливается образно-стилевая метаэтническая общность (с некоторыми вариационными оттенками), охватывающая ряды тюркских народов: татар Поволжья, южных башкир, кыргызов, каракалпаков, узбеков дешти-кыпчакского происхождения, туркмен, а также тюркоязычных кашгайцев Ирана, славившихся изготовлением тканых паласов [6, с. 53].

Паласы типа *кежім теру алаша* сравнимы с таковыми узбеков, а ковры типа *біз кесте* с другим цветовым решением имеются у кыргызов Ошской области и Таласской долины, узбеков, каракалпаков, туркмен, турков, кашгайцев Ирана [6, с. 53]. Перекликаются эти ковры по технике и ведущим орнаментальным мотивам с таковыми изделиями татар Поволжья и Урала, испытавших влияние среднеазиатских паласов, проникших через волжских булгар [6, с. 54].

Ковры типа *орама кілем* сходны по орнаментальному решению и технике исполнения с изделиями народов Средней Азии, в частности узбеков, таджиков Байсунского района Сурхандарьинской области Южного Узбекистана, турков, тюркоязычных кашгайцев и персоязычных луров Ирана, тунисцев [6, 55]. Родственны эти ковры таковым изделиям южных башкир татар Поволжья и Урала [6, с. 55]. Различия сводятся преимущественно к цветовым и масштабным нюансам орнамента.

Художественно-техническое решение ковров типа *арабы кілем* заимствовано у арабов, о чем говорит само название, сведения респондентов, а также сходство с коврами некоторых арабских народов; перекликаются эти ковры по композиционному решению, моделировке отдельных орнаментальных мотивов (многоступенчатые ромбы и углы) также с таковыми изделиями северокавказских кумыков, узбеков Байсунского района [6, с. 55, 56].

Западноказахстанские ворсовые ковры, как и войлочные, близки по всем параметрам туркменским, точнее, текинским изделиям. Такого же типа ковры производились также афганцами в прилегающих к Туркменистану районах. По сведению респондентов (среди казахов и афганцев), творческий приоритет в изготовлении данного типа ковров принадлежит текинцам. Ворсовые ковры Южно-Казахстанской области сходны с узбекскими и кыргызскими [6, с. 58, 59].

Паласы, составленные из полос, вытканых в смешанной технике *ақ басқұр*, производились и изготавливаются поныне в Западном Казахстане, а также южных областях республики, где расселены представители Младшего жуза. Подобного рода фризы и ковры ткются также каракалпаками, туркменами, кыргызами, узбеками Байсунского района [6, с. 60]. В целом в казахском ткачестве наиболее заметно влияние традиций туркмен, узбеков, иранцев, арабов.

В вышитых изделиях казахов преобладают этнические особенности, но вместе с тем в их художественном строе встречаются орнаментальные мотивы, заимствованные из других культурных традиций. Это такие мотивы, как растительный куст, миндаль бадам, цветок хлопчатника, стручки перца, светильник, растительный побег ислими, графическое изображение наголовного таджикского украшения «коштилло», характерных для оседлой культуры народов Средней Азии, Ближнего, Среднего Востока [6, с. 74]. Характерно вышивание круглых медальонов – символов солнца с разнообразным орнаментальным заполнением, а также мотива дерева,

листы, цветов, по сути, представляющих собой архетипы, свойственные практически всем народам мира.

Ясные параллели устанавливаются также в вышитых полотенцах казахов и казанских татар, что выражено в сходности техник (тамбурный шов, гладь и гладь «в прикреп»), орнаментальных мотивах (лотос, пальметта, листовая вязь, цветущий куст, многолепестковый цветок), цветовых сочетаниях, а также в приеме вышивания одного мотива разными цветами.

В целом казахская вышивка ближе всего к традициям кыргызов. Имеются аналогии с вышивкой тюркоязычных народов Северного Кавказа, в частности, перекликаются мотивы в виде лотоса, растительного побега – ислими, входящих в круг исламского искусства [6, с. 74, 75]. В результате влияния ислама казахи стали вышивать эпиграфические узоры. Так, например, на женских головных уборах кимешек казахов СУАР КНР можно встретить тамбурную вышивку, изображающую выдержки из Корана, выполненные почерком «насах». Вышивка в Северном, Восточном Казахстане более позднего времени, 1970-х гг., подверглась влиянию русской культуры, благодаря чему в белых хлопчатобумажных подзорах покрывал для кровати и в полотенцах появились изображения корзин с цветами, кружевное плетение, выполненное из белых машинных нитей [7, с. 66–70].

Казахи, будучи преимущественно кочевниками и обладая в изобилии шкурами домашних животных, разработали замечательную технологию их обработки. По сути, меховые и кожаные накидки – архетипические формы одежды человека, были распространены в прохладных климатических зонах мира с палеолитического времени. Дополнительно казахи получали сырье от охоты на диких животных. Широкое использование шкур и кожи восполняло дефицит тканей, что имело место вплоть до XX в. Лишь имущие могли шить одежду из материи, приобретаемой на внешних рынках (хлопчатка, сукна, парчи, шелка). К примеру, среди богатых ценились халаты *патша шапан* из бухарского пестрого шелка. Одежда из импортных тканей, недоступных для большинства людей, придавала высшему сословию престижность, выделяя их среди остальных слоев общества.

Кожаные предметы, как показал сравнительный анализ [6, с. 83], в той или иной мере перекликаются с таковыми изделиями ряда кочевых народов Центральной Азии. В частности, конские подседельники, чехлы для чемоданов, походные фляги для кумыса, подойники, полусферические футляры для пиал, табакерки, кожаные мужские пояса сходны по форме и наличию тисненого узора с таковыми предметами кыргызов, каракалпаков, тувинцев и монгол, за исключением отсутствия в казахских изделиях переплетенного орнамента.

В художественной обработке дерева казахов в основном установлены метаэтнические (казахско-кыргызские) признаки в составе, форме, частично декоре, практическом назначении деревянных изделий (кроватях, сундуках, ларях для хранения продуктов, посудных шкафах и посуде, вешалках для одежды) [9, с. 80]. Что касается Центрального и Восточного Казахстана, то в данных ареалах обнаруживается субэтнический приоритет творчества казахов, выраженный в применении в декоре мебелировки (кроватях, посудных шкафах, ларях для хранения продуктов, посуде, гладильных досках, вешалках для одежды) сплошной облицовки в сочетании с инкрустацией резной костью [9, с. 80–84].

Существенные пространственные взаимосвязи прослежены в ювелирном искусстве казахов. В североказахстанских ювелирных украшениях XIX – 1-й четверти XX в., выполненных в технике ажурной филигрании, а также в стиле «штамп-вставки из камней», ясно ощутим художественный доминант казанских татар Поволжья, что произошло в результате наплыва ремесленной продукции из «Рыбной слободы» в казахские степи [10, с. 172–174, 341–346].

Примечательны западноказахстанские ювелирные украшения, характеризующиеся пластической осязаемостью живописно решенного декора, в котором сочетаются объемы пышных розеток и прихотливый орнамент, образуемый изгибами накладной филигрании, россыпью зерни. В данном стилевом направлении устанавливаются аналогии с традиционными ювелирными изделиями народов Дагестана, конкретно, с кубачинскими украшениями. В частности, сходной является важная художественная доминанта – филигранная цветочная полусфера, образованная из S-видных филигранных завитков и зерни. Проведенное историко-сравнительное исследование установило факт одностороннего культурного влияния ремесленной традиции народов Дагестана, откуда мастера-отходники выезжали в Западный Казахстан с целью заработка [10, с. 349].

Своего рода феноменом народного ювелирного искусства являются западноказахстанские украшения «геометрического» стиля [10, с. 141–147]. Формы украшений тяготеют к крупным и ясным пропорциям, визуальным выделяющимся даже на расстоянии. Декор изделий базируется на строгом геометрическом орнаменте, выполненном в технике штампа, тиснения, зерни. Произведения примечательны сложностью и отточенностью орнаментальной системы, придающей крупномасштабным формам художественную осмысленность. Компаративистика изделий «геометрического» стиля с другими культурными традициями выявила определенные аналогии с украшениями туркмен, каракалпаков, дагестанцев, таджиков [10, с. 149–152].

Особый интерес вызывает продукция казахских (из Младшего жуза) диаспор, проживающих в Турции, Иране, Афганистане, Пакистане. Дело в том, что их произведения, впитав некоторые нюансы местной традиции, тем не менее сохранили образный характер «геометрического» стиля [11]. В целом, «геометрический» стиль западноказахстанских украшений ближе к традициям обозначенных этносов, нежели к художественным особенностям казахского ювелирного искусства других ареалов – Северного, Центрального и Восточного Казахстана.

Следует отметить, что такие категории, как художественно оформленные треугольные и трубчатые амулетницы, распространенные по всей республике, имеют аналогии в культуре практически всех народов Востока, что связано с распространением мусульманской религии.

Таким образом, приведенные материалы – обобщающие итоги ранее осуществленных автором историко-сравнительных исследований национальных художественных промыслов и ремесел, ясно отражают источник и уровень творческого приоритета в формировании технико-декоративных, образно-стилевых, конструктивных решений, определенных видов декоративно-прикладного искусства казахов в разных ареалах Казахстана. Это суперэтнический доминант в кошмовойлочном искусстве казахов; субэтнический «геометрический» стиль западноказахстанского ювелирного искусства и декорировка костью деревянной мебели Центрального и

Восточного Казахстана; решающая роль иноэтничных влияний в казахском ткачестве; определенное межэтническое равновесие в некоторых орнаментальных решениях в казахско-кыргызской, казахско-татарской вышивке; в тиснении по коже межэтническое равновесие выявляется в категориях, формах изделий, технологии декора орнаментом у казахов, кыргызов, каракалпаков, калмыков, якутов, тувинцев и монгол.

Литература

1. Басин В. Я., Несипбаева К. Р. Внешняя торговля России со странами Востока на рубеже XIX–XX вв. // Из истории международных отношений в Центральной Азии. – Алма-Ата, 1990. – С. 176–183.

2. Кобланды-батыр. Пер. С. Липкина // Казахский эпос. – Алма-Ата, 1958. – С. 23–223.

3. Кыз Жибек // Казак эпосы. – Алматы, 1958. – С. 570–657.

4. Миллер А. А. Ковровые изделия народов Востока. – Л., 1924.

5. Муқанов М. С. Казахские домашние художественные ремесла. – Алма-Ата: Казахстан, 1979. – 78 с., илл.

6. Тохтабаева Ш. Ж. Шедевры Великой степи. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – 239 с., илл.

7. Беленицкий А. М. Средневековый город в Средней Азии. – Л.: Наука, 1973. – 389 с., илл.

8. Тохтабаева Ш. Ж. Казахско-славянские взаимосвязи в традиционной культуре // Тюрко-славянское взаимодействие культур: взгляд из современности. Материалы международного научного симпозиума. 28–29 октября 2011 г. – Алматы: Т. Жургуенов атындығы қазақ Ұлтық өнер академиясы, 2011. – С. 66–70.

9. Тохтабаева Ш. Ж. Этнокоды в декоративно-прикладном искусстве казахов. – Алматы: Ғылым Ордасы, 2017.

10. Тохтабаева Ш. Ж. Серебряный путь казахских мастеров. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 560 с., илл.

11. Полевые материалы 2000–2004 гг., собранные за рубежом (Турции, Иране, Пакистане, ОАЭ).

Мақалада Қазақстанның әртүрлі ареалындағы ұлттық көркемөнер кәсібін, қазақтардың сәндік-қолданбалы өнерінің түр-түріне қатысты тарихи-салыстырмалы зерттеулерге талдау жасалынған. Шеберлердің жұмыстарындағы техникалық-сәндік, бейнелік-стильдік, конструктивтік шешімдерді қалыптастырудағы шығармашылық басымшылықтардың көздері мен дәрежесін анықтауға талпыныс көрсетілген.

The article analyzes the historical and comparative studies of national arts and crafts, different types of decorative and applied arts of Kazakhs in different areas of Kazakhstan. An attempt is made to determine the source and level of creative priority in the formation of technical and decorative, figurative and stylistic, constructive solutions in the work of masters.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА XX ВЕКА

В XXI веке историческая наука должна была бы перейти в новое качественное состояние, однако необоснованные или недостоверные исторические данные, которые вводятся либо учеными, либо общественными деятелями, невольно искажают историческую действительность. Взять хотя бы, к примеру, высказывание бывшего президента Украины Леонида Кравчука о том, что Сталин и Гитлер встречались, или нынешнего президента Украины Владимира Зеленского, что Освенцим освободили украинцы, а не Красная армия. Эти заявления не выдерживают исторической критики, ибо Сталин не встречался с Гитлером, а Освенцим был освобожден многонациональной Красной армией, которая действовала на Украинском фронте. В исторической науке архивные источники занимают основополагающее место, ибо без архивных документов историческая наука становится более мифологизированной или недостоверной.

В архивах Кыргызстана есть много интересных архивных документов по истории XX века. В исторической науке суверенного Кыргызстана много статей о трагических событиях 1916 года, однако в большинстве из них не упоминаются архивные документы, свидетельствующие о внешнем влиянии на события 1916 года. Пишпекский уездный начальник Рымшевич также докладывал военному губернатору Семиреченской области: “26 августа мною задержан беглец неизвестный, несмотря на заявление этого беглеца, что он турок, я доставил его пристава, этот беглец оказался германец, что было установлено во время разговоров с техниками у пристава, и у этого беглеца найдены разные планы” [1, л. 14 –14 об]. Такие архивные документы очень мало используются историками Кыргызстана, ибо они показывают о внешнем влиянии на события 1916 года. Советская историография 70–80-х годов тоже не использовала архивные документы такого плана.

В отечественной науке устоялась концепция о том, что Кыргызстан в годы царской власти был колонией империи и что трагические события 1916 года были антиколониальным восстанием. Однако архивные данные свидетельствуют о том, что с годами в колонии проводились позитивные изменения, и кыргызы со временем получали равные права с переселенческим населением. Современный исследователь Т. Кененсариев обоснованно утверждал, что царская администрация начала проводить политику слияния окраин с остальной частью империи, и в своей монографии приводит высказывание военного министра России В. А. Сухомлинова в 1912 году, что «Туркестан по отношению к центральной части империи перестал быть колонией» [2, с. 6]. Архивные данные говорят о действительности высказывания военного министра России. Империя проводила социальные реформы в Кыргызстане, которые положительно сказывались на настроении местного населения. Особенно заметными были реформы в области медицины. Местное население обращалось

к властям с просьбой об открытии больниц. 12 февраля 1901 года кыргызы Ошской волости писали: «19 февраля сего 1901 г. исполнится 25 лет со дня водворения в крае полного спокойствия и законности под великой державой Великого Белого Царя. В память этого дня мы, выборные от земледельцев г. Оша в числе 75 человек, посоветовавшись с представителями прочих волостей уезда, решили на волостном съезде: просить о разрешении построить в г. Ош для наших жен и малолетних детей особую от мужской туземную женскую лечебницу, с кроватями для приезжающих больных и рожениц, по одной на волость» [3, л. 5]. Царские управленцы, к их чести, пошли навстречу и открыли больницу, где «пользование в лечебницах, как на постоянных кроватях, так и амбулаторных больных, производится бесплатно [4, л. 88]. А ведь в советской историографии была утверждена точка зрения о том, что медицина и образование стали бесплатными только в советскую эпоху.

Интересно отметить, что в царское время в г. Ош была бюджетная статья «лечение неимущих больных» на которую отпускались немалые средства [5, л. 84]. Беднейшим слоям населения при невозможности оплаты за услуги здравоохранения выдавались «удостоверения о бедности», по которым они освобождались от платы за лечение [6, л. 186]. Примечательно то, что местные власти выдавали удостоверение по бедности, предварительно ознакомившись с материальным положением человека. Документ гласит: «1908 года января 30 дня, я, Старший Аксакал г. Оша, удостоверяю, что житель г. Оша Ташбай Курманов не имеет средств уплатить за лечение и содержание его в Ошской городской больнице» [7, л. 50]. В результате Ташбай Курманов был освобожден от платы за лечение. Такие же удостоверения получало и переселенческое население, а оплата за услуги, например, в области медицины, была равной между коренным и переселенческим населением. Полицейский пристав города Ош выдал удостоверение, в котором значилось: «Я, Полицейский пристав гор. Оша, удостоверяю, что Александра Николаевна Трусова не имеет средств уплатить за лечение и содержание ее в Ошской городской больнице за декабрь месяц 1907 года в сумме 1 руб. 47 коп» [8, л. 54].

Среди историков постсоветского пространства одним из наиболее многоплановых и скрупулезных является видный историк Казахстана К. С. Алдажуманов, который рассматривает исторические события, используя весь спектр архивных и историографических данных, и приходит к объективной истине. Нужно отметить, что одной из трудных тем в истории Казахстана являются трагические события голодных лет второй половины 20-х – начала 30-х годов, которые не описывались историками советского Казахстана, а историками суверенного Казахстана трактовались как результат действий руководителей начиная с Голощекина и до Сталина. Однако К. С. Алдажуманов приводит новые факты и пишет не только о голоде в Казахстане, восстаниях крестьян, направленных против коллективизации, но и о доселе неизвестных фактах «прямого вмешательства внешних сил на события в Казахстане. Так, один из организаторов и активных вдохновителей широко известного Сузакского восстания Асадулла Ибрагим являлся агентом британской разведки, обосновавшимся после переброски его еще в период гражданской войны из Ирана через Закавказье в Самарканд, а затем в Сузак. Нити этого вмешательства ясно просматриваются в причинах и Чаыновского и Иргизского восстаний» [9, с. 312].

Архивные источники позволяют не согласиться с мнением историков, которые считают, что голод в Казахстане начался в 1931 году. Документы свидетельствуют, что голод начал наступать в Казахстане уже через год нахождения у власти Ф. И. Голощекина. Первые партии казахов-переселенцев, пострадавших от политики Голощекина, стали прибывать в Кыргызстан еще в 1926 году. В апреле – мае 1926 года прибыли 150 кибитковладельцев из Казахстана, и органы власти советского Кыргызстана отмечали, что «прибывшие из Казахстана 150 кибитковладельцев, переселившись в Киргизию, оказались не только лишенными возможности приступить к ведению хозяйства (отсутствие сельхозинвентаря и проч.), но и очутились без всяких средств к существованию» [10, л. 187]. В исторической науке Кыргызстана устоялось мнение о том, что Ю. Абдрахманов был спасителем казахов-беженцев, однако архивные документы свидетельствуют о том, что у него были предшественники, которые помогали казахам, вынужденным прибывать в Кыргызстан, и одним из таких предшественников был Абдыкадыр Орозбеков – председатель Областного Исполнительного Комитета Кыргызстана. Абдыкадыр Орозбеков, констатируя факт их переселения как уже свершившийся, возбуждает перед ВЦИКом ходатайство об отпуске специальных кредитов для полного устройства пострадавшим от политики Голощекина казахов и оказания им материальной помощи из фонда помощи беженцам, была создана комиссия для проработки вопроса об оказании этой помощи [10]. 6 мая 1926 года состоялось Заседание Облисполкома КАО под председательством А. Орозбекова, в котором выяснилось, что кыргызские руководители были в курсе происходивших в Казахстане голощекинских «революционных» инициатив, и поэтому отмечалось, что «предполагается переселение еще одной группы граждан из Казахстана».

В суверенном Кыргызстане образование имеет в большинстве своем контрактную систему обучения, и в исторической науке как советского, так и суверенного периода истории Кыргызстана закрепилось мнение, что образование в СССР было бесплатным. Однако архивные документы опровергают это мнение. В связи с тяжелым экономическим положением в городах Кыргызстана в 1925 году была утверждена следующая плата за обучение: служащие, получающие зарплату 18–30 руб., платят 50 коп., 30–40 – 1 руб., 40–50 руб. – 1 руб. 50 коп., 50–70 руб. – 1 руб. 75 коп., 80–90 руб. – 3 руб., 100–110 руб. – 3 руб. 50 коп., 110–120 руб. – 4 руб. и свыше 120 руб. – платят 5 руб. Однако дети-сироты, дети учителей, красноармейцев, инвалидов, не способных к труду, дети служащих, получающих зарплату ниже 18 руб. в месяц, от платы освобождались [11, л. 227].

Следует отметить и введение в СССР платы за обучение перед войной в 1940 году. В постановлении СНК СССР от 2 октября 1940 года отмечалось: «Учитывая возросший уровень материального благосостояния трудящихся и значительные расходы советского государства на строительство, оборудование и содержание непрерывно возрастающей сети средних и высших учебных заведений, Совет Народных Комиссаров СССР признал необходимым возложить часть расходов по обучению в средних школах и высших учебных заведениях СССР на самих трудящихся» [12]. В связи с этим постановлением союзного правительства 13 ноября 1940 года правительство Кыргызстана принимает постановление «О выполнении постановления

Совета Народных Комиссаров СССР», а 2 октября 1940 года – «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и высших учебных заведений в СССР», которое гласило: «Обязать наркома просвещения, председателей областных, городских, районных исполкомов немедленно обеспечить выполнение постановления СНК СССР от 2 октября 1940 года о введении платности обучения в старших классах средних школ и высших учебных заведений» [13, л. 94]. В постановлении от 6 ноября 1940 года «Об установлении платности обучения в старших классах вечерних средних школ и вечерних высших учебных заведениях по Киргизской ССР» устанавливалась следующая оплата за обучение: для учащихся 8–10 классов вечерних средних школ, вечерних педучилищ и техникумов: в городе Фрунзе – 100 рублей в год; в остальных городах и сельских местностях – 75 рублей в год. В вечерних высших учебных заведениях: в городе Фрунзе – 200 рублей в год; в остальных городах республики – 150 рублей в год. Вместе с тем, властями в целях поддержки социально уязвимых слоев населения было принято постановление «Об освобождении от платы за обучение учащихся-инвалидов и их детей и воспитанников детских домов», в котором отмечалось: «Освободить по Киргизской республике от платы за обучение во всех средних и высших учебных заведениях инвалидов-пенсионеров и их детей в том случае, если получаемая ими пенсия является для них единственным источником средств к существованию, а также учащихся инвалидов (слепых, глухонемых и других инвалидов), не получающих пенсии и направленных на учебу органами социального обеспечения. Сохранить для воспитанников детских домов и детей, находящихся на патронате, бесплатность обучения в техникумах, педучилищах, медицинских, сельскохозяйственных школах, политехпросветшколах и 8–10 классах средних школ» [13].

В связи с героическими действиями кыргызстанцев на боевых фронтах, особенно Панфиловской дивизии, правительство СССР, возглавляемое Иосифом Сталиным, несмотря на тяжелое экономическое положение, принимает 16 октября 1942 года постановление «Об освобождении в Киргизской ССР студентов-киргизов от платы за обучение в высших учебных заведениях и обеспечении их стипендиями», в котором говорилось: «1. Освободить с 1 октября 1942 года студентов-киргизов от платы за обучение в вузах. 2. Зачислить на стипендию нуждающихся киргизов-студентов вузов Киргизской ССР, успевающих по всем предметам» [14, л. 150].

Архивные документы являются стержневыми в написании исторических трудов, и мы видим, что они могут изменить историографию. Поэтому нужно использовать архивные документы в их разнообразии, не утаивая исторической действительности.

Литература

1. ЦГА КР. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 34. Л. 14–14 об.
2. *Кененсариев Т.* Экономическая политика царского правительства в Кыргызстане. – ЦГА КР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 44. Л. 5.
3. ЦГА КР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 44. Л. 88.
4. ЦГА КР. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 4а. Л. 84.

5. ЦГА КР. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 4 б. Л. 186.
6. ЦГА КР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 105. Л. 50.
7. ЦГА КР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 105. Л. 54.
8. *Алдажуманов К. С.* К истории голода 1931–1933 годов в Казахстане // Исторический ежегодник (труды ученых ИИиЭ). – Алматы, 2019.
9. ЦГА КР. Ф. 677. Оп. 1. Д. 20. Л. 187.
10. ЦГА КР. Ф. 647. Оп. 1. Д. 24. Л. 227.
11. Постановление «Об установлении платности обучения в старших классах вечерних средних школ и вечерних высших учебных заведениях по Киргизской ССР» // Советская Киргизия. – 1940. – № 231. – 4 октября.
12. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 102. Л. 94.
13. ЦГА КР. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 784. Л. 150.

Мақалада Бішкек қаласында сақталған ХХ ғасырдағы Қырғызстанның тарихы мен мәдениеті бойынша архив құжаттарына талдау ұсынылған. Жеке құжаттар негізінде 1916–1926 жж. оқиғалар фрагменттік түрде көрсетілген.

The article presents an analysis of archival documents stored in Bishkek on the history and culture of Kyrgyzstan in the XX century. On the basis of individual documents, the events of 1916–1926 are presented fragmentarily.

Г. МУКАНОВА

**АКАДЕМИК А. Е. КРЫМСКИЙ
О КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И СБОРНИКЕ
«МОЛОДОЙ КАЗАХСТАН» С. САДВОКАСОВА
(К 150-ЛЕТИЮ ВОСТОКОВЕДА-ТЮРКОЛОГА)**

Интересная линия жизни выдающегося тюрколога с мировым именем А. Е. Крымского (1871–1942) в связи с Казахской землей установлена ныне по обнаруженным в московских фондах его трудам. Символично, что находка наша состоялась в год 150-летия ученого. Ведь до настоящего времени в научный оборот не были введены публикации тюрколога с мировым именем о казахской литературе. Оказалось, что еще в начале 1930-х годов ученый дал высокую оценку казахской национальной литературе, и его авторитетное мнение можно прочесть на страницах «Энциклопедического словаря» популярного тогда издательства братьев Гранат.

Многогранная личность: историк, писатель, переводчик, востоковед-арабист, исламовед, тюрколог и иранист, один из основателей Академии наук Украины, он имел крымско-татарские корни. Интерес к тюркологии сочетался в нем с огромным уважением к украинской и в целом мировой культуре.

Чрезвычайно талантливый, неустанно в поиске материалов для любознательного ума, Агафангел Ефимович Крымский оставил яркий след в литературоведении и востоковедении. Его имя носят педагогический колледж во Владимире-Волынском, Институт востоковедения Национальной академии наук Украины в Киеве, Премия НАНУ, лауреатами которой стали талантливые ученые-ориенталисты.

Высокую оценку его научному наследию, в том числе на украинском языке, помимо академика Крачковского, дали академик В. В. Бартольд и другие видные ученые. Крымский оставил превосходные образцы прозы и поэзии, войдя в историю украинской литературы. Неустанно он переводил восточных поэтов, а также Байрона, Гейне, Гете и других представителей европейской поэзии. Его переложения Корана на русский язык восхитили Льва Толстого – благодаря переводам А. Крымского Лев Николаевич приобщался к содержанию заповедей пророка Мухаммеда.

Автору этих строк выпала возможность обнаружить ранее малоизвестную часть трудов А. Е. Крымского, изданных в начале 1930-х годов в Москве. А именно – его объемную статью «Тюркские литературы», вышедшую в 1931 году в «Энциклопедическом словаре» братьев Гранат [1, с. 382–389].

Каким же образом Крымский собрал материалы о казахской литературе, будучи в Киеве? Дело в том, что пути тюркологов пересекались неоднократно. Материалы для статьи он мог получить от делегата Бакинского тюркологического съезда А. Байтурсынова еще в 1926 году.

Так, А. Е. Крымский значится в списках участников Первого Всесоюзного тюркологического съезда в Баку (1926). [2, с. 542]. На этом историческом форуме также были хорошо знавший казахскую действительность В. В. Бартольд, казахская делегация, в составе которой находился Ахмет Байтурсынов.

Доклады делегатов съезда в Баку застенографированы, их заслушивали в присутствии всех участников. Выступление А. Байтурсынова использовано частично А. Крымским.

Ставшие раритетными, тома «Энциклопедического словаря» восьмидесятилетней давности содержат строки выдающегося востоковеда А. Е. Крымского, в которых он с большой любовью пишет о казахской устной и письменной культуре. Эрудиция позволила ему привести наиболее распространенные издания словарей казахского языка (в то время этноним «казахи» писали как «казак-киргизы»):

«По казак-киргизам – Я. Мелиоранский, «Грамматика» (2 ч., СПб., 1894–1895); Н. Ильминский и В. Катаринский, «Киргизско-русский словарь» (Оренбург, 1897); Ишмухамм. Букин, «Русско-кирг. и кирг.-русский словарь» (Ташк., 1883) и его же «Русско-киргизские разговоры» (Ташк., 1884); краткая грамм. в прилож. к «Материалам по изучению кирг.-казах. языка» И. Лаптева, со словарем (М., 1900, изд. Лазар. инст. вост. яз.); Каменгеров, «Казакско-русский словарь» (М., 1926)». [412 с] (В фамилии Каменгерова допущена опечатка. – Г. М.) Сам факт того, что Крымский знал о «Словаре...» К. Каменгерова 1926 года, любопытен и подтверждает тесные связи казахских лингвистов с украинской Академией наук.

Если бы Крымский прожил дольше (бытует версия, что он был отравлен в тюрьме) и мог трудиться, возможно, создал бы большой труд по этой теме. Материалы Крымского отличаются академизмом, точны в оценках и демонстрируют большую эрудицию ученого.

Разделы «Тюрки», «Тюркские языки», «Тюркские литературы» в 41 томе принадлежат А. Е. Крымскому. Демографический аспект темы им также раскрыт. Ученый привел даже численность населения в республиках и автономных областях (приведем фрагмент. – Г. М.): «Казахистан – 3.900.000. Автономная Кара-калпакская область Казахистана – 296.000. Кыргызистан (Кара-кыргызия) – 794.500. Ойратская (алтайская) автономная область – 42.000. Узбекистан – 4.002.800, с автономной республикой Таджикистаном – 164.500 чел» [1, с. 339].

На момент написания статьи «Тюркские литературы» для вышеназванного «Словаря» братьев Гранат, если верить биографам Крымского, он проживал в Киеве, попал в немилость и был ограничен в поездках.

В «Словаре» Крымский выделил специальный «Раздел VI. Литература Казакстана и уточняет: (неправильно – киргизская)» [1, с. 382]. То есть он был осведомлен, что казахам возвращено историческое правильное самоназвание. Вместе с тем в статье А. Крымский дает ссылку и на более поздние издания, чем говорилось в докладе А. Байтурсынова, в которых имеются данные о казахских литераторах. Например, он отсылает читателя к сборнику 1928 года «Молодой Казакстан», составителем которого был Смагул Садвокасов [3].

Крымский: «Против прежней, досоветской казакской поэзии, возглавляемой национальным классиком Абаем Кунанбаевым и продолжаемой Сейфуллином, Мукановым и др., у новых раздаются не раз и ноты протеста: “долой абаевщину”, – долой, как вредное идеалистическое течение. Об этой борьбе прежних националистических литературных течений с новыми советскими см. С. Садвокасов, “Молодой Казакстан” (библ. “Огонек”, 1928, № 370), и А. Аршаруни, “Заметки о нац. литературе” (в “Новом Востоке”, 1928, кн. 23-24), где Аршаруни исторически защищает

классика Абая Кунанбаева против неумеренных нападок Ильяса Кабулова: “Фило-софия казахского поэта Абая и ее критика” // “Советская степь”, 1928, № 174, Кызыл-Орда), но новую “абаевщину” осуждает» [1, с. 388–389].

Надо заметить, что Садвокасов с 1928 г. проживал в Москве и занимался научными, в том числе литературоведческими, трудами и издавал их в центральных журналах. Также С. Садвокасов сотрудничал с издательством Восточной литературы и Институтом востоковедения. То есть контакты с А. Крымским молодой казахский исследователь Садвокасов, который хорошо был знаком с ранее изданными трудами тюрколога, мог вполне наладить через учеников А. Крымского.

Наконец, Крымского хорошо знали и ценили в издательствах Москвы и Ленинграда, а в московском издательстве восточных народов Союза трудилось немало казахов: Букейханов, Жумабаев, Тюрякулов и др.

Академическая справка, составленная А. Е. Крымским о казахской литературе, отличается от выступления А. Байтурсынова в Баку и дополнена автором другими сведениями: о творчестве Акмоллы и сборнике «Молодой Казахстан», составленном Смагулом Садвокасовым. Это наводит на мысль об актуальности научных связей академика Крымского с молодыми казахскими литераторами для его научной деятельности.

Сборник, который упоминает А. Крымский, увидел свет в 1928 году в Москве в библиотеке журнала «Огонек» [3]. В нем Садвокасов приводит свежие данные о национальной литературе, молодых писателях и поэтах.

Очень важен факт, что после выпуска из Московского института инженеров транспорта (МИИТ), который Смагул Садвокасов закончил в 1931 году, он как инженер-путеец был направлен на участок строительства магистрали Москва – Донбасс. Таким образом, даже трудоустройство Садвокасова (в Воронеже) способствовало географическому сближению его с Крымским: высока вероятность того, что он лично мог передать вышедший из печати в 1928 году сборник «Молодой Казахстан». Выдержки из этого издания вошли в контент статьи Крымского в «Энциклопедии» 1931 года.

Крымский как эксперт наблюдал за процессом реформы алфавита в тюркских республиках. Он пишет: «...образовавшийся “Всесоюзный комитет нового тюркского алфавита” (2-й пленум которого состоялся в Ср. Азии, в Ташкенте, в янв. 1928 г.) выработал т. н. “унифицированный” латинский алфавит для введения во всех тюркских республиках СССР» [1, с. 418].

Любопытно, что А. Крымский упоминает о состоявшемся в Алма-Ате в 1930 г. Всесоюзном съезде краеведов. Кто мог предоставить ему данные об этом мероприятии, вновь загадка, которую предстоит разгадать: Байтурсынов либо Садвокасов, Тюрякулов либо еще кто. Между тем, к съезду краеведов в республике готовились серьезно. К примеру, в Семипалатинском отделе Общества изучения Казахстана годом ранее к съезду краеведов в Алма-Ате был подготовлен специальный том «Записок...», выпуск XVIII. Об этом указано в предисловии к Сборнику автором ряда статей И. Чеканинским, который, в частности, в статьях делает ссылку на С. Садвокасова как автора предисловия к русскому переводу казахской народной поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» Тверитина 1927 года [4, с. 65, 108]. Можно полагать, что эти упоминания неслучайны, и Смагул Садвокасов принимал участие в организации форума краеведов, даже находясь в Москве. (Забавно, что о Смагуле Сад-

вокасове, в 1927 году написавшем предисловие к изданию поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» Тверитина на русском языке, приводит сведения в своей монографии «Русский фольклор» академик Ю. М. Соколов [5, с. 120]. Книга Соколова вышла в 1941 г., цензура не обратила внимание на ссылку в труде филолога, хотя термин «садвокасовщина» уже набрал обороты).

Ценность нашей находки еще предстоит оценить и вести работу по возвращению в научный оборот ценной прижизненной публикации А. Е. Крымского. Переиздать очерк Крымского также имеет смысл, поскольку исследование ученого не теряет актуальности. Благодаря внимательности и научному предвидению А. Е. Крымского и инициативе казахского наркома просвещения С. Садвокасова, имена казахских литераторов вошли в центральные энциклопедические издания. Садвокасов стал жертвой гонений и скончался молодым в 1933 году. Судьба его перекликается с судьбой Шокана Уалиханова; его имя Смагул часто приводил в публичных выступлениях и статьях как образец патриотизма и преданности науке. Заслуги С. С. Садвокасова перед национальной культурой огромны; казахский деятель проявлял лучшие качества народной дипломатии, налаживал ценные связи с учеными, издателями в целях широкой пропаганды родного языка и культуры.

Как и многие востоковеды в СССР, А. Крымский, увы! – разделил участь политзаключенных, будучи обвинен в «национализме» и «контрреволюционной деятельности». Так сложилось, что он был сослан в Кустанайскую область Казахстана в 1941 году. Обострившиеся болезни и ужасные условия содержания в тюрьме сломили его физически. Ученый умер 25 января 1942 года в застенках тюрьмы № 7 Кустаная, еще до оглашения приговора. Достоинство ушел Крымский, не оговорив ни себя, ни товарищей. Казахская земля стала его последней обителью. До сих пор место его захоронения не установлено. На сайте общества «Мемориал» указан 1957 г. реабилитации, тогда как украинские информационные сайты настаивают на 1993 г. реабилитации. Эти детали следует еще прояснить.

Между тем, роль А. Крымского в популяризации тюркских языков, этнографии, литературы и культуры в целом имеет непреходящее значение для казахской науки. К сожалению, репрессии и годы замалчивания заслуг ученого привели к тому, что его имя и труды практически мало известны исследователям.

Интересно, что современные биографы А. Е. Крымского не указывают этот труд тюрколога, ограничиваясь ремаркой, что после 1928 года его вовсе не печатали... Тем ценнее наша находка и как символ творческого союза тюркской, украинской и казахской интеллигенции.

Это стало возможным благодаря рассекречиванию архивных фондов и деятельности Госкомиссии по полной реабилитации жертв репрессий и массового голода. Госкомиссия в Казахстане создана по Указу Президента Республики Казахстан К. К. Токаева осенью 2020 года и продолжает работу, начатую в 1990-е годы.

Судьбы, труды, имена выдающихся людей науки, оказавшихся в ссылке в регионах Казахстана, подлежат реабилитации. Общество должно чтить их память и способствовать увековечиванию их имен и трудов, и в их числе – А. Е. Крымский, оставивший ценное заключение о казахской, тюркской литературе. В год 30-летия независимости Казахстана уместно вспомнить тех, кто своим авторитетом поддерживал и продвигал имидж и ценности тюркской культуры.

Исследование научного наследия А. Е. Крымского, неотъемлемой и важной частью которого является тюркология, продолжается учеными разных государств. 150-летие исследователя является основанием для мероприятий по увековечиванию его заслуг, как отметил Генеральный секретарь международной организации тюркской культуры ТЮРКСОЙ Д. К. Касеинов. Важно в перспективе переиздать все его работы по казахскому языку, устной и письменной литературе. На современном этапе развития мировой тюркологии наследие А. Е. Крымского имеет методологическую, историко-филологическую, историографическую и источниковедческую значимость.

Безусловно, обнаруженные «следы» межкультурных контактов востоковеда с мировым именем А. Крымского с казахской передовой интеллигенцией и проявленного им интереса к сфере литературы национальной республики имеют особое значение для развития культурных, научных и дипломатических связей братских народов.

Литература

1. Энциклопедический словарь товарищества «Братья А. и И. Гранат и К» / Под ред. В. Железнова, М. Ковалевского, К. А. Тимирязева. Т. 41. Ч. 10. Тунгусы – Тягомер. 7-е изд. М., 1931.

2. Первый Всесоюзный тюркологический съезд, 26 февраля – 5 марта 1926 г. Стенографический отчет. – 2-е изд. Алматы: Қазақ университеті, 2019. – 565 с.

3. Молодой Казахстан. – М.: Библиотека ж. «Огонек», 1928. Предисловие Смагула Садвокасова.

4. Записки Семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана. Вып. XVIII. Т. 1. – 1929. – Семипалатинск.

5. Соколов Ю. М. Русский фольклор. – М.: Госучпедгиз., 1941.

P. S. Переиздание книги имеет другие выходные данные:

Энциклопедический словарь Гранат. Том 41. Часть 10. Тунгусы – Тягомер. 8 стереотипное издание. М. редакция и экспедиция `Русского Библиографического института Гранат` 1920 – 1940 г. [6] с., 730 стлб. с ил.

Мәскеу қаласының архивтеріне археографиялық экспедициялар кезінде, автор түркітанушы, есімі әлемге жайылған ғалым – А. Е. Крымскийдің (1871–1942) Қазақ жері туралы бірегей құжаттары мен еңбектерін айқындады. 1930 жылдардың басында, А. Е. Крымский қазақтың ұлттық әдебиетіне жоғары баға берген. Мақала авторы қазіргі заманда методологиялық, тарихи-филологиялық, тарихнамалық және деректанушылық маңызы бар.

In the course of an archaeographic expedition to the archives of the city of Moscow, the author discovered unique documents and works of the world-renowned Turkologist, A. Ye. Krymsky (1871–1942) about the Kazakh land. In the early 1930s, A. Krymsky highly appreciated the Kazakh national literature. The author of the article analyzed Krymsky's works which have a methodological, historical, philological, historiographic and source study significance at the present time.

ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПУТЬ ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ К РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Национально-территориальное размежевание 1924 года в Центральной Азии, в результате которого путем административной реформы были созданы союзные и автономные республики, привело к установлению современных границ этнических общностей региона. Почти 70 лет спустя в пределах установленных советской властью границ после распада СССР при активном участии господствующих политических институтов и элит образовались отдельные независимые государства, начав тем самым новую страницу своей истории.

Некоторые российские исследователи отмечают, что страны региона, не имея традиций государственности и исторического опыта, обречены на полузависимое существование, исполняя волю более успешных держав. Но такой вывод исторически неверен. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в историю Центральной Азии, этой «*vagina gentium*» (Иордан) многих племен и народов. Новые государственные образования возникли не на пустом месте, а в результате кристаллизации и комбинации определенных этнических образований, состоявших между собой в определенных связях.

В то же время, на современном этапе своего развития страны Центральной Азии помимо создания и укрепления своих национальных институтов заняты также формированием своей национальной идентичности. За тридцать лет независимости процесс формирования национальной идентичности приобрел путь реинтерпретации истории, став одним из определяющих направлений политики стран региона. Данные процессы усиливаются также и тем, что в советский период прошлое этнических общностей подвергалось сильной деформации и искажениям.

Стремление человека, общности к изучению своей истории, обращение к ее истокам – это объективный процесс. Специфика истории, ее важная роль заключается в том, что на примерах общечеловеческих ценностей и богатой духовной культуры история, как правило, воспитывает стремление к созиданию. Поэтому знание истории своей страны и уважительное отношение к истории и культуре других стран формирует идентичность и во многом определяет жизненную ситуацию современности.

К сожалению, сегодня налицо ярко выраженная тенденция мифологизации древней и средневековой истории этнических общностей региона, когда игнорируются подлинные источники и научные методы исследований, создается псевдоистория, которая используется как «ресурс политики». Все более привычным, но далеко не нормальным явлением становится то, что авторы некоторых современных публикаций безудержно возвеличивают далекое прошлое своего народа и, напротив, целенаправленно принижают значение истории других народов региона, открыто отрицая какой-либо их вклад в развитие цивилизации.

Французский мыслитель Эрнест Ренан (1823–1892) в своем докладе «*Что есть нация?*», прочитанном им в Сорбонне 11 марта 1882 года отмечал, что «историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации, и потому прогресс исторических исследований часто представляет опасность для национальности» [1], поскольку разоблачает мифы и устраняет искажения прошлого.

Особо характерными являются национальные распри вокруг исторических позиций периода, предшествовавшего современности: представители разных наций ведут ожесточенные научно-политические споры о «национальной» принадлежности той или иной, например, археологической культуры. Но в связи с тем, что не известно ни одного доказательства о существовании языка людей, например, чьи могильники и посуда дошли до нас еще с глубокой древности, такого рода дискуссии оказывались бесполезными. Похожей дискуссии подвергся и вопрос, к какой нации принадлежали исторические личности (например, аль-Фараби, Ибн Сина, Юсуф Баласагуни, Ходжа Ахмед Ясави, Алишер Навои и др.), что является излюбленным предметом дискуссии националистов.

Обращение к «великим предкам» является, как правило, одним из ресурсов этнической мобилизации в борьбе за национальную государственность. Все это делает артикулированное отношение к истории (ключевым звеньям этнополитической истории) важнейшей частью этнической идентификации. Именно в таком ракурсе существует и функционирует идеологема «*национальная история*» в рамках национально ориентированных картин мира и в структурах ментальности [2].

Современные исторические исследования свидетельствуют о том, что Центральная Азия с древнейших времен была населена этническими общностями, как оседлыми, так и кочевыми, жившими вместе в тесном переплетении, взаимодействии и взаимовлиянии. Этнические общности Центральной Азии объединены общей историей и культурой и, несомненно, имеют и общее будущее, которое зависит от созидательной деятельности, интеграции и углубления сотрудничества. На современном этапе своего развития страны Центральной Азии делают первые шаги к построению будущего регионального сообщества, что обусловлено объективным общеисторическим процессом развития. Формирование регионального самосознания, освобожденного от категорий разделения на группы по признаку происхождения и сфокусированного на взаимодействие людей с различными взглядами на культуру, могло бы оказать позитивное воздействие на межнациональные отношения и способствовать разрешению региональных проблем.

Активизация двухсторонних отношений между государствами Центральной Азии прибавляет оптимизма тем экспертам, которые уверены в том, что будущее государств Центральной Азии напрямую зависит от процессов региональной интеграции, так как регион с древних времен представлял собой единую культурно-историческую зону, где на протяжении многих веков существовало единое политическое пространство. «Причем важную роль играло не только единство этнокультурных процессов, но и отсутствие внутренних границ, что обуславливало постоянные и широкомасштабные контакты внутри региона. Именно поэтому Центральная Азия всегда была самодостаточным и целостным регионом с четко выраженной спецификой культурно-исторических процессов» [3].

Для такого утверждения достаточно оснований. Расположенный на перекрестках маршрутов между Востоком и Западом, этот регион в течение многих столетий способствовал диалогу и взаимодействию культур, языков и религий вдоль Великого Шелкового пути. Поэтому пять основных стран региона – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан объединяет много общего в их истории, культуре и социально-политическом развитии.

По мнению известного казахстанского востоковеда, патриарха отечественного источниковедения Вениамина Юдина, «...Центральная Азия была особым узлом этногенетических процессов. Племена и народы здесь возникали, исчезали и вновь возникали в новом качестве. Связи и процессы эти были разнохарактерны и разнонаправлены, давали в разных пунктах Центральной Азии неодинаковый результат. Но главное в том, что это был особый центр, особая зона этногенеза, так же, как и разнообразных культурных, хозяйственных, политических, идеологических связей» [4].

Как мы видим, государства Центральной Азии обладают целым комплексом культурно-цивилизационных предпосылок интеграции, которые могут быть положены в основу региональных многосторонних взаимодействий. К сожалению, в условиях глобализации граждане Центрально-Азиатского региона «растеряли свое “я”», свою идентичность, несмотря на то, что «перед ними имеется достаточный выбор возможных источников идентификации отождествления себя с чем-либо или с кем-либо» [5]. Такая «размытая идентичность» привела к тому, что сознание значительного числа жителей региона оказалось фрагментированным, вследствие чего ответить однозначно на вопрос, кем они являются, превратилось в проблему.

Во многом прав Самюэль Хантингтон, когда он говорит, что культурная идентичность, включающая в себя языковую, национальную, религиозную, цивилизационную принадлежность, и территориальная идентичность, представленная в том числе регионом [6], выступает сегодня одним из важных элементов бытия современного общества и осмысливается как вся совокупность возможных ответов на вопрос: «Кто мы такие?» [7].

Вопрос С. Хантингтона, адресованный в адрес американской идентичности, как нельзя лучше характеризует кризис глобализирующегося мира, размываемого глубочайшими различиями в культуре, которые в эпоху «после идеологии» вышли на первый план. Именно поэтому для осуществления пути своего дальнейшего развития государства Центральной Азии должны прежде всего опираться на опыт предков, исходя из специфики и неимитируемого социально-психологического кода нации. Если прежде принадлежность к иным цивилизациям признавалась вопросом различия, то в настоящее время она становится центральным звеном мировоззрения. При этом «подлинными основами бытия ныне оказываются цивилизационные основания, т. е. группирование не против страны X, не за страну Y, не вокруг Z, а вокруг фактов своей истории и географии, в нише своей культурно-исторической, цивилизационной общности» [8].

Таких культурно-цивилизационных феноменов, определяющих специфику, сущность, единство и устойчивость центральноазиатской цивилизации, предостаточно. Однако с распадом СССР новые независимые государства Центральной Азии

решили пойти своим путем, развиваясь в пределах своих «национально-территориальных границ», периодически пытаясь создать региональные интеграционные структуры, которые фактически не имели эффекта, поскольку превалировали узконациональные интересы каждой из стран региона. Разнонаправленность и неадекватность экономических преобразований в большей мере обуславливала дезинтеграцию государств Центральной Азии.

Следует отметить, что дезинтеграция на региональном, локальном уровне служит причиной нарушения внутреннего равновесия открывающихся миру обществ. Ослабление и разрушение старых форм коллективной, этнической, территориальной и социальной идентичности в обществе закладывает основу для формирования новой структурной неоднородности и социальной дифференциации. Отсюда потребность не только в геополитическом и геоэкономическом, но и в ее культурно-цивилизационном измерении. Ее парадигму можно выделить словами Сейлы Бенхабиб: «Культура стала сейчас повсеместно употребляться синонимом идентичности» [9].

«Сидящая» в сознании центральноазиатского социума (прежде всего ее политической элиты) мысль о национальной идентичности во многом тормозит интеграционный процесс. Как мы можем наблюдать, процесс формирования национальных символов в государствах региона идет полным ходом. Причем вокруг них строится и универсальная идеология, способная сформировать широкую социальную базу существующих режимов.

Так, в Конституции Кыргызстана содержатся ссылки на героя национального эпоса – Манаса, который якобы (об этом говорится в эпосе) завоевал в свое время Бээджин (т. е. Пекин). Также можно упомянуть провозглашенные экс-президентами Кыргызстана Аскармом Акаевым и Алмазбеком Атамбаевым тезисы о «двух тысячах двухстах лет кыргызской государственности» и Кыргызском каганате, который объединил всех «от Байкала, Томска, Красноярска и доходил до Тибета, охватывая Центральную Азию» [10].

В Узбекистане с подачи Первого Президента Ислама Каримова на роль национального героя была выдвинута фигура Амира Тимура (Тамерлана), а созданная им империя была провозглашена основой узбекской государственности.

В Туркменистане вспоминают Парфянскую империю, на былое величие которой должна опираться страна.

В Таджикистане президент Эмомали Рахмон активно пропагандирует арийскую цивилизацию, стоящую у истоков современного таджикского государства, что рассматривается экспертами как попытка руководства Таджикистана создать в регионе альтернативную идею в противовес идее пантюркизма. Причем культурным символом таджикской цивилизации стал Исмаил Самани, основатель династии Саманидов (819–999). Важно отметить, что культурное объединение вокруг образа Саманидов выводит за рамки национальной культуры те неудобные символические элементы, которые подрывают таджикскую идентичность, а воссоздание прошлого, по мнению руководства этой страны, способствует становлению идентичности современного Таджикистана.

В Казахстане таким символом благодаря усилиям историков-дилетантов стал сам «Великий Потрясатель Вселенной» – Чингиз-хан. Если поначалу это вызыва-

ло улыбку со стороны профессиональных историков, то сегодня уже официальная власть заявила, что Золотая орда (прежде всего Улус Джучи) – это «золотая колыбель казахской государственности». Соглашаясь в какой-то степени с этим заявлением, тем не менее, поставим вопрос: как быть с теми территориями современного Казахстана, которые входили в тот период в состав других «родственных» государств: Улус Чагатай, Улус Угэдэя? Ведь впоследствии часть их территорий стала основой, фундаментом для формирования Казахского ханства (1465). В эту группу «исключенных» мы можем включить и период Кокандского ханства, когда территории современных Туркестанской и Кызылординской областей входили в ее состав, до их завоевания и включения в состав Российской империи.

Такие «игры патриотов», направленные на подъем национального самосознания, изучение национальной истории, безусловно, имеют право на существование. Однако для превращения Центральной Азии в современную региональную цивилизацию с целостной культурно-цивилизационной идеологией необходимо усилить аксиологический подход в интерпретации и рационализации народов региона своего места в истории. Для этого крайне необходимо опираться на признанную и выверенную идею историзма, исключая борьбу за звание «древнейшего», «культурнейшего» в традиционном, стандартизированном по западной модели цивилизационном проекте.

Мы не должны забывать, как отмечает современный российский историк Семён Экштут, что: «У истории есть свои точки разрыва, точки забвения, точки вытеснения исторической памяти. На её страницах наряду с неизученным и таинственным так много невысказанного и недоговоренного. Белые пятна чередуются с фигурами умолчания. Те и другие свидетельствуют о разрыве памяти. И далеко не всегда профессиональный историк способен сшить этот разрыв. Более того, иногда именно он – сознательно или бессознательно прибегая ко лжи и извращая исторические события, – усиливает этот разрыв и способствует окончательному вытеснению из мира нежелательных остатков недавнего прошлого» [11].

Поэтому насущной задачей культурно-цивилизационного развития стран региона на современном этапе является сохранение той системы ценностей, которую выработали в течение веков их предки, четко ответить на вопрос о будущем своих стран, вернуть базовые культурно-цивилизационные ориентиры, дать гражданам уверенность в завтрашнем дне.

Именно духовное и культурное наследие прошлого с точки зрения исторической перспективы и роли в интеграционных процессах должно способствовать осуществлению плодотворного диалога между народами Центральной Азии и способствовать региональной интеграции. Только в условиях жесткой борьбы экономических зон-цивилизаций выживают и успешны лишь крупные общности. Альтернативы интеграции государств Центральной Азии в природе просто не существует. Платформой объединения может быть общая региональная идентичность, своя культурно-цивилизационная общность и история.

В этом аспекте особо хотелось бы выделить мнение великого кыргызского писателя Чингиза Айтматова о том, что «историческая общность, языковое сходство, наличие общих традиций, обычаев дает нам неисчислимы возможности для того,

чтобы быть вместе и сообща строить новый мир, единое цивилизационное сообщество» [12].

Конечно же, региональная идентичность, тем более региональная интеграция не может быть осуществлена только потому, что кто-то так этого хочет. Она будет возможна только при наличии волеизъявления народов, ее населяющих. И не всегда она предопределена политическим или экономическими моделями. Необходимы новые формы политического мышления, ориентированного на высокие духовные идеалы, которые в противовес *«остужающей рациональности»* (Х. Ортега-и-Гассет) могли бы помочь в осуществлении идеи центральноазиатского единства.

Как показывают П. Франкенберг и Й. Шубауэр, региональная идентичность включает три основных элемента:

1. Когнитивный (познавательный), означающий, что граждане должны быть осведомлены о существовании своего региона и его географических пределах (это есть знание о «своем» и о «других» регионах с целью различения своей отличной истории, экономики и т. д.);

2. Аффирмативный (утвердительный), выступающий формой интерпретации когнитивного (познавательного) элемента и включающий набор эмоций относительно своего региона, а также то, в какой степени регион обеспечивает рамки общих эмоций и чувства солидарности.

3. Инструментальный, когда регион используется как база для социальной и политической мобилизации населения и коллективной деятельности [13].

Наиболее эффективным для реализации трех перечисленных направлений является использование средств массовой коммуникации (СМК), которые благодаря своим функциям: информационной, образовательной, аналитической и др. позволяют, *во-первых*, информировать граждан о состоянии региона, об историческом прошлом, культурных традициях, этно-национальных ценностях, таким образом конструируя представления о «своем» и «других» регионах у граждан; *во-вторых*, позволяют формировать набор эмоций относительно существующего положения дел региона как минимум, и как максимум – относительно самого региона в целом; информация позволяет влиять на умонастроения граждан, тем самым положительно влияя на консолидацию населения; *в-третьих*, осуществлять мобилизацию населения с помощью передаваемой информации, которая может иметь целенаправленное воздействие с определенным посылом, заданным в том числе и в рамках осуществляемой политики стран региона.

Таким образом, сохранение добрососедских отношений стран Центральной Азии во многом зависит от объективного подхода к общерегиональной истории. Современная реальность заключается в том, что не надо искать в истории, в событиях минувших веков все новые и новые аргументы и факты для взаимных упреков и обид. Эти события необходимо оценивать не с высоты сегодняшнего дня, а воспринимать объективно.

Только осознав себя единым целым, сформировав региональную идентичность, мы можем надеяться на дальнейшее развитие региональной интеграции. Совсем не случайно в принятом итоговом «Совместном заявлении Консультативной встречи Глав государств Центральной Азии» 29 ноября 2019 года в Ташкенте мы можем

прочитать: «Сложившаяся в Центральной Азии тенденция на региональное сближение – исторически обусловленная реальность. Современные реалии показывают востребованность и необходимость активизации и развития контактов между государствами региона через проведение регулярных встреч на высшем уровне. Активизация регионального сотрудничества в сферах политики, безопасности, сохранения стабильности и достижения устойчивого развития в регионе отвечает коренным интересам всех народов Центральной Азии, способствует еще большему укреплению братских связей между ними, служит полноценной реализации огромного экономического и цивилизационного потенциала Центральной Азии» [14].

К сожалению, сегодня история выступает всего лишь в качестве учебной дисциплины в контексте формирования нации. Историческая наука посвятила себя созданию исторической непрерывности, якобы уходящей в древность, престиж которой должен дать молодому поколению необходимое историческое самосознание. Обучение истории сосредоточено, как правило, на событийной истории, которая знакомит учащихся с великими правителями, некоторыми важными законами и договорами, значительными битвами и великими полководцами. В школах и вузах учащихся заставляют «зубрить» установленный список исторических имен, дат и фактов. О более глубоком понимании взаимосвязей исторического развития региона или о каком-то критическом подходе нет и речи. Можно ли при таком подходе говорить о возможности истории в конструировании региональной идентичности и интеграции? Конечно, нет, и естественно возникает классический вопрос: «Что делать?».

В первую очередь надо усилить научную ориентацию изложения истории, тем самым «вооружиться» против идеологического злоупотребления историей. Далее, необходима демократизация истории, которая сейчас понимается исключительно как дела «великих людей». Необходим критический подход к историческим источникам и описаниям, их интерпретации, аргументам и лозунгам. Кроме того, важную роль в преобразовании истории как дисциплины должно сыграть обращение к социальной истории, которая позволит по-новому взглянуть на материальную и духовную историю народов региона. При этом следует уйти от такого принципа, который высказал свое время французский историк Марк Ферро, когда исторические дискурсы, которые используются в разных странах для обучения молодежи, нередко трактуют одни и те же исторические факты по-разному в зависимости *от национальных интересов* [15].

Во внутрирегиональном контексте, когда политика наших государств направлена на достижение взаимопонимания, необходимо четко осознать факт того, что национальные учебные курсы по истории не должны изобиловать стереотипами, не отвечающими современной социокультурной действительности.

История государств Центральной Азии на фоне формирования их национальной идентичности должна сегодня изучаться в контексте происходящих интеграционных процессов в регионе, поскольку это не только безальтернативный путь к стабильности, прогрессу, экономической и военно-политической безопасности, но и к росту авторитета Центральной Азии в мировом сообществе.

Несмотря на политические границы, отделяющие страны Центрально-Азиатского региона, народы региона живут на одном культурно-цивилизационном про-

странстве, имеют общие традиции, культуру, религию и историю. Разделить историческое, культурное и цивилизационное наследие региона – невозможно. Это достояние принадлежит равно всему населению Центрально-Азиатского культурно-цивилизационного пространства. Формирование региональной идентичности – путь в направлении к новым идеям в отношении региональной интеграции, которая в свою очередь расширит наши представления относительно ее возможностей.

Стратегия культурной политики государств Центральной Азии, где история играет не последнюю роль, должна стать ключом к модернизации сообществ и государств региона. Именно культура может стать инструментом интеграции граждан региона в единую социальную среду, поскольку они имеют общую культурно-цивилизационную матрицу, отрицать которую было бы глупо.

Пандемия коронавирусного заболевания (COVID-19) и «эпидемиологический кризис, охвативший весь мир и относящийся одновременно и к сфере здравоохранения, к мировой экономике и системе региональной безопасности» [16], еще раз продемонстрировал, что страны Центральной Азии и регион в целом необходимы друг другу. Интеграция государств Центральной Азии – это не только безальтернативный путь к стабильности, прогрессу, экономической и военно-политической безопасности, но и к росту авторитета Центральной Азии в мировом сообществе и углублению интеграции на региональном уровне. Стремиться к этому, говорить об этом на экспертном и других уровнях необходимо, поскольку от этого во многом зависит ее будущее.

Литература

1. Ренан Э. Что такое нация? // Собрание сочинений в 12 томах / Пер. с фр. – Киев, 1902. – Т. 6. – С. 87–101.
2. Аблязов К. А. Историческая судьба татар. В 2 т. – Т. 1: От племени к нации. – Саратов: Научная книга, 2012. – С. 19.
3. История Казахстана и Центральной Азии: Учеб. пособие / Абусейтова М. Х. и др. – Алматы: Білім, 2001. – С. 5.
4. Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – С. 3.
5. Салихов Г. Г. Проблема идентичности в условиях глобализации // Век глобализации. – 2009. – №1 (7). – С. 123.
6. Хантингтон С. Кто мы: Вызовы американской национальной идентичности. – М.: АСТ, 2004. – С. 59.
7. Хантингтон С. Кто мы: Вызовы американской национальной идентичности. – М.: АСТ, 2004. – С. 35.
8. Уткин А. И. Атлантический и иные миры: цивилизационные барьеры // США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков / Под ред. А. И. Уткина. – М., 2000. – С. 21.
9. Бенхабиб С. Притязания культуры Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2003. – С. 34.
10. См.: Илларион Звягинцев. Кыргызское великодержавие: в прошлом или в будущем? // <http://polit.kg/2012/11/21/кыргызское-великодержавие-в-прошлом/>, 21.11.2012.

11. Аббасов Т. Великие пороги вечного мира (Интервью с Чингизом Айтматовым) // Журнал «Каспий Из». – 2008. 1 (9). Август – сентябрь. – С. 33.

12. Эжитут С. А. Битвы за храм Мнемозины: Очерки интеллектуальной истории. – СПб.: Алетейя, 2003. – С. 103.

13. Frankenberg P., Schuhbauer J. Raumbezogene Identitaet in der Geographie // In Bossong G., Erbe M., Frankenberg P., Grivel C. and Lilli W. (eds.) Westeuropaische Regionen und ihre Identitaet. Beitrage aus interdisziplinärer Sicht. – Mannheim: J&J, 1994. – P. 85–105.

14. Вторая консультативная встреча глав государств Центральной Азии. 29 ноября 2019 г. Ташкент, Республика Узбекистан. – Ташкент: НИЦ МКВК, 2019. – С. 35.

15. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Пер. с фр. – М.: Высшая школа, 1992. – 351 с.

16. Лаумулин М. Т. Центральная Азия в эпоху трансформации. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2020. – С. 10.

Мақалада Орталық Азия мемлекеттері ұлттық ұқсастылығының қалыптасу фонындағы тарихтарының проблемалары мен оларды зерттеу келешегі қарастырылады. Бұл проблеманың өзектілігі мынада: Орталықазиялық социумның (ең алдымен оның саяси элитасы) санасында интеграциялық үдерістерді тежейтін ұлттық ұқсастылық туралы ой тереңнен орын алған. Аймақ мемлекеттерінде ұлттық символдарды қалыптастару үдерісі бар қарқынмен жүріп жатыр. Соның айналасында бар режимдердің кең әлеуметтік базасын қалыптастыруға қабілетті амбебап идеология құрылуда. Орталық Азия мемлекеттері арасындағы екіжақты қатынастарды белсенділендіру аймақтық бірігу мәселелерін қайта жандандырады, өйткені, ол ерте замандардан бері, көптеген ғасырлар бойы біртұтас саяси кеңістіктегі бірыңғай мәдени-тарихи өңір болған. Осы контексте аймақтық бірлесуді құрылымдауда тарих мүмкіндіктеріне маңызды орын беріледі.

The article examines the problems and prospects of the formation of regional identity and the processes of regional integration in the context of studying the history of the Central Asian states. This problem seems to be relevant, since in the minds of the Central Asian society (primarily its political elite), the idea of national identity is still deeply seated, which hinders the integration process. In the states of the region, the process of forming national symbols is in full swing. A universal ideology is also being built around them, capable of forming a broad social base of existing regimes. The intensification of bilateral relations between the states of Central Asia again actualizes the issues of regional integration, since the region since ancient times was a single cultural and historical zone, where for many centuries there was a single political space. In this context, an important role is assigned to the possibilities of history in the construction of regional identity as a path to regional integration.

БҰҰ-ДАҒЫ 1993 ЖЫЛҒЫ ӘЗІРБАЙЖАН-АРМЯН ҚАҚТЫҒЫСЫ

1993 жылы Қарабақ қақтығысы жаңа күшпен қарқын алды. БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесіндегі жанжалдасушы тараптардың әрқайсысы екіншісін өздеріне қарсы агрессивті іс-әрекеттерде айыптап, олардың тараптары тек қорғаныс әрекеттерін жүргізіп жатыр деп мәлімдеді. Сонымен қатар, соғыс қимылдарының нәтижесінде армяндар Қарабақты және оған іргелес жеті ауданды басып алды, әзірбайжан елді мекендерінің, қалалар мен тұрғын үйлердің инфрақұрылымы қирады, көптеген адам қайтыс болды, әзірбайжан қалаларына таулы жерлер арқылы қар басқан жолдар бойымен босқындар мен ішкі қоныс аударушылардың үлкен ағымы келді. 1993 жылғы орасан зор гуманитарлық апат әзірбайжандықтардың ұжымдық жадында Қарабақ соғысының қайғылы оқиғаларының бірі болып сақталды.

1993 жылы 21 қыркүйекте америкалық және ресейлік делегация БҰҰ Қауіпсіздік кеңесінде Қарабақ бойынша Ресей Федерациясының президенті Б. Н. Ельцин мен Америка Құрама Штаттарының президенті Дж. Буштың бірлескен мәлімдемесін жариялады. Олар жанжалдасушы тараптарды қан төгісті тоқтатып оны саяси әдіспен шешуге, сондай-ақ қол жеткізілген бейбіт келісімдерді құрметтеуге шақырды [1, 2-б.].

Әзірбайжан президенті Абулфаз Елшібей екі ядролық алпауыт президенттерінің мәлімдемесіне назар салды, әзірбайжан халқы халықаралық ұйымдардың да, ірі мемлекеттердің де болып жатқан оқиғаларға деген әрекеттеріне өте наразы екенін білдірді. Президент А. Елшібей Арменияның ашық агрессиясы Қарабақтың таулы бөлігін басып алумен ғана емес, сонымен бірге Әзірбайжан аумағының басқа бөлігін – Лачинді, Қазақ ауданының бес ауылын, Нахшывандағы Кярки ауылын, Зангелан ауданының тоғыз ауылын басып алумен де дәлелденетінін атап өтті. Әрі қарай, ол бүкіл әлемдегі армян диаспорасының көптеген және ықпалды мүмкіндіктері туралы тақырыпты қозғады, оның пікірінше, олар басқаларға кінә тағуға, әлемдік қоғамдастықтың назарын болып жатқан жағдайдан алшақтатуға, әлемдік алпауыттардың саясатына әсер етуге тырысты. Мысал ретінде, Президент Елшібей АҚШ Конгресінің жауапты кезеңде Әзірбайжанға қажетті көмек пен қолдаудан айыру туралы негізсіз шешімін келтірді [2, 2-б.].

Осыдан кейін Ресей мен АҚШ президенттерінің бірлескен мәлімдемесіне Армения тарапының назары ілесті. Армения делегациясы «Таулы Қарабақ Республикасы» («ТҚР») мәлімдемесін таратып, оның басшылығы әзірбайжан тарапын делдалдардың жекелеген елдер мен халықаралық ұйымдардың мәселені бейбіт жолмен шешуге талпыныстарына тосқауыл қойды деп айыптады. Құжатта келіссөздер барысында «Республиканың өзін-өзі Қорғау Күштері» Әзірбайжанның «ТҚР» елді мекендерін «басып алудағы» әрекетін тоқтатқаны жайлы айтылды. Бұдан басқа, «ТҚР» ұлы алпауыттар өздерінің беделі мен ықпалын теңдестірілген және бейтарап ұстанымдардан алшақтауға мүмкіндік беретін елдерге әсер ету үшін пайдаланады деген үміт артты [3, 2-б.].

Әзірбайжан делегациясы «ТҚР» атауының таралуына наразылық білдіріп, Әзірбайжанда «ТҚР» сияқты әкімшілік-аумақтық құрылым жоқ екенін атап өтті. «ТҚР» атауы бар құжат Армения Республикасының БҰҰ-дағы өкілдігінің өтінші бойынша таратылды. Сондықтан Әзірбайжан тарапы оны Әзірбайжанның ішкі істеріне өрескел араласу деп санады, себебі мұны арменияның қарулы күштері басып алған Әзірбайжанның бір бөлігін – Қарабақ аудандары мен оған іргелес кейбір аумақтарды аннексиялауды заңдастыру мақсатында жасалды деп есептеді [4, 1-б.].

Қаңтар айының соңында армян делегациясы БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесінде Армения Республикасы Президентінің хатын тарату арқылы өз елінің блокадасы туралы еске салды. Армян деректеріне сәйкес, экономикалық шектеме орнатылғанға дейін барлық тауарлар мен материалдардың 85 пайызы, оның ішінде ел тұтынатын табиғи газдың 80 пайызы Арменияға Әзірбайжан арқылы келді. Сол кездерде шектемені Арменияның солтүстік көршісі – Грузия арқылы айналып өту әрекеттері ондағы азаматтық соғыстың жүріп жатуымен қиындады [5, 2-б.].

23 қаңтарда Грузияның ауылдық аймақтарының бірінде табиғи газды жеткізуді қамтамасыз ететін құбырдың бір бөлігі – Арменияны энергиямен қамтамасыз ететін соңғы артерия жарылғаннан кейін жағдай шиеленісе түсті. Құбырдың істен шығуы көлік жұмыстарының, өнеркәсіптік және ауылшаруашылық өндірісінің, соның ішінде наубайханалардың, коммуналдық қызметтердің және ауруханалар сияқты әлеуметтік қызметтердің қысқаруына немесе жойылуына әкелді. Сондықтан Армения үкіметі Әзірбайжан енгізген шектеуден туындаған Армениядағы дағдарыс туралы мәселені қарау үшін Қауіпсіздік Кеңесінің отырыстарын шақыруды сұрады [5, 2-б.].

Арменияның шектеуге қатысты мәселесін қарастыра отырып, Қауіпсіздік Кеңесі Армения мен Әзірбайжанның Нахшыван ауданына жеткізілімдер мен материалдар, әсіресе энергия үзілістерінің жойқын салдары бар екенін атап өтті. Қыстың қатал кезеңінде жеткізілімдегі үзілістер осы аймақтың экономикасы мен инфрақұрылымын күйретіп, аштықтың шынайы қаупін тудырды. Бұл жағдайды шешу үшін Қауіпсіздік Кеңесі көмек көрсетуге қабілетті барлық елдерді отын мен гуманитарлық көмек жеткізуді жеңілдетуге шақырды [6].

7 ақпанда Әзірбайжан Сыртқы істер министрлігі БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесіне армян экспедициялық корпусының бөлімшелері 6 және 7 ақпанда бронетехника мен ауыр артиллерияның көмегімен Әзірбайжан Республикасының Жоғарғы Қарабағының солтүстігіндегі жеті елді мекенді басып алғанын хабарлады. Армения аумағындағы шекаралас қазақ аймағының елді мекендері жойқын соққының астында қалғаны хабарланды [7, 2-б.]. Осылайша, Әзірбайжан тарапы өз елінің аумақтық тұтастығын бұзу жағдайларын тіркеп, оларды БҰҰ-ға тапсырып отырды.

Сонымен қатар Әзірбайжан делегациясы Ресей президенті Борис Ельцин әкімшілігінің Ресейдің посткеңестік кеңістіктегі бұрынғы саяси ықпалын қалпына келтіруге деген ұмтылыстарына қарсы тұруға тырысты. 1993 жылы 28 ақпанда Б. Ельцин «Азаматтық одақ» съезіндегі сөйлеген сөзінде «тиісті халықаралық ұйымдар, соның ішінде БҰҰ Ресейге бұрынғы КСРО аумағындағы бейбітшілік пен тұрақтылықтың кепілі ретінде арнайы өкілеттіктер беруі керек» деген идеяны алға тартты. Ресейге арнайы өкілеттіктер беру мүмкіндігі туралы мәлімдеме

Бакуде алаңдаушылық туғызды, себебі президент Елшібей әкімшілігі, бұл сөзсіз, жаңа егемен мемлекеттердің ішкі істеріне кедергі келтіреді және сайып келгенде олардың ұлттық тәуелсіздігі мен аумақтық тұтастығына қауіп төндіреді деп саналды. Әзірбайжан Ресейдің Минск келіссөз процесінің толық мүшесі ретінде ЕҚЫК шеңберіндегі армян-әзірбайжан қақтығысына қатысуын ұйымдастырды [8, 2-б.].

Абулфаз Елшібей әкімшілігі бейбіт келіссөздер қарсаңында және оны өткізу барысында Армения Республикасының жаңа Әзірбайжан аумақтарын басып алып, шабуыл әрекеттерін жасағанына назар аударды. Минск тобының кезектен тыс алдын ала жиналысына дейін армян әскерлері Әзірбайжан Республикасының аумағындағы жиырмаға жуық ауылды басып алды [9, 2-б.].

Сонымен бірге, Әзірбайжан Сыртқы істер министрі Тофик Ғасымов Минск конференциясы аясында армян-әзірбайжан қақтығысын шешуге ұмтылды. Ол Минск конференциясының басталуына дейін Таулы Қарабақты және Әзірбайжанның басқа да жақын аумақтарын толық демилитаризациялауды жүзеге асыруға үміттенді. Мұндай идеалистік көзқарас аймақтағы өмірді қалыпқа келтіруге және қоныс аударғандардың әскери күш қолдану мүмкіндігін жоққа шығарып, олардың тұрақты тұратын жерлеріне оралуына жағдай туғызады [10, 1-б.].

Әзірбайжан саясаткерлерінің көзқарасы бойынша, Армения басшылығы, негізінен, Әзірбайжан Республикасының аумағында Армения Республикасының қарулы күштерін де, олар қолдайтын Таулы Қарабақ армяндарының әскери құралымдарын да сақтап қалуға тырысты. Аймақтағы бұрыннан бар келе жатқан мәртебенің сақталуы армян қарулы күштерімен басып алынған Әзірбайжан аудандарын бақылауға алатынын білдірді. Қақтығыс аймағындағы мұндай әскери-саяси жағдай Минск конференциясында Әзірбайжан тарапына қысым көрсетуге мүмкіндік берер еді [10, 1-б.].

Осы уақытта армян-әзірбайжан қақтығысы аймағында соғыс қимылдары жалғасып жатты. Әзірбайжан делегациясының БҰҰ-дағы хабарламаларына сәйкес, 1993 жылы 27 наурызда Армения қарулы күштері Әзірбайжанның Келбаджар ауданына басып кірген. 1993 жылғы 27 наурыздан бастап Армения қарулы күштері Әзірбайжан Республикасы мемлекеттік шекарасының батыс және оңтүстік-батыс бөлігінде ауқымды шабуылға көшті. Шабуыл мемлекеттік шекараның батыс және оңтүстік-батыс бөліктерінің елді мекендеріне зымыран мен бомбалық соққылар беретін ауыр артиллерия мен жауынгерлік авиацияны қолдана отырып, бронетранспортерлердің қолдауымен жүзеге асырылады. Соңғы әскери соғыс қимылдары нәтижесінде Армения Әзірбайжанның 1000 шаршы км-ден аса аумағын басып алды, ал 1993 жылдың 3 сәуірінде облыс орталығы Келбаджар басып алынды. Сондай-ақ, хатта Арменияда орналасқан 7-ші орыс армиясының әскери қызметшілері армян бөлімшелерінің шабуыл операциясына қатысқаны хабарланды [11, 2-б.].

Армян тарапы, өз кезегінде, Еуропадағы қауіпсіздік пен ынтымақтастық жөніндегі кеңестің (ЕҚЫК) басшылығымен Женевада өткен бейбіт келіссөздерде Әзірбайжан тарапын аймақтағы атысты тоқтату мәселесінде конструктивті емес позиция ұстады деп айыптады [12, 2-б.].

Келбаджарда армян қарулы күштерінің кең ауқымды шабуылына байланысты Түркияның БҰҰ-дағы тұрақты өкілі Мұстафа Акшин БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесіне

60 000 адам қоршауға алынғанын, 28 әзірбайжан ауылының басып алынғанын, көптеген адам қаза тауып, мыңдаған әзірбайжандықтардың үйлерін тастап бара жатқандарын хабарлады [13].

Келбаджардағы босқындардың үлкен ағымы туралы хабар алған Бакудегі Босқындар істері жөніндегі Жоғарғы Комиссарының Басқармасы (БЖКБ) миссиясы соғыс қимылдарынан кейін бірден кенеттен туындаған төтенше жағдайды бағалау үшін Гәнжә мен Дашкесанға дала тобын жіберді. Босқындар мәселесі бойынша жағдайды бағалай отырып, далалық миссия төтенше көмек заттарына (көрпе, жылы шатырлар, ұйықтайтын сөмкелер және негізгі азық-түлік тауарларына) шамамен 5000 жер аударылған адам мұқтаж деген қорытындыға келді [14, 3-б.].

БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесімен хат алмасу кезінде әзірбайжан делегациясы 1993 жылы сәуірде Әзірбайжанның оккупацияланған аудандарында шоғырланған армян қарулы күштерінің шабуылдарының бағытын кеңейту туралы ескертті. Әзірбайжан мамандарының бағалауы бойынша, 200 мыңнан астам адам тұратын Физули, Джебраил, Кубатлин және Зангелан аудандары басып алу қаупіне ұшырады [15, 2-б.]. Әзірбайжандықтар Армяндардың өз жеріне шабуыл жасауын Арменияның Әзірбайжанға деген аумақтық дауымен түсіндірді [16, 1-б.].

Армян делегациясы, өз кезегінде, Бакуді 5 сәуірде Әзірбайжан әскерінің бөліктері Таулы Қарабақ шекарасын бұзып, Гадрут ауданының Тоғ ауылына қарай үлкен шабуыл ұйымдастырды деп айыптады. Армяндардың хабарлауынша, қарқынды зымыран-артиллериялық атыс екі түрлі бағытта жүргізілді: оңтүстіктен – Гадрут ауданының орталығы мен Эдилу ауылы, сондай-ақ солтүстіктен – Мардакерт ауданындағы Неркин-Хоратаг бағытында. Әзірбайжандық реактивті ұшқыш 5 сәуірде 16 сағат 30 м. Мартуни ауданының орталығына кассета бомбаларын тастады, нәтижесінде көптеген құрбандар зардап шекті. Әзірбайжан қарулы күштерінің шабуылдары және Лашын гуманитарлық дәлізін оңтүстік бағыттан артиллериялық атқылау адамдардың қозғалысына және дәліз арқылы жүк тасымалдауға айтарлықтай зиян келтірді [17, 2-б.].

Армян қарулы күштерінің өз аумағында кеңеюін тоқтата тұру үшін әзірбайжан басшылығы өз күш-жігерін БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесінің армян қарулы күштерін басып алынған аумақтармен шығаруды талап ететін қарар қабылдауына бағыттады. Әзірбайжан дипломаттары мұндай қарардың қабылдануы болашақта осындай агрессивті акциялардың қайталанбауына қызмет етеді деп санады, бұл өз кезегінде Минск тобының аясында ЕҚЫК қолдауымен келіссөздер процесін жалғастыруға жағдай жасар еді [18, 2-б.].

1993 жылы 30 сәуірде әзірбайжан делегациясының дипломатиялық күш – жігері сәтті болды – 822 (1993) қарары қабылданды, ол әзірбайжан бағалауына сәйкес «агрессорға өз күштерін Әзірбайжан Республикасынан тыс жерлерге шығарудан және экспансионистік саясатынан бас тартудан басқа жол қалдырмайды» [19, 2-б.].

Армения үкіметі 822 қарары қабылданғаннан кейін Келбаджардың бұдан былай халықтың қауіпсіздігіне және Таулы Қарабақ шекараларына қауіп төндірмейтініне нақты кепілдіктермен барлық әскери әрекеттерді дереу тоқтатуға шақырады деп мәлімдеді. Сонымен бірге, Әзірбайжан үкіметін ЕҚЫК қамқорлығындағы процесс аясында келіссөздерді қайта бастаудан бас тартып, 822 қарардың қаулы мен хат-

тарын ұстанбады деп айыптады. Сондықтан Әзірбайжан тарапының келіссөздер жүргізуден бас тартуы Армения мен Таулы Қарабаққа Қауіпсіздік Кеңесінің жоғарыда аталған талаптарын орындауға мүмкіндік беретін келісім жасасуға ықпал етпейді [20, 2-б.].

Қарардың қабылдануы кезінде халық пен Әзірбайжан армиясының қарулы күштерінің қатарында Қарабақ пен оған іргелес аумақтарды жоғалту жөніндегі саяси басшылығының әрекеттеріне наразылық күшейе түсті. Әзірбайжан армиясының полковнигі Сурет Гусейнов президент А. Елшібейге қарсы көтеріліс жасап, елдегі билікті тоқтатты. 1993 жылы 21 маусымда Әзірбайжандағы саяси оқиғаларды бақылаған Түркия президент А. Елшібейді «заңды түрде сайланған қатысушы мемлекеттің үкіметін демократиялық емес құралдармен құлатқан немесе құлатуға тырысқан жағдайда, біз БҰҰ Жарғысына сәйкес осы мемлекеттің заңды органдарын қатаң қолдаймыз...» деп мәлімдеді. Бұдан әрі Анкара «Президент Елшібей азаматтық соғыс пен қантөгісті болдырмау үшін астанадан кетуге мәжбүр болды, бірақ ол Әзірбайжанның заңды үкіметінің басшысы болып қала беретінін және күш қолдану қаупі оны өз орнын тастап кетуге мәжбүрлемейтінін» айтты [21, 2-б.].

Жаңа президент сайланғанға дейін президенттің міндетін атқарушы 1993 жылғы 2 шілдеде Әзірбайжан Республикасының Президенті және Әзірбайжан Республикасы Жоғарғы Кеңесінің Төрағасы Гейдар Алиевке берілді. Елдегі ішкі саяси жағдайды тұрақтандырып, Г.Алиев халықаралық қауымдастықты Әзірбайжанның ішкі және сыртқы саясаты өзгеріссіз қалады деп сендіруге асықты. Ол «теңдік пен өзара тиімділік негізінде құрылған шет елдермен экономикалық ынтымақтастық жалғасады және кейбір шетелдік компаниялармен қол қоюға арналған келісімдерге қатысты қабылданған міндеттемелер өркениетті нормалар аясында сақталады» деп уәде берді [22, 2-б.].

Әзірбайжандағы ішкі саяси дағдарысты пайдаланып, Армения Агдам, Физули, Джабраил, Кубатлы және Агдере қалаларына қарсы соғыс қимылдарын кеңейтті. 1993 жылғы 6–7 шілдеде жоғары сапардағы Ыстамбұл кездесуінде Әзірбайжан, Ауғанстан, Иран, Қазақстан, Қырғызстан, Пәкістан, Тәжікстан, Түрікменстан, Түркия және Өзбекстанның мемлекет немесе үкімет басшылары Арменияның Әзірбайжанға қарсы агрессиясын айыптады [23, 2-б.].

Агдамдағы армян қарулы күштерінің шабуылдарына, 1993 жылы 27 шілдеде Еуропадағы Қауіпсіздік және ынтымақтастық жөніндегі кеңестің Таулы Қарабақ жөніндегі Минск конференциясының төрағасы Марио Рафаэлли мынадай баға береді: «Мен Агдамды басып алу Таулы Қарабақ армяндарының қақтығысты бейбіт жолмен шешуге деген бұрынғы сенімдеріне мүлдем қайшы келетінін, атап айтқанда Агдамды иемденуге ниеті жоқ екенін атап өткім келеді. Ол, сондай-ақ менің Агдам аймағындағы күштері шабуылды жалғастырғысы келмейтіні туралы мәлімдемемді жоққа шығарады, сондықтан олар өздерінің ұстанымдарын тазартуға болмайтын миналармен қоршады (сондықтан олар менің Агдам-Степанакерт жолымен жүру туралы өтінішімнен бас тартты). Агдамды басып алуды өзін-өзі қорғау тұрғысынан ақтауға болмайды: мен бұл жерге өзім бардым, және менің және менің миссия мүшелерімнің көргендеріне қарап, Агдам Таулы Қарабақ үшін үлкен әскери қауіп төндірмеді деп санаймын» [24, 3-б.].

Жаңа аумақтық шығындарға байланысты Әзірбайжан Республикасының басшылығы БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесіне агрессияны болдырмауға бағытталған барлық шараларды қабылдауға шақырды. Қауіпсіздік кеңесі 29 шілдеде шұғыл отырыс шақырып, онда 853 қарар қабылданды [25, 2-б.].

Әзірбайжанның тұрақты өкілі Гасан. А.Гасанов армян әскерінің іс-әрекеттері мыңдаған адамдардың тұрақты тұрғылықты жерлерінде жинаған барлық заттарын тастап, республика жолдарын толтырып, онсыз да саны миллионға жақындап келе жатқан босқындардың үлкен армиясын толтырды деп мәлімдеді [26, 1-б.].

Минск тобы 1993 жылғы 9–11 қыркүйек аралығында Мәскеуде және 22–28 қыркүйек аралығында Парижде бейресми кеңестер өткізгеннен кейін армян-әзірбайжан қақтығысындағы қысқа мерзімді үзіліс орнады. Бұл кеңестер қақтығысушы тараптар арасында 12 және 13 қыркүйекте Мәскеуде, сондай-ақ 24 қыркүйекте Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығы елдері басшыларының кездесуіне дейін және одан кейін тікелей байланыстар жүргізуге мүмкіндік берді. Тараптар атысты 5 қазанға дейін тоқтату туралы келісті [27, 1-б.].

Алайда атысты тоқтату ұзаққа созылмады. Сонымен Әзірбайжан хабарламаларына сәйкес, 1993 жылы 24 қарашада Армения Республикасы Қарулы Күштерінің бөлімшелері бұрын өздері басып алған Әзірбайжанның Джебраил ауданының аумағынан шабуылға шықты. Ұрыс қимылдары барысында армян әскері Әзірбайжан Республикасының Иран Ислам Республикасымен шекарасының 161 шақырымын басып алып, Иранмен еркін сауда жүргізу мүмкіндігін қамтамасыз етті [28, 2-б.].

1993 жылы Қарабақтағы және оған іргелес жатқан аумақтардағы соғыс туралы баяндаманың соңында Әзірбайжанның уақытша өкілі Яшар Т. Алиевтің: «...әзірбайжан аумақтарының 20 пайыздан астамын басып алды. Армян қарулы күштерінің «этникалық тазарту» саясатының нәтижесінде 18000-нан аса адам қаза тапты, 50 000-ға жуық адам жарақат алды немесе мүгедек болды, 4000 адам ұсталды немесе тұтқынға алынды, миллионға жуық әзірбайжандар өз елінде босқын болды; оккупацияланған аумақтарда тұратын барлық әзірбайжандар жойылу қаупіне байланысты мекендерін тастап кетуге мәжбүр болды; 88000 тұрғын үй, 1000-нан аса жер аударылған кәсіпорындар, 250-ден астам мектеп, 250 медициналық мекеме қирады немесе өртенді» [29, 2-б.].

Жоғарыда аталған оқиғаларға сүйене отырып, автор 1993 жылы ЕҚЫК шеңберіндегі Минск келіссөздері және БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесінің екі қарарының қабылдануы соғыс қимылдарын тоқтатуға және Әзірбайжанның аумақтық тұтастығын қалпына келтіруге ықпалын тигізбеді, керісінше Арменияға Әзірбайжан аумағында кеңеюін тереңдетуге және көшбасшылардың назарын келіссөздер кезіндегі қақтығыстың өзінен алшақтатуға мүмкіндік берді деп болжайды. Алайда, болашақта БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесінің осы екі қарары Әзірбайжанға халықаралық құқық мәселелері бойынша Армениямен ақпараттық соғыс жүргізе отырып, өзінің аумақтық тұтастығын қалпына келтірген кезде косымша моральдық құқық береді.

Әдебиеттер

1. Система официальной документации Организации Объединенных Наций (СОД). Письмо Постоянных представителей Российской Федерации и Соединен-

ных Штатов Америки при Организации Объединенных Наций от 21 января 1993 года на имя Генерального Секретаря // <https://undocs.org/ru/s/25148>

2. СОД ООН. Письмо Постоянных представителя Азербайджана при Организации Объединенных Наций от 12 января 1993 года на имя Председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25143>

3. СОД ООН. Письмо Постоянных представителя Армении при Организации Объединенных Наций от 22 января 1993 года на имя Председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25142>

4. СОД ООН. Письмо Постоянных представителя Азербайджана при Организации Объединенных Наций от 28 января 1993 года на имя Председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25186>

5. СОД ООН. Письмо Постоянных представителя Армении при Организации Объединенных Наций от 27 января 1993 года на имя Председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25181>

6. СОД ООН. Записки Председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25199>

7. СОД ООН. Письмо Постоянных представителя Азербайджана при Организации Объединенных Наций от 8 февраля 1993 года на имя Председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25254>

8. СОД ООН. Письмо Постоянных представителя Азербайджана при Организации Объединенных Наций от 12 марта 1993 года на имя Председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25408>

9. СОД ООН. Письмо Постоянных представителя Азербайджана при Организации Объединенных Наций от 15 марта 1993 года на имя Председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25418>

10. СОД ООН. Письмо Постоянного представителя Азербайджана при ООН от 29 марта 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25483>

11. СОД ООН. Письмо Постоянного представителя Азербайджана при ООН от 5 апреля 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25526>

12. СОД ООН. Письмо Постоянного представителя Армении при ООН от 1 апреля 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25510>

13. СОД ООН. Письмо Постоянного представителя Турции при ООН от 3 апреля 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25524>

14. СОД ООН. Доклад Генерального секретаря в соответствии с заявлением Председателя Совета Безопасности в связи с ситуацией в отношении Нагорного Карабаха // <https://undocs.org/ru/s/25600>

15. СОД ООН. Письмо Постоянного представителя Азербайджана при ООН от 13 апреля 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25599>

16. СОД ООН. Письмо Постоянного представителя Азербайджана при ООН от 14 апреля 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25602>

17. СОД ООН. Письмо Постоянного представителя Армении при ООН от 17 апреля 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25626>

18. СОД ООН. Письмо Постоянного представителя Азербайджана при ООН от 25 апреля 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25664>

19. СОД ООН. Письмо Постоянного представителя Азербайджана при ООН от 4 мая 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25724>

20. СОД ООН. Письмо Постоянного представителя Армении при ООН от 12 мая 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25776>

21. СОД ООН. Письмо Постоянного представителя Турции при ООН от 22 июня 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/25987>

22. СОД ООН. Письмо Постоянного представителя Азербайджана при ООН от 7 июля 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/26057>

23. СОД ООН. Письмо Постоянного представителя Азербайджана при ООН от 9 июля 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/26067>

24. СОД ООН. Письмо Постоянного представителя Азербайджана при ООН от 28 июля 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/26184>

25. СОД ООН. Письмо Постоянного представителя Азербайджана при ООН от 2 августа 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/26228>

26. СОД ООН. Письмо Постоянного представителя Азербайджана при ООН от 15 августа 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/26307>

27. СОД ООН. Письмо Постоянного представителя Италии при ООН от 1 октября 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/26522>

28. СОД ООН. Письмо Временного поверенного в делах Постоянного представительства Азербайджана при ООН от 26 ноября 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/26805>

29. СОД ООН. Письмо Временного поверенного в делах Постоянного представительства Азербайджана при ООН от 2 декабря 1993 года на имя председателя Совета Безопасности // <https://undocs.org/ru/s/26805>

The article examines the policy of Azerbaijan and Armenia in the United Nations Security Council on the issue of the ownership of Karabakh and the seven adjacent territories of Azerbaijan. Letters from officials of the two warring countries, notes from the UN Secretary General and the President of the Security Council, as well as documents from other interested parties provide an opportunity to trace the course of hostilities in 1993, describe the alleged places and number of victims, refugees, internally displaced

persons, assess the reaction of the presidents of countries to the escalation conflict, consider the impact of internal and external factors on the continuation of the regional conflict.

В статье рассматривается политика Азербайджана и Армении в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций по вопросу о принадлежности Карабаха и семи прилегающих к нему территорий Азербайджана. Письма официальных представителей двух враждующих стран, записки Генерального секретаря ООН и Председателя Совета Безопасности, а также документы других заинтересованных сторон предоставляют возможность проследить ход боевых действий в 1993 году, описать предполагаемые места и количество жертв, беженцев, внутреннеперемещенных лиц, оценить реакцию президентов стран на эскалацию конфликта, рассмотреть влияние внутренних и внешних факторов на продолжение регионального конфликта.

**ҰЛЫ ДАЛАНЫҢ МӘДЕНИЕТІ МЕН ТАРИХЫ ТУРАЛЫ
МӘЛІМЕТТЕРДІ БАТЫС ЕУРОПА ЖӘНЕ ШЫҒЫС
ДЕРЕККӨЗДЕРІНЕН АЛУ**

Ғылыми айналымдағы дереккөздерде Орыс ханның саяси аренадан қалай кеткені туралы жазылған нақты мәлімет жоқ. Оның өлімі туралы «ол өз ажалынан өлді» деген пікір қалыптасқан. В. П. Юдиннің бұл мақаласы Өтеміс қажының «Шыңғыс-наме» атты еңбегінде айтылған Орыс ханның өліміне қатысты деректемені зерттеуге арналған. Мақалада автор Орыс ханның Тоқтамыс ханмен арадағы кезекті бір қанды шайқас кезінде опат болғаны жөніндегі мәліметті кешенді түрде талқылаған. Сонымен қатар ол айтулы тарихи еңбек ұсынған бұдан басқа мәліметтерге талдау жасай отырып, Орыс хан тұсындағы Шығыс Дешті Қыпшақтағы саяси жағдай, Дешті Қыпшақ көшпенділерінің әскери ісінің тарихы, биліктегі тұрақсыздықтың тарихи себебі т.б. бірқатар келелі мәселе бойынша маңызды тұжырымдама жасаған.

**В. П. ЮДИН
ОРЫС ХАННЫҢ ҚАЗАСЫ ЖӨНІНДЕГІ БЕЛГІСІЗ ДЕРЕК
(ШЫҒЫС ДЕШТІ ҚЫПШАҚТЫҢ XIV ҒАСЫРДАҒЫ
САЯСИ ТАРИХЫНАН)**

Жошының екінші ұлы – Батудың ұрпақтары, Алтын Орданың соңғы хандары Жәнібек пен Бердібек өлгеннен кейін, Алтын Орда иеліктерінде, Дешті Қыпшақта 20 жылдан аса уақыт аласапыран болды. Зерттеушілер, әдетте осы жылдар ішінде Сарайда 25-тен астам хан алмасты дегенді айтады. Шығыс Дешті Қыпшақ, яғни Қазақ даласы Сарайдан біршама бұрынырақ бөлінген тәрізді. Алайда мұнда да тыныштық болмады. Түрлі топтар билік үшін күресіп жатты. Әр топтың басында Жошының балаларының ұрпақтары тұрды. Жеке-леген дереккөздердің мәліметтері бойынша Жошының ұлдарының санының өзі 18-ге дейін жетеді. Олардың бірге күш жұмсауының салдарынан Батудың ұрпақтары түгел қырылды. Осыдан кейін Шығыс Дешті Қыпшақта саяси аренаға шығуға таласқан Жошының бесінші баласы Шайбан мен он үшінші баласы Тоқа-Темірдің ұрпақтары қалған кез туды. Аталған мерзімде Шығыс Дешті Қыпшақтың билігінің тізгіні Тоқа-Темірдің ұрпағы, Бадықтың баласы Орыс ханның қолына көшті.

Шығыс Дешті Қыпшақтың айналасындағы елдердегі саяси жағдай Орыс хан үшін қауіпті еді. Батыс Дешті Қыпшақта тайпа көсемі Мамай күшейіп келе жатты. Сарайда хандар үнемі алмасып, Шығыс Дешті Қыпшақта Алтын Орданың билігін қалпына келтіруге тырысқан әрекеттер толастамады. Мәскеулік Русь

дәуірлей түсті. Орта Азияда Әмір Темірдің салтанат құрар уақыты жақындап келе жатты. Моғолстанда Шағатай ұрпағы Тұғлық-Темір хан күшейді. Осындай жағдайда Шығыс Дешті Қыпшақтың өз ішіндегі күштер – Жошы ұрпақтары, тайпа көсемдері және тағы басқалар Орыс ханға қарсы әрекет етті. Дәл осы күштер Орыс ханның Шығыс Дешті Қыпшақты біріктірсем деген талпынысын жүзеге асыртпай, ақырында Орыс ханды өлтіріп тынды.

Ғылыми айналымға енген дереккөздер Орыс ханның саяси аренадан қалай кеткені жөнінде жартымды ештеме айтпайды. Мысалы, ол өзінің ажалынан өлді деген дерек айтылады. Бірақ бұған Өтеміс қажының «Шыңғыс-намесі» секілді шығарманың мәліметі қайшы келеді. Бұл шығарманың дерегі бойынша Орыс хан Тоқтамыспен қақтығыста өлтірілген. Тоқтамыс та Тоқа-Темірдің ұрпағы болатын. Оның әкесі Той-Қожаны өзіне бағынбағаны үшін Орыс хан өлтірген еді. Айтуға қарағанда, Маңғыстау мұрагерлік жолмен Той-Қожаға тиесілі болған. Тоқтамыстың Дешті Қыпшақтан Мауераннахрға, Әмір Темірге қашып барғаны белгілі. Әмір Темір Тоқтамысты Орыс ханға қарсы күреске пайдаланды. Темір мен Орыстың арасындағы күрес ымырасыз болды. Бұл күрес негізінен Сырдария төңірегіндегі аймақтарда өрістеді. Әмір Темірдің Тоқтамысқа бірнеше рет көмектесіп, адамдар мен қару-жарақ бергені дереккөзден мәлім. Алайда, бізге мәлім деректер бойынша, Орыс үнемі Тоқтамысты жеңіп отырған. Тоқтамыс тек Орыс Күлік даласында талқандалған Мамайды жеңген соң өлгеннен кейін ғана «Сайынның тағына» орнығып, Шығыс және Батыс Дешті Қыпшақты уақытша біріктірді.

Өтеміс қажының мәліметтері осы оқиғаларға қосымша сәуле түсіреді. «Шыңғыс-наме» моңғолдардан кейінгі кездегі Дешті Қыпшақтың тарихынан далада ауыздан-ауызға көшіп, ұрпақтан ұрпаққа берілген қара сөздерде – аңыздарда сақталған тарихнамалық дәстүр негізінде көрсетуге талпыныс жасайды. Бұл, мысалы, Темір ұрпақтарының тарихнамасынан мүлдем ерекше дереккөз. Оның деректері – Дешті Қыпшақ тұрғындарының өздерінің өткендері жөніндегі жады. Жоғарыда аталған оқиғалар «Шыңғыс-наменің» баяндауында қандай болып көрінеді? Дереккөз мынандай жайларды хабарлайды.

Тоқтамыс Темірден қолдаушы пана тауып, бірнеше рет Орысқа қарсы күресті өрістетуге күш салды, бірақ соның бәрінде де күйрей жеңіле берді. Оны көздеген мақсаттарына жеткізетін қабілетті көсем деп таныған, Орысқа наразы жастар оның төңірегіне жиналып, қолдап бақты. Бірақ жастардың қолдауы Тоқтамысты жеңіске жеткізе алмады. Жеңіске ол өзбек тайпаларының кейбір көсемдерімен, яғни қолында нақты билік бар адамдармен келісімге келу арқылы жетті. Тоқтамыс Дешті Қыпшақтың ірі төрт тайпасының басшыларымен байланыс орнатты. Бұлар оған бұрынғы аталарының заманында еншіге бөлінген тайпалар еді, сондықтан олардың дәстүрлі көмегіне ие болуға Тоқтамыстың «тарихи» құқығы болыпты-мыс. Екі жақ келісімге келіп, Орысқа қарсы күрестің жоспарын бүге-шігесіне дейін талқылайды. Бұл жоспар бойынша осы төрт тайпа жайлауға көше бастау жөнінде Орыс ханнан хабар алысымен, әдеттегідей, көше жөнелмей, мүмкіндігінше кешеуілдете беруге тиіс. Бұлай істеудің себебі,

жайлауға неғұрлым кеш көшіп келген тайпалар шөбі шүйгін орталық жайылымдардан алыстап, өзен бойы жайылымын қуалай орналасуға мәжбүр болатын. Алайда астыртын сөз байласқандар дәл осыны көздеген еді. Өйткені оларға шабуылға шығар сәтте орталықтағы хан көшінен шалғайда болу – ойлағандарын жүзеге асыруға мүмкіндік беретін. Бәрі де сол жоспарланғандай болды да.

Тайпалар жайлауға көшіп болған кезде Тоқтамыс айтылған тайпалардың орналасқан жеріне жасырын келеді. Дайындық жұмыстарын бітірген соң, тайпалар Тоқтамыспен бірге Еділге қарай тік көтеріле көше бастайды. Тайпалар бала-шағаның, мал-мүліктің жағдайымен айдаған малға ілесе, арбамен көшкен еді. Соған байланысты қанша асыққанмен, көш қозғалысының қарқыны мандымады. Бүлікші тайпалардың бөліне көшкені туралы хабарды алысымен, Орыс хан жедел қуғыншыларды ұйымдастырып, өзінің жанында бар адамдармен атқа қонды. Сонымен бірге жан-жақтағы тайпаларға шапқыншы жіберіп, олардың өз адамдарымен келіп, қашқандарды жазалау шарасына қатысуын талап етті. Алайда, олар малдың семіріп кеткенін, мұндай ұзақ жүріске жарамайтынын сылтауратып, бұл шараға қатысудан жалтарып бақты. Сол себепті Орыс хан қашқандарды тек өзі күшімен ғана қууға мәжбүр болды. Ол қашқандарға түнде жетеді. Бірақ күтпеген жағдай болады: Орыс ханның қасындағылардың саны қашқандардың қару ұстайтындарының санынан аз еді. Мұны Орыс хан біледі, бірақ қашқандар жағы білмейді. Сол себепті Орыс хан жедел шабуылға шығуға шешім қабылдайды. Өйткені, таң ағарысымен мұның күшінің аздығы бірден көзге түсіп, қарсыластар мұның талқанын шығарар елі. Тоқтамыс пен тайпа көсемдері өз кезегінде Орыс хан басым күшпен келді, сөзсіз қырыламыз деп ойлайды. Осы жағдайда олар кетіп бара жатқан тайпаларды Орыстан қорғап, мүмкіндіктері келгенше оның шабуылын тойтара тұруға шешім қабылдайды. Алайда ұрпақтарын сақтап қалу мақсатында олар өз беттерінше ерге отыратын ұлдарды бөліп алып, оларға түн құшағында байқатпай шығып кетіп, қауіпсіз қашықтықта болуын тапсырады. Егер жауынгерлік ұраннан әкелерінің жеңгенін білсе, олар келіп өз тобына қосылуға, керісінше жағдайда, түн қараңғылығын жамылып қашып, әрқайсысы өз беттерінше күн көруге тиіс болады. Балалардың арасында Тоқтамыстың 12 жасар ұлы Жалал ад-дин және Тоқтамыстың бас серігі Шырын тайпасының көсемі Ұрық-Темірдің ұлы Жақсы-Қожа бар еді.

Орыс хан өз адамдарымен лек-легімен келіп, Тоқтамыстың адамдарын бірнеше рет шабуылдап, қарсыластар қатарына садақ оғын жаудырады. Қарсыластары да оларға солай жауап береді. Жалал ад-дин мен оның жолдастары өз кезегінде Орыс хан әскерінің бір қанатына шабуылдауға ұйғарып, лап береді. Жалал ад-диннің атқан жебесі әлдеқалай Орыс ханға тиіп, ол содан қаза табады. Орыс ханның жақтастары қараңғыда өз басшыларының өлгенін де білмей, Жалал ад-диннің тосын шабуылынан кейін үрейге беріліп, шайқас алаңын тастай қашады. Тоқтамыс өзінің адамдарымен, балаларымен еш кедергісіз Еділге қарай кетеді. Осы кезден бастап «Орыс ханды Жалал ад-дин өлтірді» деген ақиқат өзбектер арасында кең тараған. Өтеміс қажы хатқа түсірген дала аңызы осындай, ал бұған сенбеске әзірге бізге ешқандай себеп жоқ.

Осы бір шағын, жасандылығы жоқ сияқты әңгіме, тосыннан қарағанда, Дешті Қыпшақ хандарының тарихынан азғантай ғана фактіні Орыс ханның қаза табу жағдайын ғана нақтылайтын тәрізді. Алайда бұлай деп тұжырым жасау дұрыс болмас еді. Өйткені дереккөз генеалогия сияқты көмекші тарих пәні бойынша біздің мағлұматымызды нақтылай түседі. Егер генеалогияның мән-мағынасы, соңғы уақытта маңызды ғылыми пән делініп ақталып, оның проблематикасын жете зерттеудің Русьтегі және тіпті батысеуропалық елдердегі (көптеген генеалогиялық анықтамалықтар мен зерттеулері бар) тарихи процестің мәніне тереңірек бойлау үшін елеулі маңызы бар деп мойындалып отырса, онда бұл орайда әлі түк істелмеген Еуразия даласының тарихы бойынша генеалогиялық зерттеулердің маңыздылығы туралы айтпаса да болады.

Алайда Орыс ханның өлімі жөніндегі әңгіменің (тіпті «Шыңғыс-наме» мәтінінің түгелге жуығының) маңызы бәрінен бұрын жаңа генеалогиялық деректерде емес, оның деректері арқылы бірнеше, тосын дерлік тұжырымдар жасауға болатындығында.

Солардың тек кейбіреулерін алға тартып көрелік.

1. Орыс ханның қазасы туралы әңгімені талдау арқылы Дешті Қыпшақ даласында өзіндік тарихнамалық дәстүрдің болғанын білуге болады. Бұл дәстүр ұрпақтан ұрпаққа ауызша көшіп отырған. Оның өзіне тән кейбір қырлары көрінеді. Ол жекелеген адамдар мен оқиғалар туралы әңгіме түрінде өмір сүрді, хронологиялық тәртіппен құрылып, ретімен және үзіліссіз қатар түзіп, далалық ауызша тарихтық білім болды, оны даланың ауызша тарихнамасы деп атауға да болады. Соңғысы (далалық ауызша тарихнама) өзінің ерекшелігіне қарамастан, негізінде жазбаша тарихнаманың жүйелік-құрылымдық принциптеріне бағынған. Хронологиялық «олқылықтар» мен біржақтылық, анахронизмдер (бір заманда болған оқиғаны екінші заманға қатеден апару), таңдаушылық, бір оқиғаны әр адамға қатысты айту – біріншісі екіншісінен принципті айырмашылық танытпайды. Ауызша тарихнаманың мерзімдік тереңдігі Шыңғыс хан дәуірінің оқиғалары. Бірақ бұл ерекшелік те принципті емес: феодализм дәуірінің көптеген «ұлттық» жазба тарихнамалары мерзім есебіне бұдан әрі тереңдеп бара бермейді. Әрбір мұндай әңгіме «Жалал ад-дин Орыс ханды өлтірді» деген сияқты қысқа түйінделіп отырды, тарихи сипаттағы мәтел болғандықтан, оқиғалардың халықтың жадында сақталып қалуына, аңыз-әңгіменің бастамасы мен соны болуға қызмет етті. Ауызша тарихнама дерегі нақтылығының жоғары дәрежесі соның негізінде құрылған жазба дереккөздерінің деректерімен, басқа негіздегі тарихи шығармалар мәліметімен сабақтастыра салыстырғанда барып анықталады.

2. Далалық ауызша тарихнаманы тек Дешті Қыпшақ тұрғындарының әлеуметтік жадының бір түрі деп қана емес, көркемсөз өнерінің, халықтың ауыз әдебиетінің ерекше түрі деп те түсіндіруге болады. Орыстың қазасы жөніндегі әңгіме тек тарихнамалық құндылық қана емес, сонымен бірге, сөз жоқ, ол эстетикалық қызмет те атқарды. «Шыңғыс-наменің» осы секілді басқа аңыз-әңгімелерінің мұндай қасиеті ерекше анық және нақты көрінеді.

Олар моральдық-этикалық тұрғыда сезім бояуына боялып, өткірлене түскен. Олар кейде жырмен өріліп («Шыңғыс-намеде» оның үзінділері берілген), аңызды ажарландыра түседі, ал аңыз, өз кезегінде, олардың қайдан шыққанын түсіндіреді. «Шыңғыс-намеде» келтірілген XIV ғасыр жырының бір үзіндісі – Алтын Орда тағына таласқан Шайбан ұрпағы Каанбайға арналған сатира. Оның келекелі мінездемесі, дала поэзиясына тән тұспал сөздермен мәнерленген. Шамасы, арғы тегін Дешті Қыпшақ тайпаларынан бастайтын, қазақтардың және басқа халықтардың көбіне тарихнамалық өзгеріс пен біздің заманымызға жеткен батырлық жырлары мен ауызша халық шығармашылығының басқа да эпикалық жанрлары осындай поэзиядан өркен жайса керек.

3. «Қара сөз» XVI және одан кейінгі ғасырларда, негізінен, түрік тілдерінде жазылып, біздің заманымызға жеткен шығармалардың негізі болып, олардың мазмұнын, ерекше құрылымын, бейнелеу-мәнерлеу құралдарын және т. б. анықтады. Дешті Қыпшақ және көрші елдер тарихы бойынша, соған сай Қазақстан тарихы бойынша жазба нарративтік дереккөздердің құрамында олар осы себепті ерекше, өзіне тән топ құрады. Мұны ескермейінше Орта Азияның, Қазақстанның, бүкіл Дешті Қыпшақтың және кейбір көрші елдердің тарихы бойынша жазбаша нарративтік дереккөздерді қанағаттанарлық дәрежеде топтастыру мүмкін емес. Сондай-ақ бұл шығармаларды тарихи-көркем шығармашылықтың жемісі деп те қарауға болады. Сол себепті оларды қатаң тарихнамалығына қарамастан, көркем әдебиет тарихымен де байланыстыруға болады (әрине, ортағасырлық тарихшылардың шығармаларына қатаң тарихнамалық деген анықтама шартты түрде берілетінін есепке алғанда). Мұндай шығармалардың қатарына Мұхаммед Шайбани ханның «Тауарих-и гузида-йи нұсрат-намесін», Өтеміс қажының «Шыңғыс-намесін», Қадырғали би Жалайырдың «Жами'ат-тауарихын», Әбілғазы ханның «Шаджара-йи түрк ва моғолын» және басқаларды жатқызуға болады.

4. Орыс хан билігі кезеңіндегі Шығыс Дешті Қыпшақтағы жағдай сырт жұрттың оның билігін танығанына қарамастан, тұрақсыз болғандығымен сипатталады.

5. Тұрақсыздық Жошының басқа ұрпақтарының (бұл арада Токтамыстың) билікке таласуынан туындады.

6. Тұрақсыздық сондай-ақ жоғарғы ханға қарсы күреске бастауға қабілетті тұлғаның төңірегіне топтасқан және оның сыртындағы әлеуметтік күшке айналған «риза емес жастардың» болуынан да туындады. «Риза емес жастар» ханға қарсы бағытталған әрекеттерге тікелей қатысты, яғни ханға қарсы соғысты.

7. Тұрақсыздық тайпалардың оқшаулануымен күшейе түсті, бұған олардың өздерін билеуге Жошының белгілі бір ұрпағы өкілінің ғана «тарихи» құқығы бар деп білуі негіз болды. Мұндай тайпалардың Жошының басқа ұрпағының қол астында жүруі заңға қарсы іс деп танылып, олардың оған бағынбауы үшін жеткілікті негіз ретінде қабылданды. Мұндай заңдық құқықтық көзқарастың түп негізі Шыңғыс ханның тайпаларды өзінің ұлдары мен немерелеріне бөліп берген тарихи актісі еді.

8. Дәстүрлі құқықты бұзып өз үстемдігін орнатқан ханға қарсы тайпалар күресінің бір түрі бөлініп көшіп кету болды. Сөйтіп бөліне көшу XIV ғасырда әділетсіздікке қарсы күрестің өзекті бір түрі болып қала берді.

9. Орыс ханның өзінің қол астындағы барлық тайпалары түгіл, тіпті олардың бір бөлігінің де наразылығын басып тастауға жеткілікті мәжбүрлеу күші болмады. Оның ақыры өзінің қаза табуына әкеп соқты. Мұны тек белгілі бір принциптер нетізінде хан мен тайпалар қарым-қатынасының уағдалы шарттары негізінде ханға ерікті түрде жәрдемдескен басқа тайпалардың көмегімен ғана жүзеге асыруға болатын. Тайпалар шайқас алаңының шалғайлығы, болмаса алысқа асығыс жетуге аттың маусымдық жарамсыздығы (аттың семіріп кетуі) деген секілді, орынды деп саналатын себептерді көлденең тартып, Орыс ханға әскер күшін беруден бас тарта алатын еді. Осы сияқты Тоқтамыстың күштілігі де оны қолдаған тайпалардың күшіне тәуелді болды.

10. Тайпалардың қыстаудан жайлауға көшуінде бұлжытпай сақталған кезектілік болған жоқ. Олар көшуді хан тарапынан берілер хабардан бұрын не кейін өз қалаулары бойынша бастай алды. Жайлауға бұрын көшіп барған тайпалар өзеннің бойынан өздеріне тиімді жайылымдарды иеленді, ал кейін көшкендерге ешкім иеленбеген жердің жайылымдары тиді. Солай болғандықтан, жайылымдарды бөлудің қатаң тәртібі болған жоқ, кім бұрын барса, сол жақсы жайылымға ие болды.

11. Орыс ханның қазасы туралы әңгіме Дешті Қыпшақ көшпелілерінің әскери ісінің тарихы бойынша бағалы дереккөз. Тәуліктің қолайлы кезін (түн) шабуылдаушы жақ өздерінің санының аздығын жасыру үшін пайдаланды. «Атты» және «жебелі» шайқас болды. Ол шабуылдаушы жақтың майдан даласы бойынша созылған дүркін-дүркін шабуылынан құралды. Шегінген салт аттылар жиыны өз кезегінде соғысуға шамасы жоқ тайпаластары кеткен арбаларды бүкіл ұрыс бойы қорғай шегінуді жалғастырып отырды. Ұрыс жүргізу үшін қажетті қашықтыққа жетіп, лап қойған шабуылшылар жебені қарша жаудырады. Сол бетінде «бәрі кенеттен» бұрылып, қарсыластар қатарын бойлай оқ жаудырған қалпы шегініп кетеді. Бұдан кейін бәрі осылай қайталана береді. Ұрыстың тағдырын бұл арада «тасадағы полктің» қызметін атқарған балалардың қарсыластар қанатына тосыннан жасаған шабуылы шешті. Шабуылдаушылар да, қорғанушылар да өз ұрандарын айтып, сол арқылы қалыптасқан жағдай туралы хабар береді, бұл және байланыстың бір түрі еді. Ұрыста ар-намыс заңы үстемдік ететін. Мысалы, шайқас барысында аты оққа ұшқан Ұрық-Темір ащы айқаймен Тоқтамысқа екеуінің арасында жасалған шартты ұмытқанын есіне салады. Тоқтамыс Ұрық-Темірге оралып, «бейтарап аумақта» жаяу қалған оны көтеріп артына мінгестіріп, «өздеріне» жеткізуді ардың ісі деп есептейді.

12. Дешті Қыпшақ тұрғындарында өмір сүрген ортасына сай көшпелі мал өсірушілер қоғамының шаруашылық-тұрмыстық рет-жөнін көрсететін ерекше халық күнтізбесінің болғаны анық. Осы күнтізбеде жайлауға көшу және жазғы көшуді өткізудің маусымы көрсетілген. Соңғының шеңберінде «аттардың семіріп, адамдардың той тойлап, қымыз ішетін» кезеңі ерекше

бөлінген. Бұлайша саралау халық күнтізбесінің жалпы құрылысын бірден анықтауға мүмкіндік береді. Біріншіден, негізгі бірлік – көшудің қысқы және жазғы маусымдарының болғанын пайымдауға болады. Маусымдық көшудің бірінен екіншісіне ауысу кезеңі ерекше көрінеді. Мұның өзі жылдық өндірістік-тұрмыстық циклдің бөлінуінің бірінші деңгейі болды. Негізгі маусымдардың ұсақ бөліністері болды, мұны жазғы көшу кезеңі маусымының шеңберінде «Ат семірген» дейтін кездің болатыны дәлелдейді. Бұл – күнтізбенің екінші деңгейі. Ауызша тарихнамаға негізделген дереккөздерді зерделеу, сөз жоқ, Шығыс Дешті Қыпшақ тұрғындарының халықтық мал шаруашылығы күнтізбесін толығырақ қалпына келтіруге мүмкіндік береді.

Баспаға дайындаған Ж. ОШАН

З. С. ТАБЫНБАЕВА

**ЛЕТНЯЯ ШКОЛА «ПИСЬМЕННЫЕ И ВИЗУАЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИЗУЧЕНИЯ»**

18 июня 2021 г., г. Алматы

18 июня 2021 г. Республиканским информационным центром по изучению исторических материалов при Институте востоковедения им. Р. Б. Сулейменова была проведена Летняя школа на тему «Письменные и визуальные исторические источники по истории и культуре Центральной Азии: состояние и перспективы изучения», посвященная памяти казахстанского востоковеда Вениамина Петровича Юдина.

Известный в мировом научном сообществе востоковед Вениамин Петрович Юдин (1928–1983 гг.) внес весомый вклад в развитие казахстанского источниковедения. Им подготовлено более 100 уникальных научных трудов в области источниковедения, этимологии этнонимов, политической и этнической истории казахов, уйгуров. Особое место в творчестве и жизни В. П. Юдина занимают исследования истории и культуры Казахстана, Центральной Азии и, шире, стран Востока. Этой проблематике были посвящены его уникальные труды: «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи, «Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений)», «Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда» и др.

Развитию востоковедения, в частности источниковедения в Казахстане способствовала работа В. П. Юдина, проводимая в Обществе охраны памятников истории и культуры Казахстана. Он был членом Президиума общества, председателем секции востоковедения. По его инициативе была учреждена Постоянная востоковедная археологическая экспедиция и разработана программа маршрутов в различные центры архиво- и рукописохранилищ. Результатами экспедиций явились сбор рукописных и архивных материалов (Ташкент, Душанбе, Санкт-Петербург, Омск, Оренбург, Томск и др.), а также выявление и приобретение восточных рукописей по истории Казахстана в республике и за ее пределами. Собранные экспедициями материалы представляют собой нередко уникальные источники по истории и культуре Казахстана. Общественная деятельность В. П. Юдина также была подчинена цели изучения и популяризации востоковедных памятников по истории и культуре Казахстана.

Вениамин Петрович отдавал должное проблемам нострагического языкознания, интересовался кечуа, языком индейцев Боливии, Перу и Эквадора. Он овладел им,

работая с изданиями на испанском-кечуа, используя словари испанско-кечуа, кечуа-испанские, англо-кечуа, кечуа-английские. В итоге составил кечуа-русский словарь на несколько тысяч слов. В то время в науке применялся антропологический подход (внешнее описание человека) к исследованиям. У Вениамина Петровича к изучению истории был особенный подход. В своих изысканиях он широко использовал знание языков, по крупинкам, тщательно собирал всевозможную информацию из разных оригинальных рукописей, предметов археологических раскопок и пр. Для раскрытия вопроса он изучал разноплановый, широкий спектр информации и образовывал многослойный и широко освещенный пласт одной темы. В. П. Юдин был первым человеком, который использовал подобный метод исследования в науке.

Нарративные и визуальные исторические источники формируют национальную, культурную и гражданскую идентичность общества, общественное мнение, отношение к прошлым и современным событиям, тенденциям и личностям. В рамках Летней школы участники познакомились с разнообразными методами прочтения исторических документов, архивных материалов и визуальных источников; современными подходами к их интерпретации; способами сохранения информации в цифровую эпоху.

Участники Летней школы получили возможность прослушать лекции ведущих специалистов в области источниковедения, востоковедения, истории, археографии, музейного и библиотечного дела. Лекторы – известные ученые поделились своим практическим опытом изучения и анализа исторических источников, методами и подходами, что, несомненно, будет полезно молодым археографам.

В ходе Летней школы были приглашены ведущие зарубежные специалисты – востоковеды и источниковеды. Дина Ахметжановна Аманжолова, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия), выступила с лекцией «Власть документа. Архивные источники и реконструкция прошлого (на примере истории движения Алаш)», Ильдус Котдусович Загидуллин, заведующий отделом новой истории Института истории им. Ш. Марджани, доктор исторических наук, профессор (Россия), прочел лекцию «Документы по истории мечетей в фондах Государственного архива Республики Татарстан», Саламат Касымбекович Малабаев, и. о. доцента Бишкекского государственного университета им. Х. Карасаева, факультета востоковедения и международных отношений, кафедры Истории Кыргызстана и зарубежного Востока, кандидат исторических наук (Кыргызстан) осветил тему «Архивные источники по истории Кыргызстана XX века».

С докладами выступили ведущие казахстанские ученые: Меруерт Хуатовна Абусеитова, директор Республиканского информационного центра по изучению исторических материалов при Институте востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, член-корреспондент НАН РК, профессор, доктор исторических наук (Казахстан), тема «Методология и методика изучения письменных и визуальных источников»; Калкаман Турсунович Жумагулов, доктор исторических наук, академик, профессор, директор Республиканского научно-исследовательского центра «Изучение всемирной истории» Казахского национального университета им. аль-Фараби, (Казахстан) – «Редкие письменные источники Ватикана по древней и средневеко-

вой истории Казахстана»; Махсат Алпысбесулы Алпысбес, профессор кафедры истории Казахстана Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор исторических наук (Казахстан) – «Наследие В. П. Юдина в контексте изучения истории Казахстана по сравнительным данным материалов тюркских шежире»; Гульмира Усенбаевна Орынбаев, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, кандидат исторических наук (Казахстан) – «Практические принципы этнографических исследований в западной социокультурной антропологии»; Кайрат Шакаримович Алимгазинов, заместитель директора Архива Президента Республики Казахстан, доктор исторических наук (Казахстан), тема «Вклад археографических комиссий отечественных архивов в изучение истории Казахстана в XX в.».

Представленные доклады показали, что глубокое изучение исторических письменных источников, рукописей, артефактов и других материалов, относящихся к материальному и нематериальному наследию народов Великой степи, имеет огромное значение. Исторические материалы позволяют интерпретировать и воспринимать исторические факты под новым углом зрения, таким образом дополняя понятия культурной идентичности, как в научном, так и в практическом измерениях.

Видеозапись Летней школы «Письменные и визуальные исторические источники по истории и культуре Центральной Азии: состояние и перспективы изучения» можно посмотреть, перейдя по ссылке https://youtu.be/TfsZsG_nkp0

Мақалада 2021 жылы 18 маусымда Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты жанындағы Тарихи материалдарды зерттеу жөніндегі республикалық ақпараттық орталық өткізген ақпарат берілген. Бұл ақпарат қазақстандық шығыстанушы Вениамин Петрович Юдинді еске алуға арналған «Орталық Азия тарихы мен мәдениеті туралы жазбаша және көрнекі тарихи дереккөздер: зерттеу жағдайы мен болашағы» тақырыбында Жазғы мектеп өткізілгенін баяндайды. Жазғы мектеп кезінде қатысушылар тарихи құжаттармен; мұрағат материалдары мен визуалды дереккөздерді оқудың әртүрлі әдістерімен; оларды түсіндіруге арналған заманауи тәсілдермен танысты.

The article provides information on the event held by the Republican Information Center for the Study of Historical Materials at R. B. Suleimenova Institute of Oriental Studies. The summer school on the topic: «Written and visual historical sources on the history and culture of Central Asia» was dedicated to the memory of the Kazakh orientalist Veniamin Petrovich Yudin. During the Summer School, the participants got acquainted with: historical documents; various methods of reading archival materials and visual sources; in modern ways, designed to explain them.

ИНФОРМАЦИЯ ПО ПОЕЗДКЕ В БЕЛЬГИЮ

Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК с 2015 г. активно участвует в международной программе Erasmus+. На основе Соглашения об обмене студентами и сотрудниками, каждый год PhD докторанты и сотрудники Института востоковедения имеют возможность посетить Католический университет Лувэн (Бельгия) для обмена опытом и знакомства с новыми методами и подходами в изучении гуманитарных дисциплин, а также для организации и проведения совместных проектов. Бельгийские коллеги и докторанты также приезжают в Институт востоковедения для проведения совместных семинаров и мастер-классов, полевых исследований.

В июле 2021 г. профессор М. Х. Абусейтова и к. полит. н. Н. Ж. Шаймарданова посетили Католический университет Лувэн, который находится недалеко от Брюсселя в городке Лувэн-ла-Нёв (Louvain la Neuve). В ходе поездки удалось поработать в библиотеке самого университета, которая включает большое количество уникальных научных изданий, опубликованных в ведущих издательских домах начиная с 70-х годов XX века. Кроме того, библиотека университета имеет доступ к JSTOR (Journal STORage) – это цифровая база данных полнотекстовых научных журналов и книг по гуманитарным специальностям на европейских языках.

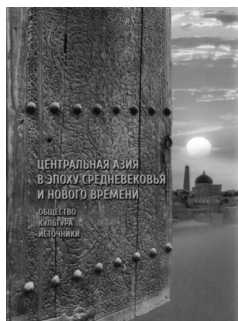
В это же время в Лувен-ла-Нёв по программе Erasmus+ находились профессора из вузов, научных институтов, музеев Молдавии, Боснии и Сербии. Новые научные контакты с учеными – историками, археологами, антропологами, культурологами из стран Восточной Европы важны для расширения сфер исследований и будущих возможных совместных проектов.

На международном семинаре в Католическом университете Лувэн профессор М. Х. Абусейтова выступила с докладом на тему «Программа “История и культура Великой степи”: итоги и перспективы будущих исследований», где подробно рассказала о важных итогах и открытиях, сделанных в ходе выполнения трехлетней междисциплинарной программы, а также описала дальнейшие научные планы работы Института востоковедения по исследованию Казахстана как значимой части евразийского пространства. В ходе активной дискуссии присутствующих ученых были выявлены актуальные направления для совместной научной работы.

2021 жылдың шілде айында профессор М. Х. Әбусейітова мен с. ғ. к. Н. Ж. Шаймарданова Лувен католик университетінде (Бельгия) болды. Сапар барысында университет кітапханасында жұмыстар жүргізіліп, халықаралық семинарда баяндама жасалып, бірлескен ғылыми жұмыстардың өзекті бағыттары айқындалды.

In July 2021, Professor M. Kh. Abusseitova and Candidate of Political Sciences N. Shaimardanova visited the Catholic University of Louvain (Belgium). During the trip, they worked in the university library, presented a report at an international seminar, and identified relevant areas for joint scientific.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ: ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА, ИСТОЧНИКИ [Текст]

Под редакцией Д. Алимовой, Ф. Шварц. Рецензенты: В. Фурньё, Х. Гуламов. Ташкент: Akademnash, 2019. 496 с. ISBN 978-9943-5929-2-6

Книга является результатом совместной работы исследователей ряда Узбекистана, России, Казахстана, Таджикистана, США, Франции, Австрии, Германии, занимающихся изучением проблем истории Центральной Азии. Это первое издание, объединяющее современных специалистов различных периодов, принадлежащих к разным научным школам, оказалось благоприятным в раскрытии многих еще не изученных вопросов средневековой истории народов Центральной Азии, а также нового времени.

Авторы выражают свое мнение о проблемах историографии и источниковедения, а также вносят новые коррективы в историю региона и историю культуры его народа.

Книга рассчитана на специалистов, историков и широкий круг читателей, интересующихся историей Центральной Азии.

Книга издана в рамках договора о научном сотрудничестве между Институтом истории Академии наук РУз и Институтом иранистики Академии наук Австрии.

ОРТА ҒАСЫРЛАР ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ ЗАМАНДАРДАҒЫ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ: ҚОҒАМ, МӘДЕНИЕТ, ДЕРЕККӨЗДЕР [Мәтін]

Редакциясы: Д. Алимова, Ф. Шварц. Рецензенттері: В. Фурньё, Х. Гуламов. Ташкент: Akademnash, 2019. 496 б. ISBN 978-9943-5929-2-6

Осы кітап – Орталық Азия тарихы проблемаларын зерделеумен айналысатын Өзбекстан, Ресей, Қазақстан, Тәжікстан, АҚШ, Франция, Австрия, Германия тәрізді бірқатар ел зерттеушілерінің бірлесіп жүргізген жұмысының нәтижесі. Өртүрлі ғылыми мектептерге жататын, әртүрлі кезендерді зерттейтін қазіргі заманғы мамандардың басын біріктіретін бірінші басылымның Орталық Азия халықтарының ортағасырлық тарихының, сондай-ақ, жаңа уақыттың әлі де зерделенбеген көптеген мәселелерін ашуда құнды болып шықты.

Авторлар тарихнама және деректану проблемалары жайындағы пікірлерін білдіріп, сонымен қатар, аймақ тарихы мен оның халқының тарихына жаңа түзетулер енгізеді.

Кітап мамандар мен тарихшыларға, Орталық Азия тарихына қызығатын оқырман қауымға арналған.

Кітап ӨзР Ғылым академиясының Тарих институты мен Австрия Ғылым академиясының Ирантану институты арасындағы ғылыми ынтымақтастық туралы келісімшарт аясында басып шығарылды.

**CENTRAL ASIA IN THE MIDDLE AGES
AND MODERN TIMES: SOCIETY, CULTURE,
SOURCES [Text]**

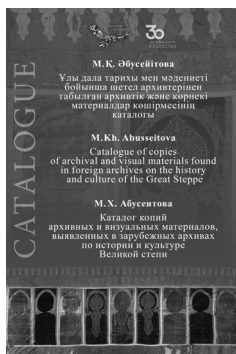
Edited by D. Alimova, F. Schwartz. Reviewers: V. Fourneux, H. Gulamov. Tashkent: Akademnash, 2019. 496 p. ISBN 978-9943-5929-2-6

The book is the result of the joint work of researchers from a number of countries: Uzbekistan, Russia, Kazakhstan, Tajikistan, the USA, France, Austria, and Germany studying the problems of the history of Central Asia. This first edition uniting modern specialists of different periods, belonging to different scientific schools, turned out to be favorable in revealing many still unexplored issues of the medieval history of the peoples of Central Asia, as well as modern times.

The authors express their opinion on the problems of historiography and source studies, and make new adjustments to the history of the region and the history of the culture of its people.

The book is aimed at specialists, historians and a wide range of readers interested in the history of Central Asia.

The book was published within the framework of an agreement on scientific cooperation between the Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan and the Institute of Iranian Studies of the Academy of Sciences of Austria.

М. Қ. Әбусейітова

**ҰЛЫ ДАЛА ТАРИХЫ МЕН МӘДЕНИЕТІ БОЙЫНША
ШЕТЕЛ АРХИВТЕРІНЕН ТАБЫЛҒАН АРХИВТІК
ЖӘНЕ КӨРНЕКІ МАТЕРИАЛДАР КӨШІРМЕСІНІҢ
КАТАЛОГЫ**

Құрастырған З. С. Табынбаева. Алматы: «Шығыс пен Батыс», 2021. 128 б.

Каталогта «Мәдени мұра», «Халық тарих толқынында», «Архив – 2025» мемлекеттік бағдарламалары аясында, ҚР БҒМ ҒК Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты жанындағы Тарихи материалдарды зерттеу бойынша республикалық ақпараттық орталығының шығыстанушылары шетелдік архивтер, кітапханалар мен мұражайлардан әкелген архивтік және көрнекі материалдардың көшірмелері ұсынылған. Каталог Ұлы дала тарихы мен мәдениетінің Бірінші көрмесіне және Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдығына арналған.

Архивтік құжаттар мен визуалды артефактілер әлемдік тарихпен өзара байланыс, өзара әрекеттестік, сабақтастық тұрғысынан қазақ мемлекеттілігінің тарихын зерттеуге жағдай жасайды.

Каталог шығыстану, тарих, антропология саласындағы мамандарға, сондай-ақ, қазақ мемлекеттілігінің тарихына, Ұлы дала тарихы мен мәдениетіне қызығушылық танытатын оқырман қауымға арналған.

М. Kh. Abusseitova

**CATALOGUE OF COPIES OF ARCHIVAL
AND VISUAL MATERIALS FOUND IN FOREIGN
ARCHIVES ON THE HISTORY AND CULTURE
OF THE GREAT STEPPE**

Composer Z. S. Tabyimbaeva. Almaty: «Shygys pen Batys», 2021. 128 p.

The catalogue contains copies of archival and visual materials from foreign archives, libraries and museums under the state programs «Cultural Heritage», «People in the Flow of History», «Archives – 2025» identified by orientalists of the Republican Information Center for the Study of Historical Materials at R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies MES RK. The catalogue is dedicated to the First Exhibition on the History and Culture of the Great Steppe and the 30th Anniversary of the Independence of the Republic of Kazakhstan.

Archival documents and visual artifacts contribute to the study of the history of Kazakh statehood in the context of world history in interconnection, interaction, continuity.

This catalogue is for specialists in the field of oriental studies, history, anthropology, as well as everyone interested in both the history of Kazakh statehood and the history and culture of the Great Steppe.

М. Х. Абусейтова

**КАТАЛОГ КОПИЙ АРХИВНЫХ И ВИЗУАЛЬНЫХ
МАТЕРИАЛОВ, ВЫЯВЛЕННЫХ В ЗАРУБЕЖНЫХ
АРХИВАХ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ**

Составитель З. С. Табымбаева. Алматы: «Шығыс пен Батыс», 2021. 128 с.

В каталоге представлены копии архивных и визуальных материалов из зарубежных фондов по государственным программам «Культурное наследие», «Народ в потоке истории», «Архив – 2025», выявленных востоковедами Республиканского информационного центра по изучению исторических материалов при Институте востоковедения им. Р. Б. Сулейменова МОН РК. Каталог посвящен Первой выставке по истории и культуре Великой степи и 30-летию Независимости Республики Казахстан.

Архивные документы и визуальные артефакты способствуют исследованию истории казахской государственности в контексте мировой истории во взаимосвязи, взаимодействии, преемственности.

Каталог предназначен специалистам в области востоковедения, истории, антропологии, а также всем интересующимся как историей казахской государственности, так и историей и культурой Великой степи.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР

Әбусейітова Меруерт – ҚР БҒМ ҒК Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты жанындағы Тарихи материалдарды зерттеу бойынша республикалық ақпараттық орталығының директоры, ҚР ҰҒА корреспондент мүшесі, профессор, тарих ғылымдарының докторы

Әуезов Қабдол – Жезқазған тарихи-археологиялық музейінің «Тарих және археология» бөлімінің басшысы, тарих ғылымының магистрі

Байдаров Еркін – ҚР БҒМ ҒК Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының жетекші ғылыми қызметкері, философия ғылымдарының кандидаты

Бағдад Дүйсенов – ҚР БҒМ ҒК Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының аға ғылыми қызметкері

Еженханұлы Бақыт – профессор, тарих ғылымдарының докторы, Қытай классикасы ғылымдары мектебі, Жэньмин университеті, Пекин / Алтаистика және түркология орталығы, Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан

Ермұқанов Бейімбет – профессор, тарих ғылымдарының докторы

Малабаев Саламат – Х. Қарасаев атындағы Бішкек мемлекеттік университеті шығыстану және халықаралық қатынастар факультетіндегі «Қырғызстан және Шетелдік Шығыс тарихы» кафедрасының оқытушысы, тарих ғылымдары кандидаты

Медерова Дина – тарих ғылымдарының кандидаты, ҚР БҒМ ҒК Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының аға ғылыми қызметкері

Мирзаев Джалалитдин – Термез мемлекеттік университетінің доценті, тарих ғылымдарының кандидаты (Өзбекстан)

Молотова Гүлбахрем – ҚР БҒМ ҒК Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты Ұйғыртану орталығының әдебиеттану және тіл білімі бөлімінің меңгерушісі, филология ғылымдарының кандидаты, доцент

Молотова Эльвира – ҚР БҒМ ҒК Р. Б. Сүлейменов атындағы Ұйғыртану орталығы Әдебиеттану және тіл білімі бөлімінің аға ғылыми қызметкері

Морякова Малика – ҚР БҒМ ҒК Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының кіші ғылыми қызметкері

Мұқанова Гүлнар – тарих ғылымдарының кандидаты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің профессоры

Нұрманова Айтжан – тарих ғылымдарының кандидаты, ҚР БҒМ ҒК Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының жетекші ғылыми қызметкері

Оразбаева Алтайы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, М. В. Ломоносов атындағы ММУ Қазақстандық филиалы директорының орынбасары

Оспанов Нурлан – ҚР БҒМ ҒК Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының ғылыми қызметкері

Ошан Жанымхан – тарих ғылымдарының кандидаты, ҚР БҒМ ҒК Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының бөлім меңгерушісі

Табынбаева Зәуре – тарих ғылымдарының кандидаты, ҚР БҒМ ҒК Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының аға ғылыми қызметкері

Тоқтабаева Шайзада – ҚР БҒМ ҒЗИ Шығыстану институтының бас ғылыми қызметкері, тарих ғылымдарының докторы, доцент

Шаймарданова Назигүл – ҚР БҒМ ҒК Р. Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының жетекші ғылыми қызметкері

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Abusseitova Meruert – Director of the Republican Information Center for the Study of Historical Sources, R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Corresponding Member, Professor, Doctor of Historical Sciences

Əuezov Kabdol – Head of the department «History and Archeology» of Zhezkazgan History and Archeology museum, Master of History

Baydarov Erkin – Lead Research Fellow R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies CS MES RK, Candidate of Philosophical Sciences

Dyusenov Baghdad – Senior Research Fellow, R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies

Ezhenkhan-uli Bakhyt – Professor, Doctor of Historical, Sciences School of Chinese Classics, Renmin University, Beijing / Center of Altaistica and Turkology, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan

Irmukhanov Baimbet – Professor, Doctor of Historical Sciences

Malabayev Salamat – Lecturer at the Department of History of Kyrgyzstan and the Foreign East, Faculty of Oriental Studies and International Relations, Bishkek State University named after Kh. Karasaeva, Candidate of Historical Sciences

Mederova Dina – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies

Mirzaev Jalaliddin – Associate Professor of Termez State University, Candidate of Historical Sciences (Uzbekistan)

Molotova Gulbakhrem – Head of the Department of Literary Studies and Linguistics of the Uyghur Studies Center, R. B. Suleimenova Institute of Oriental Studies CS MES RK, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Molotova Elvira – Senior Researcher of the Department of Literary Studies and Linguistics of the Center for Uighur Studies, R. B. Suleimenova Institute of Oriental Studies CS MES RK

Moryakova Malika – Junior Research Fellow at Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology CS MES RK

Mukanova Gulnar – Candidate of Historical Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University

Nurmanova Aitzhan – Candidate of Historical Sciences, Leading Research Fellow, R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies

Orazbayeva Altayi – Professor of the Kazakhstan branch of the M. V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Historical Sciences

Ospanov Nurlan – Research Fellow of R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies CS MES RK

Oshan Zhanymkhan – Candidate of Historical Sciences, Head of Asian-Pacific Area Department, R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies

Tabynbayeva Zaure – Senior Research Fellow, R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Candidate of Historical Sciences

Tokhtabayeva Shaizada - Head Research Fellow of R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies CS MES RK, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Shaimardanova Nazigul – Senior Research Fellow, R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Candidate of Political Sciences

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абусейтова Меруерт Хуатовна – директор Республиканского информационного центра по изучению исторических материалов при Институте востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, член-корреспондент НАН РК, профессор, доктор исторических наук

Ауезов Кабдол Жандилдиевич – руководитель отдела «История и археология» Жезказганского историко-археологического музея, магистр исторических наук

Байдоров Еркин Уланович – ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, кандидат философских наук

Дюсенов Багдат Даниярович – научный сотрудник Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК

Еженханулы Бахыт – доктор исторических наук, приглашенный профессор Центра алтаистики и тюркологии в Евразийском национальном университете имени Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, профессор Школы китайской классики Университета Жэньминь, Пекин

Ирмуханов Баймбет Бабиктиевич – профессор, доктор исторических наук

Малабаев Саламат Касымбекович – преподаватель кафедры «История Кыргызстана и Зарубежного Востока» факультета востоковедения и международных отношений Бишкекского государственного университета им. Х. Карасаева, кандидат исторических наук

Медерова Дина Есиркеповна – старший научный сотрудник отдела восточного источниковедения, истории и культуры народов Востока Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, кандидат исторических наук

Мирзаев Джалалитдин Зайниевич – доцент Термезского государственного университета (Узбекистан), кандидат исторических наук

Молотова Гульбахрем Максимовна – заведующая отделом литературоведения и языкознания Центра уйгуроведения Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, кандидат филологических наук, доцент

Молотова Эльвира Максимовна – старший научный сотрудник отдела литературоведения и языкознания Центра уйгуроведения Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК

Морякова Малика Темирхановна – младший научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова КН МОН РК

Муканова Гюльнар Кайроллиновна – профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби, кандидат исторических наук

Нурманова Айтжан Шаймерденовна – ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, кандидат исторических наук

Оразбаева Алтайы Иранбеккызы – профессор Казахстанского филиала МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук

Оспанов Нурлан Муратович – научный сотрудник Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, магистр

Ошан Жанымхан – ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, кандидат исторических наук

Табынбаева Зауре Сыздыковна – ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, кандидат исторических наук

Тохтабаева Шайзада Жаппаровна – главный научный сотрудник Института востоковедения КН МОН РК, доктор исторических наук, доцент

Шаймарданова Назигуль Жасулановна – ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК, кандидат политических наук

Уважаемые коллеги!

Институт востоковедения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан продолжает издание научного журнала «SHYGYS» («Восток»). В журнале публикуются научные исследования казахстанских и зарубежных ученых по различным направлениям востоковедения.

Журнал выходит на казахском, русском, английском, французском и немецком языках.

Редакция журнала «SHYGYS» принимает к публикации статьи, которые должны соответствовать следующим требованиям:

– статьи следует отпечатать в двух экземплярах, 14-м кеглем, шрифтом Times New Roman через один интервал, с соблюдением полей в 2 см со всех сторон. Статьи заверяются подписью автора (авторов). К рукописи прилагается электронный вариант статьи в формате Microsoft Word, графические материалы необходимо предоставлять отдельными файлами с расширениями jpeg или tiff и разрешением не менее 300 dpi. К графическим материалам обязательны подписи;

– сноски даются в следующем виде: в тексте статьи приводится номер по порядку в квадратных скобках, а в конце – автор (Ф. И. О.), название статьи, название источника (книги, журнала), место, месяц и/или год издания;

– графики, диаграммы, иллюстрации и другие графические материалы распечатываются на отдельных листах. В тексте указывается желаемая позиция для размещения графических материалов и приводятся подписи к ним;

– к статье прилагаются резюме на трех языках: русском, казахском и английском, с Ф. И. О. и названием статьи.

– к статье прилагаются следующие сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень и должность, служебный и домашний адреса, номера служебного и домашнего телефонов.

Рукописи статей не возвращаются и не рецензируются.

Ответственность за содержание статей несет автор (авторы).

Редакция журнала оставляет за собой право публикации или отклонения рукописи.

Адрес редакции:

Республика Казахстан, 050010

Алматы, ул. Курмангазы, 29

Тел. (727) 261-16-01

Факс (727) 261-46-00

E-mail shighistanu@mail.ru, uly.dala2017@mail.ru

Ссылка при перепечатке на журнал «SHYGYS» обязательна.

Подписаться на журнал «SHYGYS» («Восток»)

можно в любом отделении «Казпочты».

Подписной индекс 75117 (для подписчиков из Казахстана).